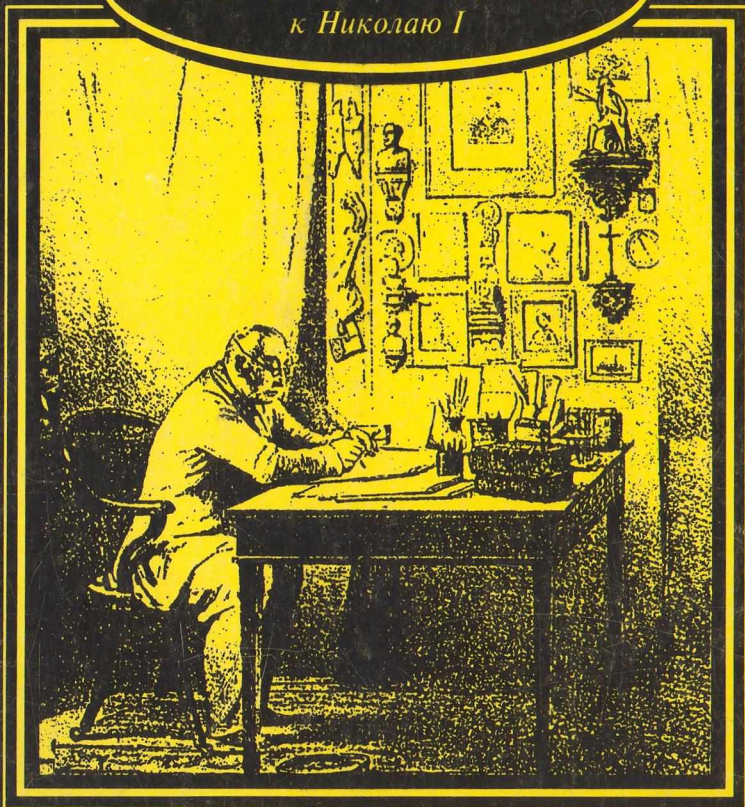

А. Г. Алтунян

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МНЕНИЯ
ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА

*Идейно – стилистический
анализ записок Ф. В. Булгарина
к Николаю I*

УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

А.Г. Алтунян

«ПОЛИТИЧЕСКИЕ МНЕНИЯ»
ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА

*Идейно – стилистический анализ
записок Ф. В. Булгарина
к Николаю I*

Москва
Издательство УРАО
1998

УДК 82.0
А 52

А 52 **Алтунян А.Г.** "Политические мнения" Фаддея Булгарина (Идейно-стилистический анализ записок Ф.В. Булгарина к Николаю I). — М.: Изд-во УРАО, 1998. — 208 с.
ISBN 5-204-00143-3

Книга посвящена идейно-стилистическому анализу записок к Николаю I известного журналиста, издателя и популярнейшего писателя первой половины XIX века Ф.В. Булгарина (1789—1859). Записки, "политические мнения", Фаддея Булгарина рассматриваются автором как политический текст. Анализ записок производится на фоне других текстов сходных жанров (записок А.С. Шишкова, А.С. Пушкина, донесений М.Я. фон Фока, статей С.С. Уварова, доноса М. Грибовского и др.). Особое внимание уделено исследованию идейного и образного комплексов записок Булгарина. В работе поставлен вопрос о специфике политического текста как особого типа текстов. На материале политического дискурса начала XIX века разбирается вопрос о метафоре в политическом тексте, о ее отличиях от метафоры в тексте поэтическом.

Настоящее учебное пособие предназначается для студентов — историков, филологов, журналистов и политологов, а также для всех интересующихся анализом политического дискурса.

УДК 82.0

Рецензенты:

проф. И.С. Смирнов,
канд. филол. наук Ю.С. Мартемьянов

*Рекомендовано
редакционно-издательским
советом УРАО*

Художник Л.Л. Михалевский

ISBN 5-204-00143-3

© Алтунян А.Г., 1998
© Михалевский Л.Л.,
худ. оформ., 1998

ВВЕДЕНИЕ

I

Уважаемый читатель, книга, которую Вы держите в руках, представляет собой аналитическое исследование записок Фаддея Булгарина к императору Николаю I. И одновременно это книга о феномене политического текста — одном из важнейших явлений нашей современной действительности. Книга обращена к тем, кто хочет понять, как устроены политические тексты, в чем их специфика, из каких значений складывается содержание, смысл политических статей, речей, дискуссий, а также к тем, кто хотел бы овладеть некоторыми навыками анализа политических текстов.

Интерес к политическому дискурсу, политическим текстам у философов, социологов возник еще в начале нашего века, но систематическое изучение началось сравнительно недавно, в 1960-е годы. В России изучение актуального политического дискурса, начавшееся в 1920-е годы, вскоре, по понятным причинам, прекратилось. Возобновилось оно только в самое последнее время. Изучение же политических текстов прошлого, история российского политического дискурса — это еще практически неразработанные области. Лучше всего в истории политического дискурса изучена лексика отдельных авторов. Но в силу ряда причин эти лексико-логические исследования были посвящены в основном "прогрессивным деятелям", революционной публицистике. Поэтому, если иметь в виду необходимость появления сколько-нибудь систематической истории русского политического дискурса, изучение текстов проправительственных идеологов представляется особенно насущным. Одним из таких идеологов был известный журналист и литератор Фаддей Булгарин, автор ряда записок консультативного характера, адресованных императору Николаю I, в которых обсуждался ряд актуальных в то время политических тем.

Но почему именно Булгарин? Чем записки этого скандально известного деятеля интересны сегодня для журналистов и поли-

тологов? Ведь прошло больше полутора веков с тех пор, как они были написаны, и мы так далеко ушли вперед! Скажем сразу — не просто интересны, но и поразительно актуальны. Однако сначала несколько слов о самом Булгарине.

Имя Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859) — удачливого журналиста и издателя, автора поистине "народного" по своей популярности романа *"Иван Выжигин"* — одно из самых упоминаемых в исследованиях, посвященных истории русской литературы и журналистики. О нем писали крупнейшие российские критики, литературоведы, историки: В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, М.К. Лемке, В.А. Покровский, В.Ф. Переверзев, Ю.Г. Окман, Г.О. Винокур, Н.Я. Эйдельман и многие другие¹.

Образ Булгарина, сформировавшийся в российской и советской историографии, хорошо известен: шпион, антагонист Пушкина, заурядный литератор, потакавший вкусам мещанской публики (идеолог "мещанской народности"), беспринципный делец и т.д. Но в последние годы появились работы, в которых такая оценка личности и деятельности Булгарина стала толковаться как односторонняя и предвзятая. Пафос этих работ во многом обусловлен двумя моментами.

Первый. В исторической перспективе многие важные и для современников Булгарина, и для многих позднейших исследователей, обстоятельства кажутся не столь уж важными и определяющими. (Среди этих обстоятельств: переход Булгарина в армию Наполеона и участие в войне против России, критика *"Истории..."* Карамзина, неприятие "натуральной школы" (прежде всего Гоголя), его неуживчивый характер и сотрудничество с III отделением.) Возникли новые подходы и критерии: интерес к культуре в ее социологических, экономических, политических аспектах. В рамках этих представлений Булгарин оказывается чрезвычайно интересной, в определенном смысле типической фигурой². Кроме того, новые подходы позволили по-иному взглянуть (и оценить!) на его неординарную, деятельную, широкую натуру.

Второй момент, обусловивший изменения в трактовке образа Булгарина, — это пафос "переписывания истории" как реакции на жестко регламентированную систему оценок исторических деятелей и событий, сложившуюся в советской науке. (Стоит, однако, отметить, что на подобное "переписывание" в последние годы есть социальный и политический заказ, оно санкционируется властью.) Уже сам факт принадлежности той или иной исторической

фигуры к "показательным" отрицательным персонажам вызывает у многих авторов протест и буквально требует "нового прочтения" Так, некоторые современные исследователи даже доносы Булгарина на российских литераторов склонны толковать как "докладные записки", которые Булгарин писал "по запросу, а не по собственной инициативе"³. (Последнее утверждение просто ошибочно. Доносы на Погодина, Вяземского написаны очевидным образом по инициативе самого Булгарина.) Методологически же наиболее легкий вариант "нового прочтения" — это смена знаков в оценке событий и персонажей⁴.

Наша работа — продолжение разговора о Булгарине, одном из интереснейших деятелей первой половины XIX века, и о его времени.

Вспомним общеизвестное: с именем Булгарина связано развитие нравоописательного жанра, он автор нескольких популярных романов. Но, пожалуй, самое важное то, благодаря чему он останется в истории русской культуры, — это издание им совместно с Н.И. Гречем первой русской частной ежедневной газеты. Их "*Северная пчела*" была в 1830-х годах самой популярной ежедневной газетой в России и одновременно весьма доходным предприятием. Обычное объяснение последнего факта: "*Северная пчела*" была единственной частной общероссийской газетой, обладавшей правом печатать политические новости, и эту монополию ее издатели защищали, используя III отделение, избавляясь от потенциальных конкурентов с помощью доносов. Это действительно так⁵. Но необходимо отметить и другое: чтобы в России издавать ежедневную политическую газету, которую читает сам Государь император и которая поэтому пользуется особым вниманием со стороны III отделения, когда в любой момент за статью или фразу, показавшуюся кому-то в III отделении двусмысленной, можно было подвергнуться унижительным оскорблениям, а иногда и аресту, когда изо дня в день необходимо было вести изнурительную борьбу с цензором за каждую статью, когда уровень запросов российской публики был очень низок — для этого надо было быть Булгариним и Гречем. Вспомним, что Пушкину после долгих переговоров Николай I разрешил в 1832 году издавать "политическую газету", но из столь желанного поначалу для Пушкина проекта ничего не вышло. Для подобного дела нужны были люди особой складки, такие, как Булгарин и Греч. Для истории же русской культуры сам факт возникновения пер-

вой частной русской массовой ежедневной газеты, ставшей при этом доходным предприятием, — чрезвычайно значимая веха. Вне зависимости от моральных качеств удачливых предпринимателей.

Необходимость изучения болгаринских текстов обусловлена еще и тем обстоятельством, что их автор — талантливый политический писатель. Его язык — сочный и образный, стиль — ясный и точный. Но в полной мере его талант политического писателя проявился, пожалуй, лишь в докладных записках и письмах, где Булгарин писал без оглядки на цензуру. Вот лишь несколько примеров: "Общее правило в монархическом неограниченном правлении должно быть как возможно более вольности в безделах. ...Дать бы летать птичке (мысли) на ниточках и все были бы довольны" "А мы дураки и скоты плакали во времена Магницкого и Рунича! Да это был золотой век Литературы!, в сравнении с нынешним. Не завидую я месту Уварова в "Истории"! А история — живет, видит и пишет на меди!" Или такая, например, характеристика российского общества, питающегося слухами, потому что открытое обсуждение злободневных тем запрещается: "Приказано всем молчать, и все молчат, а в умах хаос, в сердцах яд — просто нравственная чума" А вот почему тогда еще молодому ученому Михаилу Погодину не стоит разрешать издание политической газеты: "Юноша сделается камратом и пойдет за общим стремлением. Течение увлечет его — надобно иметь вес, чтобы не быть снесено" (Kamrat (польск.) — дружок, соратник по воинской службе.)

Историкам известны многочисленные тексты, которые можно было бы назвать политическими: экспертные записки, проекты, программы. Некоторые из них хорошо изучены, постоянно привлекаются исследователями. Но обычная судьба таких документов, если они не несут конкретной информации об исторических событиях, — быть опубликованными и затем упоминаться в специальных справочных изданиях.

И докладные записки, и даже доносы изучать возможно: как политические, исторические, идеологические документы. Для этого нужно разработать методику и технику анализа, которые позволили бы понять, как устроены эти тексты, и вскрыть заложенную в них информацию, касающуюся не только амбиций, интриг, событий, но и конъюнктуры идей и взглядов. Разработке методики идейно-стилистического анализа политических текстов на материале записок Булгарина и ряда других текстов и посвя-

щена настоящая работа. Среди текстов, которые мы дополнительно привлекаем для анализа: Записка А.С. Шишкова 1826 года; Записка о народном воспитании А.С. Пушкина, Записки А.О. Корниловича; Записки М.Я. фон Фока 1826—1830 годов; Записка М. Грибовского 1821 года, статьи С.С. Уварова.

Комплекс записок 1826 года был написан Булгариным во время следствия по делу декабристов и сразу после исполнения приговора. Сам автор назвал их именно "политическими мнениями" Булгарин рассуждает о нуждах государства, о пороках системы управления, об образовании, цензуре, книгопечатании и т.д. Главная тема его записок: что надо делать, как именно надо управлять, чтобы восстание, подобное 14 декабря, больше не повторилось. В этих записках Булгарин предстает прежде всего как политический писатель. (Хотя и здесь не обошелся без ряда провокационных замечаний по адресу своих "недругов": С.С. Уварова, братьев Тургеневых и некоторых других). Булгарин писал консультативные записки для управлявших III отделением М.Я. фон Фока, Л.В. Дубельта, но есть и ряд текстов, написанных им "только для государя императора" Эти документы начали публиковать в конце XIX века. Всего на сегодняшний день опубликовано более 20 текстов. Однако, становясь литературным, историческим фактом, эти документы еще не стали предметом специального исследования, как, впрочем, и большинство подобных текстов.

Без сомнения, Булгарин — один из крупнейших деятелей русской журналистики, и это становится особенно ясно именно сегодня. (Такое утверждение ни в коем случае не умаляет заслуг других современных ему издателей и журналистов: Ник. Полевого, Погодина, Надеждина, Сенковского, Краевского, — равно как и не подвергает сомнению правомерность брезгливого негодования, которое возбуждала фигура Булгарина уже у его современников.) Тот факт, что некоторые исследователи пытаются восстановить "истинное значение" фигуры Булгарина в истории русской культуры, восстанавливая его доброе имя, вызывает лишь сожаление о потраченном авторами времени. Булгарин предпринимал большие усилия, чтобы остаться в памяти потомков как писатель, ученый, меценат, библиофил, но своего довольно циничного отношения к тому, что в его время и в том кругу, к которому он хотел принадлежать, считалось моральной нормой, он особенно не скрывал. Ставку делал на другое: войти в русскую культуру.

стать влиятельным в своем деле, добиться успеха, несмотря ни на что. И в этом он преуспел. Но актуален ли он как политический писатель? Безусловно, и именно сегодня.

Идеи, проводимые Булгариным в его записках, и его спор с Шишковым — это как бы введение в идейную жизнь современной эпохи. (Мы имеем в виду эпоху Нового времени.) Булгарин одним из первых в России понял, какую роль может сыграть литература, а точнее журналистика, в политической жизни государства. Увеличение тиражей газет и распространение в обществе, в среде "читающей публики", интереса к политике, к происходящим в государстве событиям давало возможность правительству снабжать эту часть общества унифицированной информацией, проводящей определенный взгляд на события. А поскольку грамотные люди во всех слоях общества служили для остальных источником сведений о происходящем в стране, то открывалась возможность контролировать поток информации во всем обществе. Кроме того, авторитет печатного слова способствовал некритичному усвоению информации, а соответственно и усвоению точки зрения правительства на то или иное событие.

Сама идея правительственного контроля за печатью восходит к известному опыту Наполеона, поставившего под свой контроль всю печать Франции. Но, развивая эту идею, Булгарин пошел, кажется, дальше⁶. Он утверждал, и совершенно справедливо, что для успешной манипуляции общественным мнением необходимо не просто контролировать прессу, нужна и "некоторая гласность". (Кстати, насколько нам известно, именно у Булгарина слово "гласность" впервые приобретает политическое значение, ставшее сегодня основным.) Гласность нужна для того, чтобы публика, читая критические отзывы журналистов о "мерах правительства", *доверяла* журналисту и принимала на веру все его суждения, в том числе и "в пользу правительства". Роль гласности — не только в том, чтобы доводить до сведения общества и власти голос критики, но и в том, чтобы помочь сформировать общественное мнение и управлять им в интересах власти.

В середине XIX века, во время подготовки великих реформ, феномен гласности снова стал актуален. Параллели с нашими недавними перестроечными и послеперестроечными реалиями слишком очевидны, и эти параллели не случайны. Феномен гласности возникал в русском обществе всякий раз, когда в обществе появлялась надежда на социальные и политические реформы; а

власти оказывалась необходима сознательная общественная поддержка.

В своей работе мы анализируем высказывания Булгарина о власти, правительстве, обществе, журналистах-литераторах, о гласности. В результате оказывается возможным реконструировать его понимание роли журналиста в обществе, понять, из каких представлений он исходил, рассуждая на данную тему. Вот схема отношений власти, общества и журналиста, которая лежит в основе рассуждений Булгарина: журналист — это *медиатор, посредник* между властью и обществом. Он доносит до общества мнения и намерения власти и информирует власть об общественном мнении в виде, например, критических высказываний о "мерах правительства". Власть получает возможность узнать "способных людей" и рекрутировать из них кадры ответственных чиновников. "Власть" в этой схеме понимается как активное начало в отношениях с обществом: она *формирует общественное мнение*, в то время как общество лишь *излагает свое о власти мнение*.

Как поразительно актуальна такая схема! До сих пор журналисты самых разных направлений и политических ориентаций, трактуя в своих статьях отношения прессы, общества и власти, исходят из тех же представлений, что и Булгарин. Назовем такой тип отношений в связке "власть—общество—журналист", когда журналист выполняет роль *медиатора*, — "схемой гласности". Журналисты до сих пор считают едва ли не важнейшей своей задачей доводить до власти общественное о власти и ее действиях мнение. По существу, это реализация обратной связи (от общества к власти), направленной на коррекцию действий власти, на исправление ее ошибок. А с другой стороны, журналисты объясняют обществу смысл действий власти, сущность реформ, полезность указов, смысл парламентских дебатов. При этом не важно, ругают власть журналисты или хвалят. В любом случае они *разъясняют* обществу политику властей. Такова схема отношений, которой продолжают руководствоваться едва ли не все политические публицисты сегодняшней России.

Конечно, "схема гласности" более "прогрессивна" по сравнению со схемой "коллективного агитатора и пропагандиста" советских времен, когда пресса выполняла только одну функцию: информировать общество о решениях власти. Сегодняшняя ситуация интересна тем, что само понятие "гласность" в качестве авторитет-

ного уже исчерпало себя и даже дискредитировано, оно вытеснено новым понятием, новой концепцией — "свободы слова", а пресса в значительной мере перестала быть инструментом управления общественным мнением в руках властей. Но при этом понимание журналистами своих отношений с обществом и властью остается таким же, как и на начальном этапе перестройки.

А между тем отношения журналиста, власти и общества в рамках концепции "свободы слова" имеют совсем другую природу. Журналист, политический публицист в рамках этой схемы обращается исключительно к читателю, к члену потенциальной политической аудитории. Само предположение, например, что комментатор "Washington Post", критикуя действия властей, обращается к президенту, чтобы тот скорректировал свою политику, — абсурдно. Не президент, а читатель — его адресат. Разумеется, в потенциальную политическую аудиторию входят и представители власти, и президент, но лишь в качестве читателей.

Отсюда следует одно, на первый взгляд неожиданное, предположение: новый стиль журналистики будет формироваться на основе журналистики развлекательной, той, что традиционно считается журналистикой второго сорта (по сравнению с журналистикой серьезной, политически ангажированной). Развлекательная журналистика уже сейчас направлена на читателя, на обслуживание читателя, вне зависимости от его места в социальной, политической иерархии. Серьезная же журналистика, озабоченная судьбой страны, политическими реформами, влиянием на власть — оказывается более косной. Мы ни в коем случае не хотим сказать, что серьезная журналистика хуже, чем развлекательная. Речь лишь о том, что развлекательная журналистика быстрее почувствовала новую природу отношений между прессой и обществом, созданную ситуацией свободы слова. А серьезная журналистика до сих пор живет в идеологическом времени гласности. Но и серьезной журналистике постепенно придется меняться. Демократизацию отношений с читателем задает рынок. Так было и в прошлом веке: Булгарин спустя тридцать лет после написания своих записок, разъясняя своему коллеге основы политической журналистики, говорил, что публике интересна только такая "политика", когда там бьют по морде, а вовсе не глубокомысленные описания и анализ. *Публике, а не чиновникам!* Произошла смена акцентов. Власть пусть живет, как хочет, а журналист работает на читателя.

Сближает записки Булгарина и сегодняшнюю журналистику и тот основной пафос, который наполнял его записки: объяснить изменившийся мир. Мы снова, как и Россия начала XIX века, находимся на переломе времен, на переходе от общества, ориентированного прежде всего на удовлетворение нужд и интересов *государства*, к обществу нового типа, мы снова общаемся к идеям европейского Нового времени. И этот процесс сегодня, как и в начале XIX века, идет параллельно с освоением нового идейного пространства. "Мир идет вперед", — объяснял Булгарин Николаю I, — все меняется, во всей Европе отношения людей, их миропонимание претерпевают изменения. А в России власть по-прежнему ориентируется на старые, традиционные нормы отношений. И это вредит, прежде всего, самой власти. Ведь "умеренная гласность", следование "духу времени" важны не сами по себе, и совсем не только журналистам, они нужны также и власти. В новом, изменившемся, по мнению Булгарина, мире, старые методы управления оказываются неэффективными. С их помощью уже нельзя отвечать на вопросы, которые поставило время: что делать, чтобы восстание, подобное 14 декабря 1825 года, больше не повторилось, где брать честных чиновников, как использовать тайную полицию, как строить систему образования и т.д.

Особенность, которая отличает политические тексты Булгарина от текстов сегодняшнего дня, состоит в том, что его адресатом выступает один человек — Николай I. Поэтому, например, на первый план выдвигается не мобилизационная функция политического текста, а функция убеждения. (К вопросу о функциях политического текста мы еще вернемся.)

Новое время принесло Европе не только идеи политической свободы и демократии, но и концепции, тоталитарные по своей природе. И Булгарин — отнюдь не либеральный мыслитель. В своих построениях он использует многие достижения своего времени, от идейных конструкций до технических новшеств. Он заимствует из опыта наполеоновской Франции не только понимание важности общественного мнения, но и идею контроля над этим мнением, и понимание роли сильной тайной полиции. В этом смысле Булгарин как политический писатель Нового времени очень характерен. Он не был либералом или консерватором, он просто видел: мир меняется, и кожей чувствовал, куда идет движение. Он нес основные идеи своего времени даже не в прямых

высказываниях, а в самих априорных посылках суждений. То, что сегодня, как и в России начала XIX века, значительная часть этих идей оказывается актуальной, и делает изучение записок Булгарина насущной научной задачей⁷

II

Ниже мы очень кратко объясняем наш подход к феномену политического текста и к тому, что мы понимаем под идейно-стилистическим анализом политического текста. Тем, кого могут испугать многочисленные "тексты", "функции", "жанры", "риторические приемы" и другой необходимый для теоретического введения в тему понятийный аппарат, мы советуем, пропустив эту часть Введения, прямо приступить к чтению гл. 1. Может быть, после знакомства с практическим анализом конкретных текстов у вас возникнет желание вернуться к теоретическим рассуждениям.

Итак, идейно-стилистический анализ — это анализ текста с точки зрения того, какие идеи, идейные комплексы в нем представлены и каким образом эти идеи связаны со стилистическим, риторическим уровнями текста. Идейно-стилистический анализ — это такой вид анализа, который позволяет выявить не только значение прямого слова, но и дает возможность работать с неявным планом текста, с непрямым, невысказанным словом. Совсем не всякий текст поддается идейно-стилистическому анализу. Например, поэтические, как и вообще художественные произведения, очень трудно разъять на идеологически значимые приемы, не повредив ткань стиха и не утратив собственно поэтического смысла. А вот политический текст, как мы утверждаем, принципиально поддается такому виду анализа. (Мы говорим только о современном типе политических текстов, то есть о политических текстах Нового времени.)

Дело в том, что политический текст существенно отличается от текста художественного (поэтического), философского. Поэтические и даже философские произведения мы можем себе представить и без читательской аудитории. Политических же текстов без потенциальной политической аудитории не существует. Если автор текста, в котором речь идет о злободневнейших политических проблемах, не предназначает свой труд для аудитории, пусть сколь угодно малой, пусть хоть в мечтах, но аудитории, его текст будет всем, чем угодно — эссеистикой, философией, днев-

никовыми записями, но не политическим текстом. Политический текст не существует сам по себе и для себя, что теоретически возможно для других типов текстов. Он всегда инструмент воздействия на потенциальную аудиторию. Все его приемы принципиально должны поддаваться расшифровке, а все его смыслы — полностью исчерпываться при анализе прямого слова и тех приемов, которые употребил автор текста. В отличие от поэтического текста, интенции которого никогда не ограничены задачами воздействия на потенциальную аудиторию, интенции политического текста полностью исчерпываются этими задачами.

Итак, политический текст нацелен на аудиторию. Его основные функции: а) идеологическая; б) аргументативная; в) мобилизующая.

Идеологическая функция политического текста — это изображение действительности (как ее видит и понимает автор!), то есть изображение проблем, которые обсуждает автор, и способов их разрешения в контексте окружающей жизни. Мы принимаем как аксиому, что таких изображений, точек зрения, видений ситуации может быть достаточно много, но их число всегда ограничено. Ограничено числом актуальных в данный момент, в данном обществе альтернатив, подходов, "видений" действительности, например, числом подходов к решению какой-то актуальной политической проблемы. Политические партии в своих программах, отдельные политики в своих выступлениях, политические публицисты в своих текстах предлагают свое видение мира и способы решения актуальных проблем. Но задача политика, политического публициста не кончается на том, что он просто изобразит ситуацию в рамках определенной точки зрения. Ему необходимо *убедить* аудиторию, что именно его точка зрения истинна, что именно его видение проблемы и общества адекватно и что в рамках именно так понятой действительности возможно эти проблемы решить. Для этого автор использует различные системы аргументации: от логических доводов до обращения к авторитетным символам. Но и убедить аудиторию в том, что политик прав — это еще не все. Ему необходимо *мобилизовать* аудиторию в свою поддержку, в поддержку своей позиции. То есть добиться того, чтобы читатель, слушатель — член потенциальной политической аудитории — не просто понял: автор политического текста прав, — но и поддержал его позицию, его партию. Поддержал в буквальном смысле: на избирательном участке, на демонстрации и т.д. (Об этом часто забывают демократические политики.

Ориентируясь на рациональную просветительскую парадигму и на политически ангажированную часть общества, многие политики исповедуют тезис: убедить — это и значит мобилизовать. Что, конечно, далеко не так.) Отсюда следует, например, такой вывод: политический текст должен быть полностью понятен той потенциальной аудитории, для которой текст предназначен. Вернее, в нем не должно быть непонятных, трудных для понимания и расшифровки элементов. Все изобразительные элементы, относящиеся к прямому слову, к очевидно высказанному, должны быть легко прочитаемы — например, метафоры или иные риторические фигуры. Дополнительные же смыслы, акценты могут быть сколь угодно изощренными (скажем, пропагандируя "борьбу за мир", угрожать войной тем, кому "не дорог мир"), но для потенциальной политической аудитории они должны быть понятны.

Легко заметить, что политический текст по своим задачам, по своим функциональным характеристикам очень схож еще с одним типом текстов, который сравнительно недавно ворвался в нашу жизнь. Это, конечно, рекламные тексты. Как и политический текст, реклама немыслима без аудитории. Так же, как и в политическом тексте, в задачу рекламы входит определенным образом воздействовать на аудиторию, мобилизуя ее на покупку. Отмечая ряд сходных черт между этими типами текстов, некоторые зарубежные прикладные лингвисты в своих исследованиях относят их (рекламные и политические тексты) к одному, "убеждающему, уговаривающему", жанру (*persuasive genre*).

Отличия политического текста (как функционального жанра) от рекламного не столь явны, как их сходство, но тем не менее очевидны. Политический текст — всегда *убеждающий* и лишь иногда *соблазняющий*, рекламный текст — всегда *соблазняющий* и лишь иногда *убеждающий*. Приемы, использованные для создания рекламного текста, в отличие от инструментария текста политического, могут быть не прояснены и с трудом поддаваться расшифровке. Рекламный текст обращается не столько к сознанию, сколько к эмоциональной сфере, к подсознанию.

Политический текст никогда не бывает самодостаточным высказыванием, это всегда реплика в споре актуальных альтернатив. Это всегда полемика с другими актуальными точками зрения.

Предельно упрощая, структуру политического текста можно представить в виде трех уровней:

уровень очевидных смыслов, прямое слово, (то, что сказано);

уровень риторических, стилистических, логических средств (то, как сказано);

уровень априорных посылок (то, из чего исходит автор в своих суждениях, и что при этом специально не оговаривается).

Под "очевидными смыслами" мы понимаем те значения, о которых автор прямо заявляет в тексте. Риторические средства, образную систему, систему аргументации, структуру текста мы рассматриваем в связи с теми смыслами, теми значениями, которые они в себе несут, рассматриваем в качестве значимых элементов текста, поскольку *любой* прием, использованный автором текста, иногда бессознательно, имеет определенное идеологическое значение и *может быть соотнесен* с общей идеологической картиной мира, вырастающей из данного конкретного текста.

Под априорными посылками мы понимаем набор идей, ценностных установок (в соответствии с которыми оцениваются факты, идеи, высказывания), систему ориентаций (во времени, пространстве, социуме). Ориентации во времени — это понимание исторического процесса, того, как он идет: линейно, диалектически, спиралевидно, как регресс или как прогресс, что принимается в качестве символических опорных точек на оси времени, где наше место на этой оси и т.д. Ориентация в пространстве — это понимание границ "нашего" мира, где находится центр "нашей" ойкумены, как "наш" мир соотнесен с другими мирами. Ориентация в социуме — это разделение общества на "мы" и "они", это признаки деления на социальные слои, самоотжествление себя с одним из таких социальных слоев и т.д. Словом, априорные послылки — это весь тот набор оценок и представлений, из которых мы исходим в своих высказываниях, не считая необходимым оговаривать их истинность, принимая их, обычно неосознанно, как очевидную данность. Сюда, конечно, входят и иррациональные предрассудки, но лишь в качестве одной из очень многих априорных посылок и наряду с вполне рациональными комплексами: различного рода моделями устройства мира, например, механистической или, наоборот, сакрально-мистической. То есть априорные послылки для нас — это не подсознательный уровень (как оппозиция разуму) и не "предсознание" (как вместителище предрассудков).

Политический текст дает объяснение событию, явлению, ставит его в контекст реальности, убеждает, что именно такое виде-

ние события является истинным. Автор политического текста использует определенные слова, образы, понятия. Он определенным образом описывает отношения социально-политические, юридические. Он выстраивает субъектно-объектные отношения, выделяет основные мотивации и т.д. Говоря о частном случае, он объясняет его, ссылаясь на другие факты, ценности, символы, по его мнению, очевидные и проясняющие суть описываемого события. Создавая контекст события, автор описывает мир таким, каким он хочет, чтобы его восприняла потенциальная аудитория. При этом, вольно или невольно, он задает и свою позицию. Это то место в идеологическом пространстве (буквально — точка зрения), из которого мир предстает таким, как его описывает автор. И для анализирующего текст эта позиция вполне может быть реконструирована.

Автор, поставив точку в конце своего текста, завершает не только объяснение события, то есть прямой план текста, он завершает также описание своего понимания действительности. В законченном политическом тексте создан и мини-универсум. Мир понят и объяснен, завершен. Анализируя текст, мы можем не только стараться понять, что автор говорит собственно о теме своего выступления, о конкретных проблемах, но также мы можем претендовать на то, чтобы понять мировоззренческую позицию автора, описать его универсум или хотя бы часть этого универсума. Сделать это возможно, если мы будем анализировать априорные послылки, из которых автор исходит. И в анализе априорных посылок одинаково важно исследовать как прямой план текста, так и риторический. Выбор автором тех или иных риторических средств во многом проясняет его мировоззренческую позицию.

Мировоззренческая позиция не всегда отчетлива, не всегда осознанна и часто внутренне противоречива. Иногда бывает, что мир, возникающий из прямых высказываний автора, не совпадает с миром, реконструированным из априорных посылок.

Возникает вопрос: занимаясь анализом априорных посылок, то, что стоит за произнесенным словом, восстанавливая мировоззренческую позицию автора, не вмешиваемся ли мы во внутренний мир автора текста? Ведь автор дал нам текст, но не приглашал нас в качестве психоаналитика. Здесь необходимо отметить, что предлагаемый нами вид анализа — это ни в коем случае не анализ психолого-мотивационный: что двигало автором, почему он написал именно такой текст и т.д. Наш вид анализа — это не

анализ психологии (или психопатологии) автора. Мы подходим к тексту как к политической данности. Мы исследуем не психологическое, а идеологическое пространство. Мы исходим из того, что пока автор текста выступает как политик или политический публицист, то, каковы бы ни были его высказывания, аналитик должен воспринимать автора именно в этом качестве. Даже в крайних случаях, когда неадекватность автора очевидна. Аналитик занимается не психиатрической диагностикой, а политическим, идеологическим анализом. А право на оценку политического текста с точки зрения *политического и идеологического* содержания не нуждается в доказательстве.

Идейно-стилистический анализ текстов помогает прояснить идеологические процессы, идущие в обществе. Как именно, в какой форме происходит усвоение и актуализация идей и идейных комплексов, превращение их в идеологические, мировоззренческие парадигмы. Как идеи проходят путь от отдельного высказывания или открытия выдающегося человека до усвоения их в качестве общего места, фразеологизма, который принимается как данность, не требующая доказательств. Это две, так сказать, крайние точки: начало и конец, а между ними — длительный процесс усвоения, утверждения, полемики с другими точками зрения, другими идеологическими парадигмами.

Каким же образом мы можем исследовать идейный план текста? Прежде всего — это анализ собственно содержания, прямого смысла данного текста. Затем наступает черед анализа понятийной системы, системы образов. Затем разбор логических структур, лингвистических феноменов, таких как модальность высказываний, субъектно-объектные отношения, анализ стилистических особенностей и т.д. Далее выделяется круг оппонентов и соответственно те точки, те позиции, где в наибольшей степени выказывается полемическая направленность текста. И, конечно, исторический анализ, например анализ истории слова в языке и политическом дискурсе, с привлечением для сравнения других текстов. (Под политическим дискурсом мы понимаем всю совокупность политических текстов, устных выступлений, ограниченных рамками того или иного социума, — европейского, российского, советского и т.д., — и рамками временными. Например, советский политический дискурс периода перестройки.) В настоящей работе, исследуя идейный план текста, основное внимание мы уделили анализу образной системы записок Булгарина.

Итак, задачи, которые мы ставили перед собой, пытаясь осуществить идейно-стилистический анализ текстов, следующие:

1. Понять, как устроены тексты Булгарина.

2. Выделить точки полемики и описать оппонирющие точки зрения. То есть понять место автора в современном ему политическом и идеологическом поле.

3. Понять идейный и стилистический планы текста в их взаимосвязи.

4. Выделить идейный базис текста, описать "оптическую систему" автора, его мировоззренческую призму, то есть как его текст преломляет действительность, на какие априорные идеи опирается автор, создавая свою картину мира.

В первой главе мы предпринимаем разбор конкретных текстов Булгарина. Вторая глава представляет собой теоретическую, вступительную часть к разбору образной системы записок Булгарина, представленному в третьей части работы.

В заключение я хотел бы вспомнить и поблагодарить всех тех, без кого настоящая работа не могла бы состояться. Это, во-первых и прежде всего, выдающийся пушкинист профессор С.М. Бонди, в семинаре которого мне посчастливилось участвовать. Это он предложил мне еще в 1982 году написать работу о Булгарине. Во-вторых, это мои учителя и коллеги по Тартускому университету, где в продолжение трех лет я писал работу о Булгарине и изучал его время. В-третьих, это редакция "Вопросов литературы", в особенности С.В. Ломинадзе и Л.И. Лазарев, чье редакторское участие задало тон в работе над рукописью книги. И, конечно, это руководство Университета Российской академии образования, поддержавшее мой проект и осуществившее издание.

Отдельные части книги были опубликованы ранее в периодических изданиях:

разбор полемики Булгарина с А.С. Шишковым в журнале "Вопросы литературы" (1993. Вып.2. С. 173—214);

вторая глава частично в журнале "Россия—Russia" (1993. V. 8. P. 43—68).

Все библиографические ссылки даны в прямых скобках: первая цифра обозначает номер книги в "Библиографии"; вторая (римская) — том, часть; третья — страницы.

Ссылки на записки Булгарина и записку М. Грибовского даны в круглых скобках с помощью символа (см. список сокращений) и указания страницы. Курсив в цитатах, за исключением оговоренных случаев, принадлежит авторам текстов. Полуужирный в цитатах принадлежит автору книги.

Глава I

"КАК СОСТАВИТЬ ОБЩЕЕ МНЕНИЕ И УПРАВЛЯТЬ ОНЫМ"

I

СПОР ЛИТЕРАТОРА И МИНИСТРА

Записка Булгарина "*О цензуре в России и о книгопечатании вообще*" подана была в мае 1826 года "для Государя Императора" Булгарин писал: "Записка сия заключает в себе одни политические мнения, наблюдения и соображения"

Главная ее тема — общественное мнение. Понятие "общественное мнение" с начала XIX века получило в России широкое распространение. Его использовали многие: от Александра I до Белинского. Употреблялось оно главным образом в двух значениях: мнение общества по поводу того или иного события, репутации человека и т.д.; и политическом — касающемся исключительно взаимоотношений власти и общества. Если существование общественного мнения в первом значении в начале XIX века ни у кого из известных нам авторов сомнений не вызывало, то существование его как политического феномена (в России) Пушкин, например, ставил под сомнение. Однако и Александр I, и известный фрондер генерал Михаил Орлов, и многие российские авторы того времени употребляли это понятие именно во втором значении¹.

Булгарин предлагает свое объяснение отношений, существующих между властью, обществом, литераторами и возникающей благодаря книгопечатанию возможностью управлять общественным мнением.

Записка, без указания имени автора, была передана Александру Семеновичу Шишкову, министру народного просвещения: "Его величеству угодно иметь по сему предмету мнение ваше", — писал Шишкову начальник Главного штаба Иван Иванович Дибич.

В записке Булгарина и ответе на нее Шишкова затрагиваются вопросы государственной важности, проблемы политические. Оба

писали свои записки для государя и, отстаивая свои мнения относительно конкретных государственных, политических вопросов, они, таким образом, вольно или невольно оказались в положении советников в вопросах отношений власти и общества, советников, претендующих на формирование политики. И если для министра просвещения такая роль естественна, то претензии Булгарина могут показаться не соответствующими привычному образу удачливого журналиста, доносчика и провокатора. Вот как сам Булгарин оценивал свою записку: "Я представил нашу публику и цензуру в их настоящем положении и это почитаю достаточным для принятия нужных мер к удовлетворению первой и усовершенствованию последней. Исполнение самых лучших законов зависит от наблюдения за исполнителями и указания волею Монарха пути, по которому должно следовать" Булгарин фактически и предлагает монарху этот "путь": в записке "заключаются такие предметы, которые могут быть произведены одною законодательною властью... Я мыслю только для Государя"

"Мнение А.С. Шишкова о цензуре и книгопечатании в России 1826 года" (под таким названием был опубликован ответ Шишкова на записку Булгарина) составлено так, чтобы дискредитировать автора записки, содержащей критику деятельности министерства просвещения.

Шишков цитирует начало первого абзаца записки Булгарина: "Необыкновенные перевороты в политическом мире, воследовавшие в продолжение последних тридцати лет, порождаящие постепенно страх и надежду (следует понимать: поочередно, попеременно. — А.А.) во всех сословиях общества, сделали людей любопытными, внимательными ко всем происшествиям и распростирили вкус к средствам, сообщающим познания, сведения и известия, то есть к чтению"

Далее следует возражение Шишкова: чтение действительно распространилось лишь благодаря тому, что много открылось учебных заведений. Кроме 1812 года "немного... политических происшествий, которые бы могли в течение означенного времени породить у нас... страх и надежду во всех сословиях общества"

Булгарин в своих записках точен в хронологических отсылках. Поэтому обратим внимание на дату, к которой он отсылает, — 1796 год. Это смерть Екатерины II, начало итальянского похода Наполеона. Последующие 30 лет действительно были бурными и порождали попеременно "страх и надежду": войны французской

республики, царствование Павла I, реформы в начале царствования Александра I, войны французской империи против всей Европы, утверждение конституционного строя во Франции, а в 1818 году — в Царстве Польском, работа над проектами российской конституции и освобождения крестьян, обсуждение этих вопросов в журналах ("Дух журналов", "Сын Отечества"), распространение идей в "духе времени"

То, что Булгарин говорит о пробуждении интереса к сведениям, к известиям, предполагает **осознание читателем связи между личной жизнью и политическими событиями**. Школьное обучение, чему приписывает Шишков увеличение числа читателей, условие, действительно необходимое, но недостаточное: без личной заинтересованности в "сведениях, известиях", "любопытства", которые постепенно формируют вкус к информации, читателей не прибавится.

Возражения Шишкова: отказ признавать за происходившим в России статуса "важных событий", отрицание связи между интересом к историческим (политическим) событиям и увеличением числа читателей, развитием книжного рынка — говорят о его нежелании признавать влияние внешних событий на русское общество, о непризнании динамики, движения, несущих важные изменения. Интересно, что сам Шишков ниже приводит пример, как взбунтовавшиеся крестьяне представили в качестве оправдания бунта книжку "Вестника Европы" со статьей, в которой обсуждался вопрос об освобождении крестьян. А ведь это довод в пользу Булгарина!

Шишков пропускает у Булгарина место, где тот объясняет феномен "общественного мнения", его природу, роль, которую оно играет в обществе. Булгарин, отмечая, что существование общественного мнения многими ставится под сомнение, утверждает, что оно существует всегда и везде, при любом образе правления. При этом природа и функционирование общественного мнения таковы, что дают возможность влиять на его формирование и даже "напутствовать... и управлять" им "посредством книгопечатания" Причем это управление даже необходимо: "гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность... управлять оным", так как неуправление означает "предоставить его на волю людей злонамеренных"

Эти мысли Булгарин высказывал и в других записках, написанных в 1826 году: "В просвещении — пренебрежено главней-

шее: ...направление умов к полезной цели посредством литературы", "правительство не заботилось, а частные люди заботились о делании либералов" (из записки о Царскосельском лицее). Схожую мысль о возможности влияния на общество с помощью литературы высказал прусский министр Штейн в 1812 году, предложив Александру I использовать литературу в целях политической пропаганды. Тогда появился журнал "Сын Отечества" Н.И. Греча, активизировался "Русский вестник" С.Н. Глинки [75. С. 282—283]. О понимании связи между литературой и общественным мнением свидетельствуют и записки управляющего III отделением М.Я. Фока к А.Х. Бенкендорфу, относящиеся к лету—осени 1826 года.

Надо учитывать, что столь ясное сегодня влияние литературы, прессы на общественное мнение в 1826 году, в России, когда тиражи самых популярных изданий не поднимались выше нескольких тысяч, было далеко не очевидно. А мысль Булгарина, что общественным мнением можно управлять "*по произволу*", что это может делать правительство и даже частные лица — эта мысль для России была достаточно нова и казалась спорной.

Булгарин писал: "...большая часть людей, по умственной лени, занятиям, недостатку сведений... гораздо способнее принимать и присвоивать себе чужое суждение, нежели судить самим", "лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять оным" с помощью книгопечатания, которое и сообщит этой "большой части людей" те сведения и суждения, которые правительство сочтет нужным им сообщить.

То, что Шишков пропускает, не комментируя, этот отрывок из записки Булгарина, говорит не о тактических соображениях министра, а о его сомнении в возможности управления общественным мнением с помощью именно литературы. Интересно, что в шишковском Уставе цензуры 1826 года, в п. 6, одна из целей цензуры была определена как "направление общественного мнения". Разница в подходах относительно того, насколько контролируемо "общественное мнение" (будут "управлять" или "направлять") и кто будет это делать: цензура или литераторы, — оказывается принципиальной, отражающей несоответствие интересов двух социальных сил (бюрократии и тогдашней творческой интеллигенции), а также, как будет показано ниже, разницу в мировоззренческих позициях.

Шишков цитирует заключительную часть общетеоретических рассуждений Булгарина об общественном мнении: "Россия

не столь просвещенна, как другие государства Европы, но по своему положению она более других государств имеет нужду в нравственном и политическом воспитании взрослых людей и направлении их к цели, предназначенной правительством. Силою невозможно остановить распространение идей, подобно как корабля на ходу при сильном волнении: можно снять флюгер, указующий направление ветра, но этим невозможно переменить ветер. Напротив того, искусное направление парусами и рулем даже вопреки ветру выведет корабль мимо опасных мест к желаемой пристани"

Шишков отмечает, что "направление... к цели... важно для всякого государства", положение же России благополучнее Франции, Испании, Неаполя, в которых "в продолжение тридцати лет возникали политические неурядица и перевороты" Но он согласен, что "Россия не столь просвещенна" Сама возможность "воспитания" для Шишкова, хотя и желательна, но крайне сомнительна.

Рассмотрим мнение Булгарина: "Силою невозможно остановить распространение идей..." Идеи овладевают общественным мнением. Но умелое им управление, "искусное направление парусами и рулем даже вопреки ветру выведет корабль... к желаемой пристани". Разберем эту развернутую метафору: ветер — корабль — паруса — волнение — пристань. Образ в данном случае выполняет не столько художественную, сколько иллюстративно-аргументативную функцию. Он употребляется Булгариным вместо ряда рассуждений. Попробуем произвести обратный процесс: перевести образ в рассуждения.

Идеи — ветер, то есть внешняя, не зависящая от человека данность. Как ветер, они живут своей жизнью, рождаются, развиваются в пространстве истории. Преобладающие в тот или иной момент истории идеи в начале XIX века принято было называть "духом времени" Ветер — идеи — определяет направление движения, плавания на корабле-государстве. Если кормчий на корабле — правительство — будет искусно манипулировать парусами — общественным мнением (предложим напрашивающееся сравнение: направляя действия матросов — литераторов), то корабль, несмотря на волнения — политические бури, — сможет вопреки ветру прийти к желаемой цели — пристани.

Приведем для сравнения еще одно высказывание: "...дух народный страждет в беспокойстве. Как можно изъяснить сие бес-

покойство иначе, как... изменением мыслей, глухим, но сильным желанием другого порядка вещей" Это отрывок из *Введения в План государственного образования*, представленного М.М. Сперанским Александру I в 1809 году. Речь идет о конституционной идее. Тот же Сперанский писал А.А. Столыпину в 1818 году: "Напор времени и обстоятельств так силен..." [97. Т. II. С. 374; 97. Т. IV. С. 94], имея в виду необходимость политических и гражданских реформ. При разнице акцентов: у Сперанского идеи заставят правительство поступать в духе времени, у Булгарина правительство может вести корабль своим курсом, принимая в расчет напор духа времени, — бросается в глаза сходство основных положений (реальность духа времени, идей, признание их влияния на политику государства).

Обратим также внимание на противопоставление Булгариним "силы" и "искусного управления" в попытках воздействия на идеи: силою нельзя остановить распространение идей, а следует их искусно использовать. Борьба с ними возможна только как умелое управление общим мнением, "нравственное и политическое воспитание взрослых людей", через противопоставление идеям либеральным — идей нравственных, политических, соответствующих целям правительства, а перевоспитать — это прежде всего **переубедить**. Подобное же в записке о Царскомсельском лицее: "Где действует мысль и убеждение, там должно противодействовать убеждением"

Так понимал роль идей, их сущность как феномена не только Булгарин. Приведем мнение С.С. Уварова, высказанное им в 1832 году: это "направление к трудам постоянным... служило бы некоторою опорой против влияния так называемых *европейских идей*... силу коих... нельзя преломить иначе, как через склонность к другим понятиям, к другим занятиям и началам" [6. Т. IV. С. 85]. А вот замечание Екатерины II на слова ее сына Павла Петровича: "Что они все там (в Париже, во время революции 1789 года. — А.А.) толкуют? Я тотчас все бы прекратил пушками", — "...пушки не могут воевать с идеями. Если ты так будешь царствовать, то недолго продлится твое царствование" [99. С. 248].

Шишков комментирует: что касается "мнений... противных вере, правительству и правам... сим... идеям нельзя дать хорошего направления" "Всякое зло должно быть пресекаемо в корне", так как невозможно достичь предположенной правительством цели вопреки распространяющимся ложным и вредным мнениям. В

противном случае это "произведет те горестные последствия, которые отклонить старались."

Обратим внимание на слово "права", поставленное в один ряд с высшими ценностными приоритетами: "верой" и "правительством" Сравним в Уставе цензуры 1826 года п. 169: "запрещается" пропускать замечания "всяких частных людей о преобразовании каких-либо частей Государственного управления или изменении прав и преимуществ, Высочайше дарованных разным сословиям" Речь идет о **сословных привилегиях**.

Как видим, Шишков не начинает доказывать неправомочность, нелогичность сравнения, чтобы таким образом дискредитировать мысль Булгарина. Он сразу "дешифрует" метафору, переводит ее в другие понятия: мнения, противные правительству; ложным идеям нельзя дать хорошего направления; ложные и вредные мнения. А что такое "зло", "хорошее направление"? Это тоже образ! Образ Булгарина **нейтрален в этическом, сакральном** плане. В системе этого образа ветер может быть "противным" (правительству), но не может быть "ложным" А образ Шишкова — это **поляризованная ценностная система**, сравнение на уровне абсолютных этических, сакральных ценностей.

Образы Шишкова с необходимостью предполагают существование им противоположных: зло — добро; ложные — истинные; полезные — вредные и т.д. Ниже мы покажем, что "ложность", ложные идеи связаны с образом inferнальным, с адским началом. Прагматически использовать ту данность, которую Булгарин называет "ветром", в системе понятий Шишкова (для благих целей правительства) невозможно. В отношении "ложного", "вредного" в этой системе возможен только один вывод, и Шишков его делает: "Зло надо пресекать в корне"

Обратим внимание на роль метафоры в этом споре: **образная система, во-первых, выполняет функции доказательства, а во-вторых, задает рамки, в которых проходит рассуждение, и определяет саму логику рассуждений**. И Булгарин, и Шишков против "вредных идей", но метафора Булгарина (идеи—ветер) предполагает **возможность спора**, противостояния, даже использования "противного ветра" для достижения поставленной цели — пристани, а этическая, сакральная метафора Шишкова, использующая абсолютные ценности, **оканчивает, закрывает спор**. Если что-то является "злом", то больше спорить не о чем. Это "что-то", в данном случае "вредные идеи", не-

обходимо "пресекать в корне" Здесь абсолютное отношение к Злу сталкивается с прагматическим. А это старый спор, восходящий к спорам этических дуалистов: Платона, манихейцев, ранних отцов церкви — и этики, снимающей крайние полюса: Аристотеля, поздних отцов церкви [1].

Системе понятий Булгарина близки понятия, используемые С.С. Уваровым и М.М. Сперанским. Уникальна ли система понятий Шишкова, переводящая спор из плана этически нейтрального в план абсолютных этических ценностей? М.Л. Магницкий говорил, открывая в Симбирске в 1818 году Библейское общество: история движется "политикою мира сего" ("**князь Тьмы**") и "видами Провидения" (**Иисус**). В наше время "выдуман новый идол — *разум* человеческий; богословие сего идола — *философия*. **Жрецы** — славнейшие писатели разных веков и стран". В другом месте он писал о "духе, который... под личиною филантропии... философизма... красною шапкою свободы... ныне... с хартиями конституций в руке, поставил престол свой на **Запад и хочет быть равен Богу**... книгопечатание — его орудие"².

П.И. Кутузов, попечитель Московского университета, в 1810 году сообщал А.К. Разумовскому, министру народного просвещения: "Ревнуя о едином **благе**... не могу равнодушно глядеть на распространяющееся у нас уважение к сочинениям г. Карамзина; вы знаете, что оныя исполнены всльнодумческого и якобинского **яда**. ...И вы, и я дадим ответ перед Судом Божиим, когда не ополчимся противу сего **яда, во тьме пресмыкающегося**, и не поставим оплота сей **тлетворной воде**, всякое благочестие потопить угрожающей" Необходимо "открыть Государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготе, яко врага Божия и врага всякого блага и яко **орудие тьмы**" [70. Т. II. С. 62—63].

Жандармский полковник Новокшенов, начальник I отделения V Округа жандармов, в 1829 году писал Бенкендорфу, сколь вреден новый Устав цензуры 1828 года: "Что это значит? **адский язык, беснующееся** вольнодумство, исступление философизма... Пора зажать богохульный рот сим **зловещим проповедникам**" [17. С. 148].

Употребленные эпитеты традиционно связаны в русской культуре с inferнальным началом. И Николай I склонен был осмыслять действительность в рамках сакральной метафоры. Он писал (об июльской революции 1830 года), что война еще предстоит и он ждет "торжественного мгновения, которого никакая человече-

ская сила не может ни избежать, ни отдалить, ...когда разразится борьба между **справедливостью и силами ада** (la justice et principe infernal)" [98. Т. II. С. 314].

Мы видим, что в приведенных примерах художественные тексты, действительность осмысляются в рамках этико-сакральной метафоры с абсолютной поляризацией. Этическое сравнение для трактовки событий, людей использовалось и Булгариным, но в гораздо менее поляризованном, напряженном виде. Феномен этот имеет не только и даже не столько политические, сколько идейные, исторические истоки. Сама датировка приведенных цитат напоминает нам о так называемом официальном мистицизме 1810-х годов. Собственно мистицизм, пиетизм, многочисленные библейские общества, насаждавшиеся в 1815—1819 годах сверху, мало отразились на развитии русской культуры того времени. Но насаждение мистических идей, мода на них, стали причинами возникновения борьбы за религиозное влияние. Борьба эта, в силу чрезвычайно низкого ее общего теоретического уровня, больше напоминала не многочисленные европейские религиозные, теософские споры того времени, а аргументы процессов ведьм, или обличения старообрядческой литературы. Они строились на пафосе "открытия" связи противника с дьяволом. Любое явление, любой текст, мысль проходили через поляризующую призму сакральной метафоры, распадаясь на "дьявольское" — "ангельское": тьма — свет; пухлая гордость — смирение; веротленные учения — вечная, святая истина; Запад — Восток и т.д. Мир становится битвой двух сил, люди — орудиями тьмы или света, идеи — проводниками того или иного влияния. (В борьбе с "официальным мистицизмом", даже после победы церковников, победил все же мистицизм, причем очень примитивного уровня. Победил в том смысле, что эта борьба активизировала у борющихся поляризованное видение мира, обновила сакрализованное мировоззрение.)

И у Булгарина, и у Шишкова идеи могут быть полезными или вредными, способствующими достижению правительственной цели или нет, но Булгарин утверждает, что бороться с идеями силой нельзя. Идея, как ветер, по своей природе не поддается силовому воздействию. "Противодействовать" идее можно, но противодействие должно быть адекватно по природе "действию", идее должна быть противопоставлена идея. Хотя речь у Булгарина, Уварова идет о противостоянии "европейским идеям", сами представления о природе идей, об их роли в истории имеют евро-

пейские корни. Шишков же, говоря о "пресечении (зла) в корне", считает единственно возможными действия карательные: вредные мнения "должно останавливать решительно" Пафос Шишкова понятен, его метафора из сферы сакрального: Добро должно бороться со Злом, иначе Зло "непрерывно произведет... горестные последствия..." По Булгарину, это "полицейские средства", борьба с флюгером.

* * *

Вторая часть записки Булгарина посвящена разбору "сословий, составляющих публику" "Чтобы управлять общим мнением, надо знать его стихии или элементы", — пишет Булгарин. Он выделяет четыре состояния: 1 — знатные и богатые люди; 2 — среднее состояние (достаточные, средние и мелкие дворяне, купцы, заводчики, мещане); 3 — нижнее состояние (священство, крестьяне, раскольники); 4 — ученые и литераторы. Классификация Булгарина интересна тем, что в ней мало осталось от пресловутых *états* абсолютистской Франции, продолжавших по инерции определять любые социальные стратификации еще долго после французской революции. Стратификация Булгарина строится по принципу: уровень просвещения и количественно-качественный состав чтения. Соответственно "публика" — читающий слой общества — составляет общее мнение.

ЗНАТНЫЕ И БОГАТЫЕ ЛЮДИ

Булгарин пишет о "поверхностном воспитании" (домашнем, гувернерском), об итогах этого воспитания: знание языков и усвоение "правил французских энциклопедистов" Юноши "вовсе не знают России... всех людей, даже китайцев, почитают французами... Все, что есть и было во Франции, кажется совершенным и применительным... повсюду... по своему положению в свете сей класс людей долженствовал бы быть привязан к настоящему образу правления, но преждевременное честолюбие, оскорбленное самолюбие, неуместная самонадеянность заставляет их часто проповедовать правила, вредные для них самих и для правительства... весьма легко истребить влияние сих людей на общее мнение и даже подчинить их господствующему мнению действием приверженных к правительству писателей. Их легко... перевоспитать, убедить и дать настоящее направление их умам".

Шишков комментирует: "Сомневаюсь, чтобы легко было *перевоспитать*... зараженных подражанием французам. Немало писано против сего благомыслящими писателями, но не последовало от того никакой пользы" 1812 год мог сделать "спасительный перелом в пользу характера народного; но и сие не имело надлежащего успеха" Шишков объясняет это тем, что недостаточное знание французского языка и непривычка к французскому обществу немало вредят молодому человеку в свете, в карьере: министры о государственных делах рассуждают по-французски, генералы на французском языке говорят перед войском. Французский язык — это "признак образованности и необходимая принадлежность лучшего общества и особливо между женщинами" Это зло, вкоренившееся в нравах, а писателей, о которых пишет Булгарин, "по всей вероятности, и читать никто не захочет"

Эти замечания Шишкова — своеобразный комментарий к его собственной позиции в известном споре о нормах русского литературного языка между "галломанами", сторонниками Карамзина, и "славянофилами", сторонниками Шишкова. То, с чем еще недавно воевал воинствующий архаист Шишков (как мы видим из его собственных слов!), стало престижной нормой, и поддерживают этот порядок вещей в государственных структурах министры и генералы, в семье — родители, в свете — дамы. Шишков ссылается на дам "лучшего общества"! Да ведь это довод его оппонента — Карамзина, довод, от которого сам Шишков 20 лет назад пренебрежительно отмахивался: "дамы... пусть их говорят, как хотят" [100. С. 128—129]. Этот довод и еще одно, на первый взгляд нейтральное замечание: "немало писано против сего благомыслящими писателями, но не последовало от того никакой пользы", — оказываются признанием собственного поражения в старом споре о языке.

Основной пафос Булгарина в том, что общее мнение не только существует, но им можно **управлять**. Идея управления общим мнением, как неким устройством, предполагает знание "**пружин**" (термин Булгарина), с помощью которых можно заставить это устройство действовать. Заявляя о возможности "управления", Булгарин должен был назвать эти "пружины" Для молодежи высшего состояния это театральная сфера; для среднего состояния (основной массы публики) это "справедливость и некоторая гласность"; для низшего состояния — использование идеологической формулы "Матушка Россия". В письме к Л.В. Дубельту от 4 мар-

та 1846 года Булгарин пишет, что управлять поляками нужно с помощью знания черт национального характера, играя на них [49. С. 322]. И во всех случаях основная роль в управлении общим мнением за литераторами.

Булгарин пишет, что юноши из высшего состояния, воспитанные французскими гувернерами, вовсе не знают России, судят обо всем на французский манер, а это приводит к тому, что все, что было и есть во Франции, кажется им применительным повсюду. То есть **свои знания и представления о мире**, основу своих **суждений** и в конечном счете своего **поведения** эта молодежь почерпывает **не из родной жизненной реальности, а из истории и жизни Франции.**

В основе воспитания (перевоспитания), по Булгарину, лежат идеи, которые и определяют результаты воспитания — поведение. Такое понимание роли воспитания в начале XIX века было обычным для Европы и шло от педагогических идей Просвещения. В книге Гельвеция "*Об уме*" была изложена концепция, многократно повторенная Дидро: человек действует рационально, в соответствии со своим разумом, а разум формируется средой и воспитанием; если воспитание построено на определенном комплексе идей, то они и будут определять человеческое поведение.

Определяющим моментом поведения предполагались не социальные, сословные интересы, не экономический интерес и целесообразность, не, в конце концов, реальность бытия, а **осмысление** этого бытия. Именно в таком контексте: идеи — воспитание — поведение — становятся понятными и слова Булгарина, что идеи становились причиной "многих бедствий", и то, что внимание Николая I к проблеме воспитания связано с восстанием декабристов. Исходя из этих же положений строил свою политику на посту министра просвещения и С.С. Уваров (с 1833 года).

"Европейские идеи", в том числе и идея конституционной монархии, выработаны в Европе, ее народами, на протяжении их (Франции, Англии) истории. И эти идеи не соответствуют тем идеям, которые выработаны в России, ее народом, в ее истории; на них влияет климат, географическое положение, уровень просвещения народов, населяющих Россию, и т.д. Эта же мысль четко выражена Карамзиным в 1811 году в "*Записке о древней и новой России*", Пушкиным в его записке 1826 года "*О народном воспитании*", Уваровым в отчете о посещении Московского университета в 1832 году³.

Поведение высшего дворянства, вступающее в противоречие с реальными сословными интересами, получает объяснение: это полученное воспитание, а также психологические черты и особенности сословного и личного происхождения. Такая трактовка аристократического фрондерства повторяется и в других записках Булгарина. Необходимо отметить, что, хотя в этом месте записки обсуждается только высшее состояние публики, читателей, фактически речь идет о характере целого слоя молодой дворянской аристократии.

Далее у Булгарина идет место, затемненное грамматическими и лексическими галлицизмами: "Как богатые и знатные люди имеют возможность быть хорошо воспитанными, то многие, судя по поверхности, уже почитают их хорошо воспитанными" Сравним: "Во всех учебных заведениях подражали Лицею, и молодые люди, воспитанные дома, за честь поставляли дружить с Лицейскими и подражать им" "Они (лицейские. — А.А.)... давали самое пагубное направление обществу молодых людей, которые уже в домах своих не слушали родителей, в насмешку называли их *верноподданными*" (записка о Царскосельском лицее), а также: "Я говорю о вредном примере для молодых офицеров, дворянчиков, купцов и слуг, которые слова князей, графов и так называемых умников жадно ловят и вытверживают" (записка о крестьянах 1826 года).

Мы видим, что в вышеприведенных отрывках Булгарина речь идет не только о том, что богатые и знатные люди в действительности плохо воспитаны, но и об **авторитетном** поведении "хорошо воспитанного" человека, поведении, которому стараются подражать те, "кто почитает их хорошо воспитанными" По существу, Булгарин вскрывает социальный механизм распространения фрондерских настроений. Истребить это "влияние на общее мнение" и даже подчинить этот слой молодежи господствующему правительственному мнению можно с помощью "приверженных правительству писателей"

Шишков иронически отметил необоснованность уверенности Булгарина в самой возможности такого перевоспитания: "многие благонамеренные писатели" уже пробовали, но ничего не последовало от того, а новых писателей, надеющихся перевоспитать дворянство, "по всей вероятности и читать никто не захочет" Но Шишков исходил из собственной ситуации: **не читали** его самого, Хвостова, Шихматова, а его противников **читали**. И чтение

Карамзина "истребляло" влияние Шишкова на общее мнение. Слово Карамзина оказалось более авторитетным для читателей, чем слово Шишкова. А поскольку, говоря словами Булгарина, большая часть людей принимает и присваивает себе чужое суждение, а не судит само, то общим мнением стало наиболее авторитетное мнение, то есть мнение карамзинистов.

СРЕДНЕЕ СОСТОЯНИЕ

"Это состояние, — пишет Булгарин, — самое многочисленное": от "достаточных дворян" до "купцов, заводчиков и даже мещан... образовавшееся и образующееся само собою посредством чтения и сообщения идей" Оно и "составляет так называемую русскую публику" "Она читает много и большею частью по-русски, бдительно следит за успехами словесности" Это основная читательская масса.

Два средства видит и предлагает правительству использовать Булгарин, чтобы "быть любимым" ею и иметь возможность формировать общее мнение. Это "*справедливость* и некоторая *гласность* (publicité)"

Что такое "справедливость"? Это не та сакрального характера "справедливость", о которой пишет Николай I в выше цитированном отрывке из "*Исповеди*" Судя по тому, что в записке сразу же за этими условиями идет: "Публикация о происшествиях 14 декабря наверно столько выиграла сердец в пользу монарха, сколько самый милостивый манифест", — это беспристрастность в освещении событий и в судебном разбирательстве.

Что такое "некоторая гласность"? В записке идет далее: "Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать к трону одною тенью свободы в мнениях на счет некоторых мер и проектов правительства, как сие было до 1816 г. И по ныне с восторгом вспоминают о царствовании Екатерины II по ея Наказу, по сильным нравственным комедиям и журнальным суждениям о различных предметах, по одам Державина и т.п. Споры, бывшие в "Духе журналов" о некоторых мерах министерства внутренних дел, и статьи "Вестника Европы" в начале царствования императора Александра, поныне услаждают нашу публику. Повторяю, что восстановлением суждений о том, *что угодно будет правительству передать на суждение публики*, произведется благотворное влияние на умы и не только в России, но даже и в чужих краях"

Мы видим, что словам "справедливость" и "гласность", известным в русском языке, одно — в значении этического, другое — социального понятия, Булгарин придает новые — **политические** — значения. И если слово "справедливость" в политическом контексте не звучало неожиданно (сравним обычное: "справедливость государей"), то для понятия "гласность", употреблявшегося еще Тредиаковским, значение "политика правительства в отношении печати" необычно. Такого значения не дает ни один словарь языка XVIII—XIX веков. А столь привычное для нас употребление этого слова именно в значении, предложенном Булгариным, говорит о его хорошем языковом чутье в том, что касается политической лексики. (Подробнее история этого понятия будет рассмотрена ниже, при разборе образной системы записок Булгарина).

Для уточнения значения слова "гласность" Булгарин дает соответствующий французский термин *publicité*. У французского слова два основных значения: 1) публичность, огласка, гласность; 2) общественность, общее мнение. Отметим точность булгаринского соответствия: "гласность" — *publicité*. Этимология последнего ведет к среднелатинскому *publicum (vulgus)* — "простой народ" и к латинскому *populus* — народ: "ставшее известным всему народу". Оппозиция этому понятию: "известное только избранным". Сравни: "гласность", как "произнесенное в голос", "известное обществу" — оппозиция тайному, **замолчанному**. Ниже Булгарин реализует этот образ, эту стертую метафору: "гласность" — "молчание"

Обратим внимание на тексты, которые предлагает Булгарин в качестве образцов. На них должна ориентироваться политика "справедливости и некоторой гласности": Наказ Екатерины II, оды Державина, нравственные комедии, журнальные суждения о различных предметах. Едва ли не самыми знаменитыми "суждениями" из многочисленной журнальной продукции XVIII века были новиковская полемика с Екатериной II, ее, Екатерины, сказка о кафтане-аллюзии на деятельность комиссии по составлению нового Уложения, фонвизинская "*Придворная грамматика*" с вопросами к Екатерине II и ее ответы. Все эти тексты, их направленность общеизвестны.

Менее известно издание "*Дух журналов*" (1815—1820) — единственный полностью публицистический журнал того времени, по мнению проф. Н.И. Мордовченко* Но для современной Булгарину публики "споры" журнала с министерством внутрен-

* История русской литературы, М.; Л., 1941. Т. 5. С. 51—52.

них дел были еще памятли. Это, например, полемика 1816 года с неназванным автором книги "О мануфактурах в России и о тарифах", сторонником "запретительной системы" — покровительственной политики в пользу российских купцов. Книга, о которой шла речь в этой полемике, — "Некоторые соображения о мануфактурах в России и о тарифах" (М., 1816), ее автор — Н.С. Мордвинов, в то время председатель Департамента государственной экономики, сторонник покровительственной политики [25. С. 147].

Журнал последовательно выступал против такой политики: "Мы во всем исповедуем правила свободной системы, как в терпимости вер, в употреблении иностранных изделий, так и языке. Только то чужое изгонять должно, что можно так же хорошо заменить своим"⁴. В самом разгаре этой полемики в ней принял участие император Александр I, выразив благоволение к позиции журнала и желание быть его читателем⁵. И уже в кн. 10 за 1816 год было объявлено о введении нового тарифного устава на принципах свободной торговли. Этот эпизод с участием Александра I в публичной экономической полемике еще не освещался в нашей критической литературе*.

В 1818 году из-за статей в "Духе журналов" по поводу крепостного состояния министром народного просвещения А.Н. Голицыным было запрещено всякое обсуждение этого вопроса, как "за", так и "против". В журнале подробно освещалась парламентская жизнь европейских государств, их конституции и государственное устройство. В 1820 году по представлению А.Н. Голицына ("...приметно... направление издания сего — действовать в противность видам и интересам правительства") журнал был запрещен [84. С. 154].

Таким образом, мы видим, что "тьнь свободы", о которой Булгарин пишет в своей записке, оказывается достаточно обширным полем гласности, где возможно обсуждение важнейших проблем жизни общества. А это трудно совместить и с расхожим портретом Булгарина, и с обычными представлениями о начале царство-

* Еще будучи великим князем, Александр Павлович поддерживал пропаганду модных тогда политико-экономических теорий, в частности идеи свободной торговли. В 1798 году "Санкт-Петербургский журнал", издававшийся И.П. Пниним при материальной поддержке великого князя, напечатал ряд статей с обзором этих теорий. См.: Орлов В.Н. Русские просветители 1790—1800-х гг. М., 1953. С. 110.

вания Николая I, как о времени, полностью определявшемся казнью и ссылкой декабристов⁶.

Если Булгарин напоминает о Наказе Екатерины II, критикует "чугунный" проект Устава А.С. Шишкова, предлагает правительству проводить политику "некоторой гласности", то это можно понять только в контексте всеобщего ожидания реформ, в первую очередь реформы аппарата управления. И подобным образом рассуждал не один Булгарин. Сравним передаваемые фон Фоком в записке для Бенкендорфа слова русского посла в Швеции графа Сухтелена в 1826 году: "Правда, что много рассеиваются дурных слухов и что это обескураживает народ и питает неприятные чувства. Но для уничтожения вредного влияния скрытых врагов одно средство: Il faut un peu délier la presse. Ныне таков век" "Это совершенно справедливо", — комментирует их М.Я. Фок [23. С. 202].

Интересно, что в записке Булгарина о Царскосельском лицее, написанной спустя несколько месяцев после разбираемой записки, "Дух журналов" упоминается вновь: "Дух журналов" был отголоском их мнения (либеральной молодежи. — А.А.) — может быть и неумышленно" А деятельность Новикова в части "издания книг чрезвычайно либеральных на Русском языке" вела к "распространению либеральных идей" Явное изменение контекста от сочувственного к дискредитирующему можно дополнить и тем, что Булгарин, рассуждая о влиянии литераторов на юношество, о "некоторой гласности" даже не упоминает. Эти детали говорят об изменении позиции, возможно, в связи с изменением ситуации. Могла повлиять казнь пятерых декабристов 13 июля 1826 года, а может быть, благоприятно складывающаяся для издателей "*Северной пчелы*" конъюнктура.

Шишков, комментируя, сосредоточивается на критике "справедливости и некоторой гласности" "...Справедливость есть одним (sic!) из надежнейших средств к приобретению любви народной; но чтобы сие не требовало больших усилий... не могу сомнеться" Отметим, что у Шишкова "справедливость" — это характер политики правительства в отношении народа, а у Булгарина — объективность в подаче информации. Булгарин говорит о любви публики, Шишков — о любви народа.

Шишков критикует предлагаемую Булгариним "некоторую гласность": "относительно к гласности в распоряжениях правительства" таковая "не должна быть безусловная, но расчетливая

и основанная на опытным познании свойств и нравственных потребностей народа" Напомним, что у Булгарина речь идет о "некоторой" гласности, о "тени свободы в мнениях" (хотя фактически он претендует на большее). Шишков же говорит о полной, "безусловной" гласности; один раз процитировав "тень свободы...", он второй раз заменяет эти слова Булгарина на "только свободой в мнениях"

В "монархическом правлении", — пишет Шишков, — "рассуждение" "принадлежит не публике и народу, а государю и высшим правительственным местам". Таким образом, Шишков переводит разговор из области идеи гласности в прессе и отношений правительства и публики в план политических категорий: **Государь — народ**. И делает вывод, что допущение гласности в обсуждение правительственных мер — это, если перевести в политические термины, **нарушение суверенитета власти**: при монархическом правлении суверенитет принадлежит исключительно монарху. Допущение к обсуждению мер правительства "публики и народа" (так понимает Шишков "некоторую гласность") *de facto* **предоставляет публике и народу совещательный голос**, нарушая, таким образом, чистоту суверенитета.

Но тут Шишков сам нарушает принцип монархического правления, покусившись на одну из важных прерогатив монарха — возможность единоличного "рассуждения". Он упоминает о том, что право "рассуждения" принадлежит и "высшим правительственным местам" Этим Шишков утверждает право высшей бюрократии на совещательный голос⁷.

Шишков предлагает еще один довод против гласности, бюрократический: "Допуская о своих намерениях неуместные рассуждения подданных, оно (правительство. — А.А.) поставляет себя как бы в некоторую зависимость от их заключений и как бы обязывается отчетом перед ними" Гласность "нарушает должное к верховной власти уважение... и бывает причиною весьма важных неустройств". Если власть почему-либо сочтет для себя неудобным в данный момент подготавливать ту или иную меру, то, при условии, что дело не стало гласным, "правительство... может без всякого неудобства отложить... или вовсе отменить намерения свои" Чисто практическая польза! Сравним: в 1811 году Государственный Совет большинством голосов, 12 против 9, принял решение в отношении проекта реформ Сперанского: "отложить до удобнейшего времени" [55. С. 35].

И далее Шишков объясняет, как гласность может подействовать на простой народ: "...в некоторое время царствования блаженной памяти государя императора позволялось писать о свободе крестьян... наши журналы наполнены были о сем рассуждениями. Что же из сего последовало? Обстоятельства сии не укрывались от простого народа, и ...печатание подобных статей принято было несомнительным знаком желания правительства дать крестьянам свободу. Отселе произошло неповиновение их помещикам и частые бунты... одна взбунтовавшаяся большая вотчина, при всеподданнейшем прощении на имя блаженной памяти государя императора, представила книжку "Вестника Европы", в которой рассуждается было о пользе освобождения крестьян, как доказательство, что само правительство подало повод к таковым с их стороны действиям, и что они, не повинувшись своему помещику, только входят в его виды"

А теперь посмотрим, какова функциональная роль "некоторой гласности" у Булгарина и каким образом можно с ее помощью составить общее мнение, которым можно будет управлять. ("Составив общее мнение, легко управлять им, как собственным делом...")

Булгарина занимает реакция публики на различные события, меры правительства, в обстоятельствах критических часто непредсказуемая. Булгарин хочет эту реакцию контролировать, сообщая публике (общему мнению) определенную оценку событий с помощью книгопечатания. Если удастся "составить" общее мнение, то правительство получит реальную возможность для такого контроля. И составить общее мнение должна помочь "некоторая гласность" Но как она поможет — Булгарин не объясняет.

Здесь пропущена какая-то логическая связка. Она восстанавливается из записки о Царскосельском лицее. Там Булгарин заявляет, что без возможности спора, без необходимости доказывать преимущества той или иной меры правительства, никто не станет верить напечатанному, полагая, что все пишется по приказу. Вот для этого **доверия к печатному слову** и нужна некоторая гласность.

У Булгарина речь идет о феномене общественного мнения и о власти. И хотя в состав публики входят представители разных сословий, "общественное мнение" — это не "мнение всего общества" (публика не равна обществу). В рассуждениях Булгарина (по крайней мере, в его прямых высказываниях) не встает вопрос о

пределах политической власти. Власть у него не структурирована, интересы ее едины. Отношения с общим мнением строятся по схеме:

власть ↔ литератор → общее мнение → общество.

"Общее мнение" влияет на общество: "увлекает за собой толпу, раздает славу или безславию и порождает добро и зло" Предполагается и обратная связь — "важная" от гласности "польза": правительство "узнает способных людей", то есть литераторов, чиновников, высказывающих свое мнение в печати (и будет использовать. Иначе, зачем узнавать?). Это неполная обратная связь. Булгарин не пишет, что власть узнает мнение общества и сможет корректировать свой курс. Наоборот, это общественное мнение должно узнать мнение власти. Но обратная связь предполагается возможной. Итак, субъект отношений — "правительство", объект — "общее мнение"

У Шишкова в его рассуждениях нет "публики", а есть "народ" Власть структурирована: государь — правительство. Если для Булгарина гласность, справедливость — лишь орудия для управления общим мнением, то Шишков объясняет политические следствия от использования этих орудий. Гласность станет обратным механизмом, инструментом для контроля правления власти, появится возможность влияния объекта власти на субъект и, таким образом, будет нарушена чистота монархического принципа, произойдет умаление суверенитета власти монарха.

У Шишкова и у Булгарина по-разному оценивается реакция общества на "гласность" и "безмолвие" Булгарин: "Совершенное безмолвие порождает недоверчивость и заставляет предполагать слабость; неограниченная гласность производит своеволие; гласность же, вдохновленная самим правительством, примиряет обе стороны и для обеих полезна" А для Шишкова "безмолвие" нормально, и аргументирует он свое мнение, сославшись на восприятие гласности крестьянами. Предложим следующую схему для описания того, как строятся отношения власти, литератора и читателя исходя из рассуждений Шишкова:

где власть определяет, а цензура контролирует ширину канала информации между литератором и читателем. При известном постоянстве ширины канала ее увеличение, размывание четких границ может вызвать ощущение, что власть перестает выполнять привычные для читателя функции, перестает быть действенной. А это может повлечь падение авторитета власти в сознании читателя. Здесь также отражено, что важность печати как посредника между властью и читателем (народом) для Шипкова сомнительна. Он иронически замечает, что меры правительства, передаваемые на суждение журналистов, уже часто от сей одной причины не достигнут желаемой цели.

НИЖНЕЕ СОСТОЯНИЕ

Состав нижнего состояния, по Булгарину: "Оно включает в себе мелких подьячих, грамотных крестьян и мещан, деревенских священников и вообще церковников и важный класс раскольников" "Нет другой возможности совершенно овладеть их умами, как силою убеждения. Магический жезл, которым можно управлять по произволу нижним состоянием, есть Матушка Россия. Искусный писатель, представляя сей священный предмет в тысяче разнообразных видов, как в калейдоскопе, легко покорит умы нижнего состояния, которое у нас рассуждает более, нежели думает"

Зададим вопрос: что значит управлять с помощью "Матушки России"? Мы уже пробовали ответить, что значит "управлять" публикой, общим мнением: добившись доверия публики с помощью "справедливости и гласности", сообщая, внушая публике ту или иную точку зрения, вызвать соответствующую интересам правительства реакцию. А как можно управлять с помощью "магического жезла"?

"Матушка Россия". — культурный образ. Он создан по типу фольклорных образов: батюшка Тихий Дон, мать сыра земля, родимая сторонуха и т.д. Однако это искусственный, поэтический образ. Он не превратился ко времени написания записки в стертую метафору, утратившую свою способность вызывать определенное представление, образ у читателя, слушателя. Он еще значим, а для нижнего состояния это "священный предмет", то есть ценный, авторитетный образ. На то, что метафора еще не была стертой, но уже ощущалась как формула, указывает появление народий:

Матушка Россия
не берет насильно,
а все добровольно,
наступя на горло⁸.

Ирония основана на несовпадении "добровольно — наступя на горло", но так же и "матушка — наступя на горло", что говорит о живом восприятии образа. Характерно, что значимый в низших условиях образ в высших сословиях начинает пародироваться.

Высказывание, в котором есть ссылка на значимый, авторитетный для аудитории образ, при определенных условиях само становится высказыванием, авторитетным для этой аудитории. И вот с помощью этого авторитета "власть легко покорит умы нижнего состояния", сможет управлять им "по призыву". Но любой значимый, ценный для воспринимающего образ, в том числе и поэтический, несет в себе сумму представлений о мире: свойственные этому образу ценности, ориентации типа "свой — чужой", "зло — добро" и т.д. В данном случае это противопоставление: Россия — и все, что вне ее, наделяющие "Россию", "русскую землю", "российское" рядом положительных качеств; выбор между интересом личным и тем, что понимается, как интерес России; иерархия, где личное всегда ниже общенародного и т.д.

Любой образ, любая метафора — это своего рода призма, которая преломляет информацию в соответствии с заданными этим образом ценностями. Вопрос в том, можно ли **выбрать** такие образы и так ими **пользоваться**, чтобы они **преломляли информацию, организовывали ее в интересах власти или какой-то другой социальной, политической группы (или личности)**.

Предлагая образ "Матушки России" в качестве "магического жезла", Булгарин и находит такую призму, преломляющую, организующую информацию. Используя ее, можно формировать представления, возникающие в результате получения даже негативной для власти информации в соответствии с интересами правительства. В сущности, отнесись власть к словам Булгарина серьезно, "Матушка Россия" могла бы стать "зародышем" (термин, которым пользовался Булгарин) национальной идеологии. Поэтический образ мог стать образом идеологическим.

Тут кажется важным тот факт, что Булгарин **не создает новую идеологию**. Он предлагает **схему, теорию отношений власти и общества, схему, которая может наполниться**

любим содержанием. Интересы правительства были для Булгарина достаточной мотивацией **любых идеологических построений.** Предлагая именно этот образ, Булгарин исходит из чисто **практических соображений,** речь идет лишь об **использовании** определенных представлений нижнего состояния. И в этом его отличие от Уварова, который доказывает **"органичность"** своих "начал": Самодержавия, Православия, Народности — всей русской жизни, всему обществу, утверждая, что это **"коренные"** понятия, и именно **поэтому** они способны противостоять началам "европейским", либеральным. Уваров старался доказать: **сами интересы власти санкционированы более высокими интересами, определяются некими "органическими началами", которые власть призвана охранять** [33. С. 1—4, 106—108].

Шишков опустил отрывок из записки, где Булгарин утверждал, что в нижнем состоянии читают, и читают много, но из определенного репертуара: "духовные книги, странствия к святым местам, весело-нравственные сочинения и *все вообще относящееся ко внутреннему управлению России*" И не только читают, но и "рассуждают о всех указах и мерах правительства" Таким образом, нижнее состояние тоже оказывается рассуждающим о мерах правительства, как и состояние среднее. Рассуждение, которое, как утверждает Шишков, есть исключительное право государя и высших правительственных мест, по мнению Булгарина, — **достояние всех сословий.** Единственное условие — **грамотность,** так как речь идет только о читающей публике. Во всех ее состояниях "действует мысль и убеждение", — писал Булгарин в записке о Царскосельском лицее. Поэтому и с нижним состоянием нельзя действовать "одними полицейскими средствами" И раскольников, и лицейстов, и публику **надо убеждать.**

Напомним, что Булгарин писал для императора. Предлагаемые им соображения и рекомендации могут показаться несовместимыми с конкретными мерами Николая I, более склонного к традиционным представлениям об отношениях власти и общества. Но важен сам факт *возможности* заявки таких идей от подданного на имя высшей власти. Реакция И.И. Дибича, одного из самых влиятельных сановников, была положительной: "Если он (Булгарин. — А.А.) человек, желающий добра и умен, то долг службы требует ему открыть дорогу..."

Комментируя отрывок о "Матушке России", Шишков единственный раз, и то чисто теоретически, согласился, что "посред-

ством любви к отечеству... можно успевать... к направлению образа мыслей простого класса людей", но влияние на этот класс писателей Шишков отрицает: "в нем весьма мало читателей" (Отметим, что Булгарин утверждает обратное.) Тем самым Шишков снимает вопрос о необходимости какой-то особой политики в отношении чтения для этого состояния. А единственное влияние, которое он признавал возможным и желательным, это влияние духовенства (на раскольников), поддерживая тем самым традиционную установку в отношении роли и значения разных социальных сил в общественной жизни: духовенство, а не писатели — то сословие, которому принадлежит просветительская функция в нижнем состоянии.

Шишков последовательно оспаривает мысли Булгарина о возможности составить общее мнение и управлять им с помощью книгопечатания: знатные просто не будут читать тех писателей, которые, по мнению Булгарина, должны их "перевоспитывать"; составить же из "среднего состояния" общее мнение путем гласного обсуждения некоторых мер правительства — нельзя позволить, так как обсуждение приведет к нежелательным следствиям: неуважению к правительству; наконец, в нижнем состоянии "весьма мало... читателей" Напомним, что авторы Устава 1826 года, созданного под руководством Шихкова, считали, что общественное мнение можно направлять путем цензурных запретов.

О ЛИТЕРАТОРАХ И УЧЕНЫХ

Здесь Булгарин рассуждает об отношениях власти и литераторов. Он пишет об "истинном литераторе" как о социальном типе, что сходно с его типическими характеристиками лицеиста, фронтера, агента высшей полиции, представителя высшего дворянства и, возможно, имеет истоки в поэтике просветительской нраво-описательной литературы, в русле которой Булгарин работал в 1820-х годах. Какие же характеристики имеет "истинный литератор", которому в своей концепции отношений власти и общества Булгарин отводит столь значительную роль: давать направление, воспитывать, убеждать, овладевать умами?

По Булгарину, это люди, владеющие языком, начитанные, знающие Россию и ее потребности, способные распространить, изложить, украсить всякую заданную тему. Отметим, что речь идет исключительно о профессиональных навыках, но навыки эти не столько литератора, l'homme de lettres, сколько пишущего в журналах памфлетиста, которому можно "задать тему".

При важности той роли, которую Булгарин возлагает на литераторов, странно, что нет признака лояльности, "приверженности правительству" Но есть условие "знания России и ее потребностей", достаточное для того, чтобы быть приверженным правительству, поскольку это условие с необходимостью определяет образ правления. Приведем доводы, предлагаемые Булгариным для убеждения юношей в естественности для России "настоящего порядка вещей": обширность территории, разность народов, ее населяющих, и их интересов, малочисленность населения, разная степень просвещения (записка о Царскосельском лицее). Любопытно сходство аргументации Булгарина с рассуждениями Дидро: для государства с обширной территорией и разными народами лучший способ управления — это монархия (статья "Законодатель" в Энциклопедии), отметим также сходство в предпочтении методов "убеждения" методам устрашения в отношении власти к подданным.

Важность той роли, которую играют литераторы в программе Булгарина, должна определять отношение к ним властей. Правительству "бесполезно раздражать этих людей", а надо "привязывать их ласковым обхождением и снятием запрещения писать о безделицах" А "главное... дать деятельность их уму и обращать деятельность истинно-просвещенных людей на предметы, избранные самим правительством, а для всех вообще иметь какую-нибудь одну общую, маловажную цель, например, театр, который у нас должен заменить суждения о камерах и министрах"

Мы видели, что "деятельность ума" в области "мнений и убеждений" есть, как полагает Булгарин, естественная потребность для читателей всех состояний, а для литераторов — в особенности, причем, **хотя бы в безделицах, "деятельность ума" для всех должна быть абсолютно свободной.** Такой "безделицей" (в политическом отношении, но не по общественной важности) он видит тему театра: "кроме театров, нет никаких публичных увеселений", театр "занимает все сословия", "статьи... о театре служат пищею для всеобщих разговоров в чертогах знатных, в казармах и в гостинном дворе" Интерес к театру всеобщий, всеобщий, суждения о театре находят широкую аудиторию. Запрет на статьи о театре произвел "сильный переворот в литературе", так как послужил "к погашению возникающих дарований и оскорблению заслуживших внимание публики" Такой запрет был наложен в 1815 году и подтвержден в 1824-м.

Описанная Булгариным реакция публики на этот запрет — это **реакция на произвол**: *"Можно ли жить, когда даже запрещают за свои деньги судить о театре и актерах! Чего после этого не в состоянии запретить!"* Если "запрещение" воспринимается публикой как произвол, то это явление **политическое, способствующее осмыслению феномена общества как поляризованного на "мы" и "они"** (чего только они (власти) не в состоянии запретить!) Запреты усиливают напряжение в обществе. Булгарин пишет, что разрешение писать о театре было бы "важным делом к успокоению (sic!) умов и водворению в публике доверенности к правительству" Эта же трактовка темы доверенности к правительству проводилась и в донесениях М.Я. Фока Бенкендорфу в 1826 году. По мнению Пушкина (ниже приведен соответствующий отрывок из его рассуждения о цензуре в 1824 году), новое министерство Шишкова, вероятно, более либеральное, чем Голицына, уничтожит весь политический радикализм наиболее влиятельной части общества — писателей.

Булгарин утверждал, что писателям необходимо дать пищу для деятельности ума; пусть это будут "безделицы", иначе ум обратится за пищей "к другим предметам": "молодые люди... начали... толковать вкось и впрямь о политике" Такое понимание соответствовало официальной трактовке декабристского восстания: "Не просвещению, но праздности ума... должно приписать сие своевольство мыслей... пагубную роскошь полупознаний" (манифест от 13 июля 1826 года). Но в отличие от манифеста Булгарин объяснял политическую активность молодежи **не только** плохим воспитанием, но и "неполитическими мерами" властей, "препонами, поставленными деятельности ума и чувства"

Если вспомнить, что запрещение писать о театре было введено из тех же соображений, что и запрещение писать о деятельности всех министерств, чиновников (ведь актеры императорских театров тоже чиновники!), то эта тема сближается с заявкой Булгарина на обсуждение некоторых мер правительства. Булгарин четко формулирует последствия таких обсуждений, последствия гласности: "...публика, платящая деньги... имела совещательный голос посредством журналов в представлениях театральных, ибо через это начальство театра теряет часть своего влияния" Тогда директор театра не может уже поступать "по своему капризу и произволу".

Голос публики через голос прессы становится "совещательным голосом", а это уже, как отмечал Шишков, является

ограничением власти. Но если актеры — это чиновники, и как они играют (служат) — могут судить только их начальники, то Булгарин покушается на суверенитет власти чиновничьей бюрократии. Совершенно очевидно, что **"некоторая гласность" направлена не на ограничение суверенитета власти политической, а на ограничение власти чиновника, бюрократии.** Этот момент помогает понять ту смелость, с которой писал Булгарин. Сравним многократные упоминания в записках Фока к Бенкендорфу 1826 года об ожидании общества, что государь начнет борьбу с "бюрократией", врагом и государя, и народа: "Глухая война... которую вела с нами (sic!) бюрократия, ослаблена" Это же хорошо понимали и чиновники: Шишков лукавил, заявив, что в его Уставе цензуры нет запрещения писать о театре — ведь не было и отмены Указов 1815 и 1824 годов, и поэтому вплоть до принятия Устава 1828 года писать о театре было нельзя*

Позиция Булгарина на первый взгляд кажется последовательно либеральной. Но ее существенно дополняет предложение цензурировать театральные пьесы в "министерстве внутренних дел по части высшей полиции (la haute police)"

* * *

В последней части записки Булгарин разъясняет свое понимание задач цензуры, критикует цензурную практику, после чего делает вывод о необходимости преобразования цензуры.

Задачи цензуры — *"препятствовать распространению идей, вредных вере, нравственности, существующему образу правления, и пресекать личности.* Неискусными мерами наша цензура не только не достигла сей цели и не произвела желаемой пользы, но только раздражила умы и повредила правительству..."

Оригинально ли такое представление о цензуре или оно отражало общую точку зрения? И существовало ли иное понимание задач цензуры?

Булгарин говорит об Уставе существующем, то есть об Уставе 1804 года. (Устав 1826 года только обсуждался.) В Уставах и 1804, и 1826 годов есть перечисление задач цензуры. Булгаринская формулировка наиболее сходна с Уставом 1804 года. В Уставе же 1826 года сказано: "...ограждение Святыни, Престола,

Но даже после принятия нового устава на корректурном листе "Северной пчелы" Бенкендорф оставляет пометку: "Позволяется печатать и впредь можно писать о театрах, показывая мне" [84. С. 223].

поставленных от него властей, законов отечественных, нравов и чести народной и личной от всякого... злонамеренного... покушения" Если по Уставу 1804 года цензор следит за рукописью, то в Уставе 1826 года — ограждает Святыни, то есть берет на себя функции, повышающие статус цензуры, возводит ее до охранителя и блюстителя основ Веры, Государства, властей.

Полицейские претензии авторов Устава 1826 года были сразу и резко отрицательно оценены несколькими крупными чиновниками: Д.В. Дашковым, С.С. Уваровым, Д.Н. Блудовым, М.Я. Фоком. "Круги ее действий (цензуры. — А.А.) расширены в новом Уставе... — писал Уваров в декабре 1826 года, — цензура должна... наблюдать за науками и воспитанием, за нравами и даже за внутреннею безопасностью, за направлением общего мнения" В Заключении Временного Комитета по рассмотрению проекта цензуры иностранных книг сказано: "Цензуре приписан круг действий, вовсе ей не принадлежащий, а именно: наблюдение за науками и воспитанием юношества, попечение о нравах и направление общественного мнения... наблюдение и исполнение мер полицейских" [23. С. 210, 213].

Рассмотрим, в чем конкретно, в каких пунктах Булгарин критикует действия цензуры.

1. В ОТНОШЕНИИ К ВЕРЕ

"Цензура состояла сперва под влиянием мистицизма, а ныне состоит под влиянием противной ей партии. Сперва выходило множество книг сектаторских, мистических, ныне покровительствуются книги, служащие опровержением первых. Из сего боре-ния партий не произошло никакой пользы для веры и нравственности, напротив того, размножились толки о вере и самые вредные идеи для правительства".

Шишков комментирует: "Для меня весьма удивительно, что запрещение печатать подобные книги (мистические, сектаторские. — А.А.) называется влиянием партии" Для Шишкова, который понимал роль возглавляемой им цензуры как "ограждение Святыни", запрещение книг мистических — это торжество Истины. (Сравним с этической, сакральной метафорой, разобранной выше.) Он не видит ничего худого в "опровержении нечестивых... книг"

А для Булгарина торжество "истинно-православной" веры митрополита Серафима, архимандрита Фотия над мистицизмом биб-

лейских обществ, духовных сект — это только "борьба партий", группировок князя А.Н. Голицына и графа Аракчеева. Такая прагматичная позиция отнюдь не от равнодушия к делам веры. В 1846 году в письме в III отделение к Л.В. Дубельту он старался объяснить вред политики насаждения православия в прибалтийских провинциях, говоря о вероисповедании, как о **деле личной совести каждого**, "повиноваться собственной совести, а в прочем правительству!" [49. С. 321, 323].

Главный упрек к мистическим книгам у Шишкова: "Под видом таинственного истолкования священного писания и применения разных мест содержания онаго к так называемому нравственному, но в сущем деле развратному учению, искажена святость книг Божественного Откровения и рассеяны явные и возмутительные лжеучения" Мистики, толкуя Священное писание, переносили его образы на **личный нравственный опыт**. Это личное, прямо не санкционированное толкование вызывает возмущение Шишкова. Сам Шишков тоже применял образы Священного писания для доказательства, толкования, но **не личных, а государственных, политических, цензурных проблем!**

Булгарин отмечает: религиозный спор привлекает внимание, способствует обсуждению, активизации духовной жизни, росту религиозного сознания ("размножились секты, толки о вере..."). Но толкует этот процесс как отрицательное явление: "не произошло никакой пользы..." А Шишков утверждает обязательность и полезность опровержения мистических книг. Мы видим, что Булгарин, настаивавший на необходимости спора при обсуждении и мер правительства, и "безделиц", спора как активизатора общественной жизни, выявляющего способности, ограничивающего власть чиновников, здесь, констатируя, казалось бы, тот же эффект — пробуждение и активизацию сознания, — отказывает религиозному спору в полезности и не считает религиозную активность благом. (Обратим внимание на уже отмеченный нами факт: в отношении к свободе полемики на религиозные темы Булгарин отходит от политики Наполеона. См. прим. 6 к Введению.) А Шишков, который столь же последовательно отрицал необходимость спора в политической жизни, не видит ничего худого в религиозной полемике. Можно возразить, что Шишков **не против только однонаправленной полемики**, опровержения; напомним, однако, что обсуждение мер правительства было запрещено как "**за**", так и "**против**"

Попробуем разобраться, почему отношение к обсуждению вопросов веры и к возможности религиозных споров отличается от отношения к полемике о мерах правительства.

Что такое "вредные идеи" в контексте религиозных споров?

Мы видим два ответа.

1. Это идеи либеральные. Мысль о том, что "Библия и Евангелие есть республиканский кодекс в устах искусного толкователя" (из записки 1826 года об австрийской интриге) повторяется в записке о Царскосельском лицее. В первой речи идет о деятельности библейских обществ и "наших революционеров", во второй — о деятельности Новикова.

2. Эта мысль высказана Булгариным в 1846 году в записке "*Несколько правд предлагаемых на благорассуждение*", адресованной Л.В. Дубельту: "...а вот другая книжица противу лютеранской веры, которую исповедует столько людей, начальствующих православными! Как же православный будет уважать человека, заблудшего в вере, еретика? Non sens, вред царю и отечеству" [90. Т. II. С. 289].

В первом случае речь идет о политической пропаганде, которую в 1826 году вести уже было нельзя. Во втором — об активизации духовной жизни. Умело проводимая пропаганда способна настолько актуализировать религиозную идею, что вероисповедание окажется высшей ценностью, определяющим моментом социальной активности. А это может привести к ситуации, когда у подначального чиновника, солдата, крестьянина религиозная идея (став высшей ценностью) окажется важнее существующей иерархии социальных отношений: служебной иерархии у чиновников, военной субординации у солдат, сознания своего бесправия у крестьян. Это уже бывало и в России (история раскола), и в Европе (движение протестантов, религиозные войны).

Успех религиозной пропаганды в низшем состоянии был бы усилен тем, что **иноверие почти необходимо совпадало с иным социальным положением и иной национальностью**: немцы-лютеране — помещики, чиновники; поляки-католики — люди интеллигентных профессий, бунтовщики; еврей-иудаисты — мелкие собственники. Вспомним, что антагонизм "старой веры" (старообрядчества) и официальной церкви еще способен был породить социальную активность, почти полностью определяющуюся вероисповеданием.

Религиозный спор, ведущийся на уровне Шишкова и известного охранителя Ширинского-Шихматова, и в то время это спор

между абсолютным добром и абсолютным злом. Причем абсолютное зло нередко отождествлялось либо с конкретными лицами, либо с каким-то национально-социальным слоем. Развитие и поощрение этого процесса, активизация религиозной, духовной жизни в этих условиях вели к крайнему социальному антагонизму.

Религиозные войны, религиозные споры в Европе, где в течение длительного времени вероисповедание определяло социальную активность, были постепенно преодолены развивавшимися параллельно с накалом религиозных страстей идеями веротерпимости, которые стали органической частью общественных представлений. В России веротерпимость не была органична, толерантность спускалась сверху. И когда власть пыталась использовать вероисповедание как признак инакости, это вполне удавалось.

2. В ОТНОШЕНИИ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Здесь у Булгарина к цензуре два главных упрека: "вместо того, чтобы запрещать писать противу правительства, цензура запрещает писать о правительстве и в пользу онаго"; "смотрят не на дух сочинения, а на одни слова и фразы"

"Неискусными мерами" цензура "не только не достигла сей цели и не произвела желаемой пользы (быть препятствием в распространении идей вредных. — А.А.), но только раздражала умы и повредила правительству странными своими поступками", "столь смешное ханжество... заставило принимать действие за причину и уменьшило уважение... к правительству" Сравним эту характеристику восприятия писателями действий цензуры и мнение Пушкина: "Давно девиз всякого русского есть: *чем хуже, тем лучше*. Оппозиция русская, составившаяся, благодаря русского бога, из наших писателей, каких бы то ни было, приходила уже в какое-то нетерпение, которое я исподтишка поддразнивал, ожидая чего-нибудь. А теперь, как позволят Фите Глинке говорить своей любовнице, что она божественна, что у ней очи небесные и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять уgomонится, журналы пойдут врать своим чередом, чины своим чередом, Русь своим чередом..."⁹

Бросается в глаза сходство понятий: оппозиция — писатели — нетерпенье; позволяют говорить — уgomонится — своим чередом. Попробуем взглянуть на описанную Пушкиным ситуацию с позиции Булгарина: цензура своими придирками к словам озлобляет

писателей, которые, принимая действия цензуры за цель правительства, составляют оппозицию, озлобляются. Некоторые крикуны, отчаянные либералы, недовольные поддразнивают общество, ожидая чего-нибудь. Преобразовав цензуру, позволив писателям выражаться свободно, заняв их умы журнальными делами, чинами, можно спокойно ими управлять, а они, в свою очередь, будут управлять общим мнением. Русь пойдет своим чередом...

Изменилось отношение, позиция, но сама ситуация описывается в сходных понятиях. Можно по-разному относиться к пушкинскому "чего-нибудь", но при этом оставаться внутри одной парадигмы представлений. Такой же операции с Булгариным и Шишковым не проделаешь, у них разные системы понятий.

Шишков отвергает обвинения Булгарина: "цензура... не может оставлять без внимания самых слов и фраз", которые "дают настоящее значение составным частям сочинения" и составляют его дух. Булгарин приводит примеры таких запрещенных "слов и фраз": небесный взгляд, ангельская улыбка, божественный Платон; фразу "ножки гроба изображают орлов" запретили, так как "орел есть герб России".

Эти слова и фразы (ангельский, небесный...) из русского поэтического словаря XVIII века. Для Булгарина это уже стертый поэтический фразеологизм, а для цензоров и "ангельская улыбка", и "божественный взгляд" — живые метафоры, где улыбка женщины сравнивается с ангелом, а Платон — с Богом. Почему стертая метафора, утратившая свое метафорическое, сопоставительное значение, под взглядом цензора оживает? В силу ли архаичности его языкового мышления, в силу ли "вчитывания", от страха или от внимательного чтения, вкладывания прямых значений в слова ("божественный" — похожий на Бога)? Из примера с описанием ножек гроба, сделанных в виде орлов, видно, что основным значением у слова "орел" для цензора было "орел из герба России": То же и в "небесном взгляде": это взгляд не "голубой, глубокий", а "как на небесах", "как у ангела" — и поэтому вымарывается цензором.

Во всяком случае, можно констатировать, что **прямое и основное значение, по крайней мере некоторых слов, у цензора не всегда совпадает с прямым значением этих слов у нейтрального читателя. И защищая эту практику, утверждая, что подобные стертые метафоры, нейтральная лексика "дают настоящее значение... частям сочинения", Шишков демон-**

стрирует, что и для него эти метафоры остаются **живыми, способными влиять на дух сочинения**. Конечно, такое влияние могло иметь место, но только для **архаического** языкового, эстетического сознания. В XVIII веке, когда русская культура только-только осваивала поэтику европейской лирики, напряженность и рискованность сравнения женского взгляда с ангельским ощущались многими, и в целом, вероятно, это способствовало десакрализации представлений, то есть действительно **"влиятельно на дух" и "давало значение"**, но в начале XIX века такое понимание было уже архаичным¹⁰.

Интересно сравнить позицию Шишкова с его суждениями до назначения на министерский пост. В 1823 году он представил в Комитет министров записку, где, в частности, писал о цензурной правке элегии Ф. Глинки "Земная грусть":

Ты мне твердишь, что я скучаю жизнью;
Земная жизнь — не жизнь!
О дай мне, друг, дай крылья серафима!
Мне скучно на земле...

"...Цензор не пропустил и вычеркнул слово *серафима*. Можно ли таким образом стеснять писателей? Какая беда просить крылья серафима, чтобы взлететь на небеса? Да на каких же иных крыльях можно туда вознестись? Все народы на всех языках говорят и пишут о прекрасных женщинах или благонравных мужчинах: *какой ангел! какой у него ангельский нрав!*.. Ежели не позволять сего писать, так надобно все книги сжечь и всякому запереть уста... Покажем из тех же стихов... пример несравненно чуднейший...:

Что в мире мне, где все на миг? Что в мире,
Где смерть и рок цари? —

Цензор вымарал слово *рок* и сии два стиха напечатаны..:

...Где смерть и цари?

Теперь посмотрим смысл... сочинитель жалуется... говоря... что... *смерть и рок цари*, то есть царствуют смерть и рок. Мысль обыкновенная в грусти и печали. Цензор, не пропуская нужного слова, принудил его опорочивать мир тем, что в нем господствуют два зла: *смерть и цари!* Мысль самая оскорбительная для царей... владычество их уподобляется владычеству смерти. Я уверен, что цензор сделал сие не с умыслу, но от излишней

строгости, от боязни, соединенной с неразумением силы языка" [84, С. 204].

Казалось бы, вот и все объяснение цензурным строгостям, все зависит от одного обстоятельства: ты цензурируешь или тебя. Однако всмотримся в аргументацию Шишкова. Он протестует против запрещения "крыльев серафима", но **отстаивает не право поэта на образ, а то, что прямой смысл не преступен**: "Да на каких же иных крыльях можно туда вознестись!" А ведь это реализация метафоры Глинки! Для Шишкова просьба о крыльях — не стертая, а живая метафора. Он протестует и удивляется не самим действиям цензора, а тому, что цензор не понимает смысла. *Для самого Шишкова метафора серафима имеет прямой смысл.*

Тут можно было бы возразить: Шишков мог шутить, вставая на точку зрения цензора (используя полемический прием). Но **Шишков серьезен**. Оправдание "ангельской красоты", "нрава" у Шишкова серьезное. У Пушкина это "любовница Фиты Глинки", а у Шишкова — "прекраснейшие женщины и благонаравные мужчины" Для него это живая метафора! Комический случай: цензор сопоставил власть смерти с властью царей, а Шишков серьезно объясняет оскорбительность для царей такого сопоставления. Для него это не курьез, а оскорбление.

Отвечая на критику Булгарина, Шишков пишет: "Что касается до запрещения печатать... статьи без согласия того министерства, о предметах коего в них рассуждается, то... ничего не может быть благонадежнее для правительства, как сие распоряжение: ибо никто не может рассудить с большею основательностью, полезно ли пропустить к печатанию ту или другую статью, как правительственное место, где производятся дела, имеющие непосредственное к тому отношение... Иногда маловажное, по видимому, известие делается весьма важным по стечению обстоятельств, и обнаружение оного в превратном виде может влечь за собою самые неприятные последствия"

Шишков и не оспаривает обвинений Булгарина. То, что для последнего и странно, и ведет к упадку "периодических изданий", "географии и статистики России", для Шишкова норма. С 1824 года вводится ведомственная цензура и само ведомство осуществляет полный контроль за информацией, его касающейся.

Как любое рассуждение о мерах правительства есть умаление принципа монархического правления и власти "высших прави-

тельстванных мест", так и любая информация, даже хвалебная, о деятельности ведомства — есть **высказывание суждения**. И это суждение, высказанное без санкции самого ведомства, есть, как утверждает Шишков, **умаление его власти** и потенциально предполагает возможность контроля, отчетности перед общим мнением, народом, прессой. Шишков защищает не интересы "дела" (дело всегда можно "отложить"), а бесконтрольность чиновника.

3. КАСАТЕЛЬНО ЛИЧНОСТИ

Булгарин пишет: "У нас до сих пор защищали не лица, но пороки и дурные поступки. Запрещено строжайше, даже в переводах с иностранного, представлять камергеров, министров, генералов и особенно князей и графов иначе как в самых блестящих красках и людьми добродетельными"

У Булгарина за кратким афористичным утверждением стоит неразвернутая мысль: запрещение писать о лицах критически оказывается запрещением разоблачать злоупотребления и пороки. Слово "защищали" усиливает парадоксальность афоризма, но верно отражает концепцию Устава 1826 года: "ограждать Святыню... нравы и честь народную и личную" (п. 3). В Уставе 1804 года запрещалось что-либо "оскорбляющее..." Устав 1826 года берет на себя более широкий круг обязанностей, в его основе лежат представления, существенно повышающие статус цензуры.

Шишков комментирует: цензура "запрещает вымышленные повествования о министрах, графах, князьях... а также и переводы сего рода, приносившие, по сходству обстоятельств, к обиде чести кого-либо из наших государственных людей; и ничего не может быть справедливее... злонамеренные писатели, желая выказать недоброжелательство свое к какому-либо лицу, облеченному доверенностию правительства... под вымышленными именами министров, графов или князей, описывают помянутое лицо самыми черными красками, а выставя в то же время некоторые сходные с обстоятельствами происшествия и отношения разных лиц, намекают довольно ясно, о ком они говорят... Нет сомнения, что цензура обязана тщательно пресекать всякое покушение к подобным соблазнительным действиям".

Из замечаний Булгарина и ответа Шихкова видно, что речь идет о двух принципиально разных подходах: Булгарин говорит о защите личности, лица — "пресекать личности", что подразуме-

вает "пресекать оскорбление личности". У Булгарина речь идет о личности "вообще", графы и князя — только пример отношения цензуры к текстам. У Шишкова ни о каких личностях "вообще" речи нет, он выделяет лиц **"облеченных доверенностью правительства"** из остальных, противопоставляя их публике, "подданным". Защита личности как таковой не следует из ответа Шишкова, из сформулированных им самим задач цензуры: охранение "веры, преданности престолу и нравов народных". Это отличие от Устава 1804 и даже от Устава 1826 года тем более существенно, что в перечисленных Шишковым задачах нашлось место для защиты "нравов народных". **В массе народа Шишков не различает отдельных личностей как субъектов, нуждающихся в защите.**

Следует обратить внимание на скрытую, неявную аргументацию Шишкова: выказать недоброжелательство к лицу, облеченному доверием правительства, недопустимо. Почему? Потому, что "облечено доверенностью", а не потому, что любая личность нуждается в защите. И цензура "обязана тщательно пресекать всякое покушение к подобным соблазнительным действиям" "Соблазнительные действия" — сакральная метафора, характерная для Шишкова в рассуждениях о власти. Шишков декларирует даже не защиту лица, облеченного доверием правительства, а защиту авторитета власти.

Идея защиты лица, личности, выраженная в Уставе 1804 года и в рассуждениях Булгарина, генетически связана с целым комплексом правовых представлений и норм, выработанных в рамках европейской культуры, опирающихся на английские, французские культурно-правовые традиции, связанных с западной культурной, политической ситуацией, общественными отношениями. Но там к началу XIX века эта идея реализуется не столько через институт цензуры, сколько через институт гласного суда. Суд, а не цензура, защищает честь личности от клеветы. Цензура только запрещает рукопись. Попытка формально сочетать функции суда и цензуры в институте цензуры — черта русской рецепции европейского права в конце XVIII—начале XIX века.

Булгарин, объясняя, почему от подобных действий цензуры "вместо пользы проистекает вред", апеллирует не к праву, а к восприятию читателя, "видя в натуре слабости человечества и сравнивая с идеалами, тем менее уважают тех, которые представляются на бумаге всегда как образцы, как совершенство че-

ловечества" Читатель не поверит изображению, если оно не естественно, не совпадает с натурой. "Добро не покажется добром, если не будет в противоположности со злом: картина без теней не привлечет внимания и похвал" Эти аргументы опираются на эстетическую систему, в основе которой лежит естественность, следование натуре, некоторый психологизм.

Отношение Шишкова к "теням", то есть к "злу", выражено предельно ясно: в его эстетической системе "добро" именно должно быть без "теней", иначе изображение будет "соблазнительно" Изображение министров, графов, князей должно быть идеально. В натуре они могут быть другими: Шишков пишет, что возможно приурочение "по сходству обстоятельств" к обиде чести. Эти обстоятельства в жизни, в натуре вполне могут быть компрометирующими, но в статье, книге подобное недопустимо¹¹.

Это не отсутствие здравого смысла и не "политическая реакционность", защита реакционного режима, это *другой* здравый смысл, *другие* эстетические нормы.

В ответе Шишкова на записку Булгарина, в споре главного цензора и известного журналиста, литератора, мы видим не только защиту ведомственных интересов, но и столкновение двух разных подходов к основным проблемам общественной жизни. Правовые, политические, социальные, эстетические представления Булгарина не столько *оспариваются*, сколько *противопоставляются* другим представлениям.

Последнее замечание Булгарина касалось необходимости особой цензуры для театральных пьес и периодических изданий: "...театральные пьесы и журналы, имея обширный круг зрителей или читателей, скорее и сильнее действуют на умы и на общее мнение. И как высшей полиции должно знать общее мнение и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно иметь в руках своих служащие к сему орудия" Орудием этим для высшей полиции, по мысли Булгарина, должна стать цензура пьес и журналов, переданная в ее ведение. Для этой цензуры необходимо набрать "чиновников просвещенных в полном смысле слова, надежных и нравственных. Они должны получать хорошее содержание"

Каковы задачи высшей полиции, почему именно она должна цензурировать пьесы и журналы, Булгарин разъясняет в другой записке: "*Некоторые общие соображения относительно плана*

наблюдения, особенно за военными лицами" Одна из функций высшей полиции — наблюдение, контроль и управление общим мнением, с тем чтобы влиять на общественную жизнь. Высшая полиция, таким образом, становится проводником управления общим мнением. Контролируя идеологическое содержание, она выполняет функции политической полиции.

Шишков отверг эти предложения, желая сохранить в своих руках контроль за действиями цензуры: необходимо единство и согласие "в распоряжениях, стремящихся к одной и той же цели, т.е. к охране веры, преданности престолу и нравов народных".

* * *

"Политические мнения" Булгарина, записки фон Фока, статьи Пушкина и И.В. Киреевского свидетельствуют, что в 1820-х годах шел процесс формирования новых для России политических реалий — появления публики как нового феномена общественной жизни. Началом этого процесса можно считать выступление Екатерины II в качестве журналиста и публициста, журналистскую и издательскую деятельность Н.И. Новикова. Феномен "публики", не отменяя таких традиционных для России социальных феноменов, как сословия, высшие и низшие, привилегированные и непривилегированные, имеет другие принципы организации. Ее составляют равноправные члены — читатели, у них есть орган артикуляции своих мнений — журналы. Авторитет того или иного голоса, важность заявленного мнения зависят от положения автора на государственной иерархической лестнице, и от того, сколько читателей начнут разделять его мнение.

У публики должно быть право на мнение, артикулированное, высказанное в журнале. Это мнение становится "совещательным голосом" при решении различных проблем, ограничивая тем самым суверенитет власти. Становлению феномена публики, общественного мнения противостоит традиционное для России понимание отношений общества и власти: все интересы общества, всех его слоев и классов, представляет, обсуждает... власть. В ее компетенции находится все: от государственного устройства до "безделиц" А поскольку верховная власть сочетает в себе и исполнительную, и законодательную власть, то реальное ведение всех вопросов находится в руках чиновников. Противостояние нового и традиционного понимания общественных отношений выявляется в противостоянии публики и чиновничества.

Булгарин утверждает, что общее мнение существует везде, во всяком образе правления. Это и некоторые другие его утверждения отражают европейский политический опыт, европейские представления об обществе и социальных процессах¹². Общественное мнение только тогда становится реальным политическим феноменом, когда есть инструмент его реализации: парламент и свободная (хотя бы на уровне "некоторой гласности") пресса. В Европе — Франции, Англии и некоторых других странах — общественное мнение было реальностью, и можно было говорить о его законах. Булгарин же говорит о них в России, где нет механизма для выявления, артикуляции альтернативных неправительственных точек зрения и соответственно нет и общественного мнения. Если появится возможность "рассуждать" о мерах правительства и "безделицах", необходимость чего доказывает Булгарин, то появится и общее мнение, и оно вполне способно будет влиять на власть.

Перед нами парадоксальная ситуация: Булгарин, объясняющий, как противостоять европейским либеральным идеям, обличающий либеральное дворянство, по сути, утверждает в своих построениях идеи либерализма: существование и роль общего мнения, необходимость гласности, которые предполагают наличие демократических институтов, свободы прессы, парламента... Булгарин, как и большая часть высшего и среднего состояния "публики", сложившейся за четверть века при Александре I, органически ориентирован на западноевропейскую культурно-политическую ситуацию, и даже желая дискредитировать связанные с этой культурой "европейские идеи", он продолжает опираться на понятия и ценности, присущие европейской культуре¹³.

Шишков сразу же увидел в "некоторой гласности", предлагаемой Булгариным, нарушение принципа монархического правления. И это действительно так: Булгарин предлагает новации, свойственные другим политическим реалиям. Но идея Булгарина более сложная. Он предлагает не просто ограниченную гласность, а *определенную политику* в отношении гласности. Он обсуждает не отношения между властью и народом, как интерпретировал Булгарина Шишков, а отношение между властью и публикой, возможность, составив общее мнение, управлять им, как "собственным делом" Теоретические построения Булгарина как идеолога гласности поразительно напоминают некоторые рассуждения Гегеля — апологета прусской монархии, относящиеся к тому же самому времени, о возможности допущения некоторой свободы слова в качестве меньшего зла¹⁴.

Общая ориентация Булгарина на европейскую, преимущественно французскую политическую культуру, в ее просветительском, либеральном варианте существенно дополняется еще одним комплексом идей — об управлении общественным мнением. Этот комплекс связан с политической реальностью Франции времен империи. И состоит из таких "блоков": просветительские представления о природе деятельности, поведения; возникновение нового для Европы феномена: средств массовой информации, образующей массовую аудиторию, которая состоит из наиболее социально активной части населения (по признаку грамотности) и которой можно с помощью средств массовой информации внушить одинаковый взгляд на события; природа политического строя России, который, в частности, обеспечивает возможность государственного монопольного влияния на средства массовой информации.

Отсюда следовал вывод Булгарина о необходимости создания некоего комитета, которому поручалось бы формировать политику правительства в отношении печати, гласности: формулировать круг тем, предоставляемых печати на обсуждение; разрабатывать основные трактовки, согласованные с целями правительства и формировать, артикулировать сами эти цели; выявлять "способных людей" и т.д. По своей важности этот комитет должен быть подчинен непосредственно императору, на что и намекает Булгарин, апеллируя к опыту Наполеона и Екатерины II, их вниманию к делам печати, и находиться в ведении "высшей полиции", как называл Булгарин политическую полицию (по аналогии с наполеоновской Францией, где при министре Фуше деятельность *la haute police* была поставлена на высоту). Руководство печатью является политическим по своей природе.

Мысль об управлении общественным мнением в то время фактически не была использована, хотя выгоды от унификации идейного смысла печатной продукции уже вскоре были осознаны. Примером может служить программа С.С. Уварова по сведению всего идейного багажа литературы к "триединой формуле": Самодержавие, Православие, Народность. Но сознательная работа по продвижению в печать определенным образом обработанной идеологами информации в соответствии с определенной стратегией только начиналась. Так, сверху спускались заказы на опубликование отчетов о благотворительных заведениях императрицы Марии Федоровны; во время польского восстания 1830—1831 го-

дов Булгарин печатал статьи о положении в Польше, просмотренные высочайшей цензурой. Характер отношения власти к литературе пока имел чисто запретительный, цензурный характер. В 1859 году был образован негласный комитет по делам книгопечатания для руководства литературой в духе правительства, был разработан проект издания правительственного журнала для руководства литературой. Среди полномочий, предоставленных комитету, — возможность в приказном порядке помещать статьи в журналах. Но Булгарин в этих процессах уже не мог принимать участия: в том же 1859 году он умер.

II

ЗАПИСКА О ТОМ, "КАКИМ ОБРАЗОМ МОЖНО УНИЧТОЖИТЬ ПАГУБНЫЕ ВЛИЯНИЯ ЗЛОНАМЕРЕННЫХ ЛЮДЕЙ НА КРЕСТЬЯН"

Записка о том, "каким образом можно уничтожить пагубные влияния злонамеренных людей на крестьян", была написана Булгаринным для М.Я. Фока 7 августа 1826 года¹⁵. Главная тема записки: пропаганда, "пагубные влияния" либеральничавшего дворянства и возникновение "в народе... множества ложных идей и незрелых понятий" В своей записке Булгарин раскрывает механизм возникновения "в народе... ложных идей"

Молодые дворяне "при малейшей неприятности по службе", а то и без всякого повода, забывая о своем привилегированном положении (имея все "права и преимущества в государстве") составляют "род оппозиции", "критикуют меры правительства", "делаются либералами" "Молодые офицеры, дворянчики, купцы, слуги... слова князей, графов... умников жадно ловят и вытверживают" Их "служители... приезжая... в деревню... переливают свой незрелый образ мыслей в крестьян" "Вот отчего... кружит в народе такое множество ложных идей"

Основная нагрузка при объяснении Булгаринным возникновения ложных идей в народе падает на образ "влияние" Здесь необходимо остановиться и объяснить, почему слово "влияние", которое в современном словоупотреблении имеет понятийное значение, мы называем образом.

В словоупотреблении Булгарина "влияние" входит в состав таких устойчивых словосочетаний, как "истребить влияние", "презреть влияние", "потерять влияние" В этих словосочетаниях об-

разное значение слова кажется утраченным¹⁶. Но в разбираемой записке Булгарин оживляет стертую метафору. Это было тем более оправданно, что в начале XIX века основным значением слова "влияние" было обозначение физического действия "вливание чего-то во что-то". Отвлеченное же значение — для обозначения процессов психических, метафизических, являющееся сегодня основным — "влияние (идей, духа времени, настроения) на..." — находилось в стадии формирования. Суть происходящего языкового процесса состояла в том, что шел процесс метафоризации: перенесение значения физического действия на процессы духовного, метафизического плана. Соответственно было широко распространено образное употребление слова: "Человек, перестав замечать влияние Идей, позабыл, что оне в него вливаются, а не им творятся"¹⁷; или такое, например, название статьи 1784 года: "О влиянии успеха наук в человеческие нравы и образ мыслей"¹⁸. "Незрелые умы" "совратили", "влили в" людей свои "правила", "идеи"¹⁹.

С опорой на образное значение слова "влияние" Булгарин использует в качестве образа и слово "переливать". Если можно "влиять в" образ мыслей, то можно и "переливать образ мыслей в..." Булгарин пишет: "Служители, понимая в половину болтание своих господ, составили себе также какое-то вздорное понятие о вещах и, приезжая в деревню с господами, сносясь с крестьянами... переливают свой незрелый образ мыслей в крестьян". Еще один пример: "Заговорщики всасывались, так сказать, в них (Булгарина и Греча), чтобы перелить свой образ мыслей"²⁰.

Но почему это важно, почему важно, что слова "переливать", "влиять" использовались как образ? Дело в самом образе. Образ-понятие "влияние" в XVIII веке был, повторим, очень распространен в российском и европейском дискурсах. История этого образа в XVII веке оказалась связанной с известным образом *empty cabinet* ("пустое пространство"), который знаменитый английский философ Дж. Локк использовал для описания восприятия человеческим сознанием окружающего мира, материального и нематериального. Эта проблема (восприятия окружающего мира) стала особенно актуальной после известной полемики Локка с Лейбницем о природе взаимодействия души и тела. В частности, появились многочисленные толкования слова-понятия *influence* — влияние²¹. Локк говорил о первоначально пустом пространстве человеческого сознания (*empty cabinet*), куда "вливаются",

"втекают" факты окружающей действительности. Эти же мысли позже развивал Вольтер — великий популяризатор философских систем и научных открытий: "Tout ce qui vous entoure influe sur vous en physique, en morale... Les éléments, la nourriture, la veille, le sommeil, les passions, ont sur vous de continuelles influences" — (Все, что вас окружает, влияет на вас физически или нравственно... Стихии, питание, бодрствование, сон, страсти постоянно влияют на вас [118. С. 137, 139].)

Таким образом, "содержание" сознания — это то, чем оно в прямом смысле заполнено, то, что туда **"втекло"**, что туда **"перелили"**, например, при воспитании. (Принимая эту гипотезу, приходится признавать как априорную посылку, что качественный "состав" сознания, преобладание в нем доброго или злого начала полностью зависят лишь от того, что в сознание вложили, но не от самого воспринимающего. На идейном уровне это так называемая теория влияния среды.)

И вот именно эти идеи, эти посылки лежат в основе рассуждений Булгарина о распространении вредных "мнений" среди крестьян. У Булгарина внешние впечатления (чей-то "образ мыслей", чужие "мнения") "переливаются" в человека и начинают определять его образ мыслей и поведение. Любопытно отметить, что "перелить" мнения оказывается возможным в крестьян, но не в Булгарина и Греча. И это не случайно. Образ, как мы уже отмечали, имеет свою логику: сознание "просвещенного" Булгарина **уже заполнено**, туда заговорщикам "перелить" уже ничего не удастся. А вот в "непросвещенных" крестьян можно. Можно поэтому, что сознание крестьян оценивается как "пустое", то есть легко поддающееся влиянию.

Мы видим, как явления, казалось бы, чисто лингвистического плана — становление абстрактных значений слов, изменение их синтаксических характеристик (влияние "в" — влияние "на"...), оживление стертых метафор — помогают проследить, как философская мысль проходит через этапы эволюции: рождение в споре, популяризация, распространение в качестве общего мнения и, наконец, редуцирование до априорной посылки, на которой базируются рассуждения идеологов, до, так сказать, идейного фразеологизма. Этапы этой эволюции отражаются, фиксируются в слове, грамматических формах: отглагольное существительное — метафоризация — образ — новое, абстрактное значение.

Мы отметили один случай, когда оказывается возможным влияние: на непросвещенных крестьян. В каких еще случаях, на кого и как оказывается возможным повлиять?

На несформировавшихся юношей возможно оказать **нравственное "влияние"**: "Ныне наступил век убеждения, и чтобы заставить юношу думать так, как должно, надобно действовать на него нравственно" (Л, 25)* Нравственное воздействие здесь — это влияние мнений, убеждений, доводов разума, причем мнений авторитетных: уважаемого педагога, писателей.

"Посмотрите, — пишет Булгарин Фоку, — какое действие производят писатели в России в пользу правительства! La force physique s'use, mais la force morale est immortelle" Публикатор А. Рейтблат перевел эту фразу так: "Физическая сила тленна, но сила духа бессмертна", но в данном контексте выражение la force morale возможно перевести и как "нравственная сила" Ср. у Булгарина: "нравственность народа (le moral)" (ОМ, 590).

Приведем отрывок из донесения М.Я. Фока Бенкендорфу, где Фок передает слова Булгарина. "Мы уже сообщали, что Булгарин завел постоянные сношения со многими лицами, значительными в Провинциях или имеющими там влияние, и уведомляет их о настоящем положении дел и о особе Государя Императора.

Ныне имел он удовольствие удостовериться, что его план принят, и что если есть люди, распространяющие дурные вести, надобно, чтоб были люди, извещающие о хорошем. Противодействие искореняет зло в самом начале и при нравственном влиянии на народ, добро всегда истребляет зло"²².

Здесь, по существу, повторены не только основные положения Булгарина, но и выражены они в тех же формулах. Нравственное влияние исходит в данном случае от авторитетных людей, авторитетной точки зрения. (Обратим внимание, что автор различает "значительных" людей и людей, "имеющих влияние" Можно иметь "влияние" и не быть "значительным".) Распространению зла можно препятствовать распространением добра, более того, при "нравственном влиянии", то есть попросту извещая "о хорошем", "добро всегда истребляет зло"

Сравним в разбираемой записке: "Слова, пущенные на ветер, падают на плодородную землю и производят горькие плоды". Здесь "влияние" оказывается возможным, так как (согласно логи-

* Здесь и далее название записок Булгарина дается через буквенные символы. См. список сокращений

ке метафоры) "земля" и не засеяна другими семенами, и не защищена — не огорожена. "Пресечь" влияние возможно, "поставив стену" (стена оградит "землю") и "связав нравственной обязанностью" крестьян. "Нравственная обязанность" станет семенами добра, и слова "умников" уже не примутся так легко.

Влиянием добра можно истребить влияние зла. (У Булгарина постоянная тема: для пресечения зла необходимо устранение вредного влияния; юношей, совершивших политический проступок, не надо выгонять и сечь, речь должна идти об устранении влияния и о переубеждении (Л, 25).) Механическое понимание влияния как вытеснения одного содержания другим осложнено тем, что для вытеснения необходимо неременное условие: авторитетность для воспринимающего того или иного высказывания. (Кроме того, обратим внимание на тему добра—зла у рационалиста Булгарина. Мнение, что "добро всегда истребляет зло", отсылает нас к идее Руссо об изначально благой природе человека, оппонирующей догме о ее изначальной греховности. Только при изначально благой природе добро всегда победит зло в душе человека. И эта идея принимается как априорная, неоговариваемая посылка рассуждений.)

"Где действует мысль и убеждение, там должно противодействовать убеждением" (Л, 25). Не потому, что физическое воздействие — "выгоню и высеку" (Л, 25) — само по себе плохо, а потому, что мысль и убеждение имеют другую, нефизическую природу. Но восприятие идей толкуется, как влияние, как механический процесс: есть источник "влияния"; есть кто-то, кто производит влияние; есть, наконец, объект восприятия, "влияния", который воспринимает идеи, причем при определенных условиях одна идея способна вытеснить другую.

Интересно, что в середине XIX века, когда "влияние" утратило прямое значение отглагольного существительного, а абстрактное значение "идейного, духовного воздействия" утвердилось, у этого слова появился синоним — "веяние". Считается, что последнее слово в значении "влияния новых идей" было употреблено впервые Ап. Григорьевым. Причем в значении прежде всего "влияние западных идей". По существу, это развитие образа "идеи — ветра", употреблявшегося Булгариным, Уваровым, Фоком и другими, и тоже в отношении идей западных. "Влиянию", "веянию" этих идей необходимо что-то противопоставить. Булгарин считает возможным, с одной стороны, "пресечь влияние" ("влияние" здесь —

механический процесс), с другой — использовать идеи—ветер в определенных целях (образ корабля—флюгера—ветра). Отчетливо видно столкновение в одной системе рассуждений "механической" и "стихийной" парадигм. Такое же столкновение мы найдем и в рассуждениях Уварова. Он говорит об "умственных плотинах" как о препятствии идейному влиянию. А вот у Ап. Григорьева все рассуждение оформлено в рамках двух близких парадигм: "органической" и "стихийной". Он противопоставляет образу идейных "Веяний" образ "почвы". Необходимо преодолеть "веяния" и вернуться к "почве", "народному цельному воззрению" [86. С. 510].

Опираясь на важный для мировоззренческой оптики Булгарина понятие-образ, например, образ идеи—слова—влияние, можно раскрыть основные положения его идеологической программы. "Слова" — орудие воздействия, "влияния". Поэтому важны литераторы, люди, профессионально владеющие словом. (Это для "публики", а для неграмотных крестьян нужны священники, но они "вовсе не заботятся о нравственности своей паствы".) Поэтому лучше всего, чтобы священники читали крестьянам катехизис "без всяких богословских отвлеченностей". То есть опять же книга, печатное слово, которое будет разъясняться крестьянам в "народных школах".) Но для того чтобы иметь влияние, "писатели" должны пользоваться доверием. Читатель должен знать, что "писатель" пишет не "по приказу", а "по убеждению" и "соображению ума" (Л, 26). И вот для этого доверия необходима хотя бы "некоторая гласность".

Чтобы противостоять "пагубным влияниям", Булгарин предлагает "поставить стену между вредными людьми и массой народа". Что это значит?

Крестьянство, удивляется Булгарин, не несет никакой "нравственной обязанности" перед своим государем. Он предлагает связать крестьян с престолом "нравственной нитью": обязать это "многочисленнейшее сословие" приносить присягу. Для "модновоспитанных дворян" присяга лишь обряд, а "в народе (она) произведет свое истинное действие и привяжет его (народ. — А.А.) узлом Веры к священной особе Государя". "Со временем... власть самодержавная более укрепитя соединенною силою целого народа".

Принеся присягу, крестьяне примут на себя, утверждает Булгарин, "нравственную обязанность". Обратим внимание на нравственную природу предлагаемого Булгариным воздействия на крестьян. Даже собираясь "привязать" крестьян к трону "узлом

Веры", Булгарин характеризует возникающие отношения между крестьянами и тронем не как сакральные, а как нравственные: "нравственная нить", "нравственная обязанность" Присяга активизирует не **сакральные**, а **этические** моменты. Нравственное влияние оказывается, таким образом, оппозицией, с одной стороны, физическому воздействию, а с другой — сакральному началу.

Очень интересна и политическая тема, затронутая автором записки. Булгарин обращает внимание на, казалось бы, парадоксальный факт: у "многочисленного сословия народа" нет никаких обязанностей, то есть обязательств, перед престолом. Что же это означало? То, например, что, как следует из рассказанной Булгариным истории, находившийся 14 декабря на Сенатской площади крестьянин воспринял происходившее "равнодушно", поскольку речь шла о присяге, а крестьянство не присягало ни Константину, ни Николаю. То есть крестьянин **считал себя вправе** быть "равнодушным" (sic!). Более того, и властям это не казалось предосудительным!

Не имея "прав политических", российские крестьяне не несли и никаких политических "обязанностей", ведь "мы не присягали" А власть, правительство, не признавая за крестьянами никаких качеств политического субъекта (крестьянин в законе мертв), **не могло и требовать от них** никаких нравственных "в отношении правительства" поступков и не могло осудить (в нравственном смысле) за "равнодушие" Ведь нравственное требование любого порядка, в том числе и осуждение, возможно только по отношению к дееспособной, правомочной личности. Отметим, однако, что все эти рассуждения справедливы только в пространстве европейской политической и правовой культуры Нового времени. В пространстве политической культуры архаического, традиционного, типа отсутствие прав и наличие обязанностей воспринималось как норма. И, как это ни парадоксально, российское правительство, признавая за крестьянином **право на "равнодушие"**, выказывает здесь черту европейскую.

Предлагая правительству, по примеру Франции (!), связать каждого крестьянина "нравственной нитью", "нравственной обязанностью" с престолом, помещиком, царем, Булгарин предлагает, по существу, изменение политического статуса крестьянина и соответственно его гражданского статуса. Из крестьянской массы душ выделяется личность, которая персонально дает присягу и персонально несет нравственную обязанность и ответственность. Важность этих выводов будет понятнее, если вспомним, что дворянин нес персональную нравственную обязанность перед престолом имен-

но в силу своей наделенности гражданскими, а отчасти и политическими правами, будучи субъектом отношений с властью. Но как же тогда соединить, с одной стороны, отмеченные нами следствия, вытекающее из логики предложений Булгарина (обязанность перед правительством наделяет крестьянина гражданскими правами) и тем, что он сам оговаривает: "и как политическим узлом нельзя соединить сословие крестьян с тронem" (то есть нельзя менять существующего состояния, наделять крестьян гражданскими правами)?

Булгарин предлагает изменения, и изменения чрезвычайно существенные, для российской политической действительности, но при этом, оставаясь в рамках европейской политической культуры, он не может нарушить границ дозволенного в пространстве российской политической реальности. И то, что Булгарин в этих узких пределах оказывается способным маневрировать, хотя и впадая иногда в противоречие, свидетельствует не только о его мастерстве политического писателя, но и о том, что во второй половине 1820-х годов такое пространство существовало. Для нас важно подчеркнуть и тот факт, что Булгарин в своих рассуждениях опирается на политический опыт Франции, где крестьянство в то время было лично свободным. Он исходит из европейской культурной, правовой, политической, идейной реальности, и исходить из этой реальности было естественно для российского проправительственного идеолога.

В основе рассуждений Булгарина лежит предпосылка, что любой человек является личностью, а это в нравственном и политическом планах предполагало возможность существования **нравственной обязанности и нравственной ответственности, личной верности и личного же политического преступления**. Существование определенных обязанностей (у личности!) предполагает и наделение ее некоторыми правами. Развивая это европейское понимание человека в обществе на российской почве, Булгарин создает предпосылки: для быстрее эволюционирования и идейной парадигмы, и политического уклада.

На примере этой записки мы видим, что образная система может быть понята лишь в том случае, если принимается во внимание идейное наполнение образов. В свою очередь политический уровень текста может быть понят только с учетом анализа образной системы политического текста, системы априорных посылок, на которых автор строит свои суждения, не оговаривая при этом их (посылок) истинности, и идейного комплекса.

Глава 2

ОБРАЗ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Теме политической метафоры, роли метафоры в оформлении идеологической парадигмы посвящены многие современные исследования, как зарубежных ученых, так и отечественных. О политической метафоре писали А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, М.В. Ильин, Л.В. Минаева, А.А. Пароятникова, В.М. Сергеев, Н. Бирюков, Дж. Лакофф, М. Джонсон, П. Чилтон, Т. ван Дайк, Р. Водак, Н. Фэр-клаф, К. Гирц и многие, многие другие.

Исследования, посвященные политической метафоре, при всей их основательности, не затрагивают нескольких, с нашей точки зрения, очень важных моментов. Во-первых, не поставлен вопрос о специфике политической метафоры. Метафору в политическом тексте не отличают от метафор поэтических, научных¹. Во-вторых, при изучении конкретных метафор практически игнорируется культурно-исторический аспект. Политическая метафора берется как замкнутая на самое себя, вне связи с другими метафорами, вне своего метафорического комплекса, вне своих политических, риторических, исторических коннотаций. В-третьих, метафора берется в контексте всего политического дискурса, вне конкретного текста, а это значит, что не учитывается сама природа политической метафоры. При таком подходе познавательная ценность исследования ограничивается лингвистическим аспектом, а вся смысловая наполненность политических текстов, все политические, идейные проблемы сводятся к игре словами.

Наш подход к политической метафоре предполагает выяснение ее специфики на фоне того культурно-исторического ряда, к которому принадлежит та или иная метафора, и изучение конкретной метафоры как единицы конкретного текста. Обозначим еще ряд вопросов, которые, на наш взгляд, чрезвычайно важны при анализе метафор и образных комплексов. Является ли метафора "спорной" или "нейтральной" в политическом контексте, какова ее модальность? То есть дискутируется ли, является ли спорным (хотя бы для части аудитории) сам образ, его значимость, авто-

ритетность. Кто использует метафору, для каких целей? Как тот или иной образ, используемый в конкретном политическом тексте, соотносится с идеями, априорными посылками, задаваемыми другими значимыми единицами текста? Ведь политический текст, как и любой другой — это многоуровневая структура, где образная система — лишь один из уровней. Какова система ценностей и ориентаций, задаваемая тем или иным образом (метафорой, риторической фигурой)?

Попробуем ответить на поставленные вопросы, обратившись к истории российского политического дискурса начала XIX века.

КАК НАЗВАТЬ КРЕПОСТНОГО?

Французская политическая публицистика конца XVIII века пользовалась для описания действительности формулами типа:

l'esclave, esclavage (раб, рабство);

le tyran, la tyranie (тиран, тирания);

le progrès (прогресс);

l'opinion publique (общее, общественное мнение);

l'esprit du temps (дух времени); и т.д.

Публицисты, ими пользовавшиеся, претендовали на то, что каждая из этих формул обозначает некоторую реальность в общественных отношениях, в понимании истории и т.д. Молодое русское дворянство, воспитанное в традициях французского Просвещения, на чтении французской политической публицистики, воспринимало эти понятия как обозначение реальных феноменов, общечеловеческих по своей природе и потому способных объяснить и *российскую* историю, *российскую* действительность.

"Просвещенный человек" рубежа XVIII—XIX веков, характеризуя отношения крепостного крестьянина и его хозяина, подданного и монарха, использовал комплекс формул-метафор "раб" — "сатрап" — "тиран", как бы **сравнивая** при этом положение раба в древнем мире и положение российского барского крестьянина, российского царя и правителя в Древней Греции, узурпировавшего власть. Конечно, "просвещенному человеку" было понятно, что сравнение это неточное: ни социальное, ни экономическое, ни правовое положение русского крепостного не совпадали с положением раба в Древней Греции или Риме. Но то сходство, которое они видели между положением крепостного и раба, казалось им важнее различий. О том, что эти слова еще не превратились в понятия, что они способны были вызывать эмоции, говорит тот

факт, что были и другие точки зрения, и другие оценки. Совсем не для всего общества крепостное право было "рабством", помещик — "сатрапом", а монарх — "тираном". Большинство крепостных и их хозяев не называли друг друга этими именами. "Невежды", "старики", люди "Бабушкина века" (так называла "просвещенная" дворянская молодежь своих непросвещенных отцов) считали, что отношения между крепостными и хозяевами гораздо лучше описываются термином "отеческое попечение". То, что для одних было адекватным описанием ("рабство", "сатрап" или "отеческое попечение"), другим казалось недобросовестным, ложным сравнением. На этой проблеме мы подробнее остановимся ниже.

Метафора, сравнивая, дает образ явления, вещи, мира. Явление действительности трансформируется в соответствии с замыслом, видением творца: поэта, философа, идеолога. Метафора, употребленная творцом для осмысления, объяснения действительности, имеет и собственную логику, логику целостного, законченного, оформленного видения мира: "рабство" с необходимостью требует "сатрапа", "тирана", а их взаимодействие, столкновение требует появления нового образа — "Героя", который разрешает противоречие убивая "Тирана", освобождает "Раба". Логика образа задает и его динамику: "Смерть тирану!", "Свободу рабу!" То есть трансформация действительности в художественных, равно как и политических, текстах происходит в соответствии с априорно задаваемыми образом установками.

Не вдаваясь подробно в проблему восприятия и осмысления действительности, предложим несколько тезисов, относящихся к нашей проблеме. Отчасти мы уже затрагивали эту тему в разговоре о политическом тексте.

Восприятие действительности индивидуально; осмысление действительности — понимание и оценка — есть творение нового мира, отличающегося от мира существующего хотя бы выстроенностью в причинно-следственных связях, понятостью и оцененностью, в терминологии Бахтина — завершенностью, окончательностью, противопоставленного принципиальной открытости мира реального. Осмысленный мир — это созданный мир, мир, которого не было. Для создания этого мира его творцу (философу, поэту, идеологу) нужен адекватный язык. Язык, который может описать то, как творец понимает действительность. Одним из основных инструментов, необходимых для такого описания (наряду

с таким инструментарием, как логическая последовательность событий, причинно-следственные закономерности, временная ориентация и др.), и становится метафора.

Метафора построена, как сравнение, сравнение с уже известным, чтобы передать новую реальность. Новую, потому что в реальности не существует ни "пчелиных монастырей", ни "духа времени", но в момент творческой активности поэт, мыслитель создают эти образы ("пчела из кельи восковой", "дух времени"), и при удовлетворении определенным условиям, например, художественной убедительности, в воспринимающем сознании читателя эти образы начинают существовать как адекватное описание реальности (художественной, политической).

Каждое крупное течение в философии, идеологии, описывая, объясняя действительность (политические, социальные отношения, исторические процессы) стремится создать для этого свой язык, свою мировоззренческую парадигму: (Парадигмой мы называем систему ценностей, ориентаций, идей, образов, выработанных тем или иным идейным течением, с помощью которых идеологи могут описывать действительность, то есть преломлять ее в системе образов, понятий, в соответствии с априорно задаваемыми ценностями и ориентациями, формируя мировоззрение у адептов). Так, например, идеология Просвещения, давая свои названия, определения вещам, явлениям, отношениям, то есть описывая действительность (для чего обычно используются метафоры), становится способной оформлять мировоззрение у тех, кто усваивает язык этих метафор, в соответствии с логикой образов, с их системой априорных посылок.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРЫ

Чем же отличается поэтический образ от образа политического?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, напомним некоторые из наших положений о специфике, особенностях политических текстов, образные системы которых мы обсуждаем.

В обществе всегда существует несколько точек зрения на происходящие в нем (обществе) события, на способы и пути решения возникающих проблем и т.д. И политические тексты — это голоса заинтересованных сторон (заинтересованных в том или ином способе решения проблемы, выборе того или иного пути). При этом политические тексты никогда не бывают исключительно декларациями, исключительно утверждениями того или иного

тезиса, даже в таком, казалось бы, декларативном жанре, как лозунг. Политический текст — это всегда реплика в полемике, аргумент в происходящем споре, одна из альтернатив решения той или иной актуальной проблемы².

Задача автора политического текста — убедить как можно большую часть заинтересованной аудитории в своей правоте, в истинности нарисованного им мира, в правильности предлагаемого им решения проблемы. Весь текст проникнут определенной интенцией, направленной на формирование определенного взгляда на мир, на убеждение в правильности этого взгляда. Эта интенция организует весь текст, все его уровни в соответствии с той задачей, которую текст выполняет. Именно поэтому в политическом тексте все риторические, логические средства могут рассматриваться как **приемы**.

Образная система составляет один из уровней политического текста наряду с риторическим, логическим, идейным. Образный комплекс связан с логикой аргументации, с априорными посылами, с ценностной и ориентационной системами. Соответственно: а) назначение политического образа — служить объяснением мира, утверждающим свою правоту в споре с другими точками зрения; б) политические образы должны быть прозрачными для воспринимающего сознания, тривиальными; их роль в политическом тексте принципиально должна быть понятна, они должны поддаваться расшифровке и анализу: какие взгляды стоят за образом, какова позиция автора и т.д.

Функция же поэтического текста — эстетическая по преимуществу. Поэтому поэтический образ потенциально может быть неожиданным, рискованным, незнакомым для читательской аудитории. Он неделим и не поддается ни исчерпывающему идеологическому анализу, ни полной эстетической расшифровке, объяснению его роли в поэтическом тексте. Даже в таких провокативных случаях, как политическая поэзия. Например, в "Арионе" Пушкина образ кормчего — челна — бури принципиально отличается от традиционной политической метафоры "государство — корабль в бурном море", использовавшейся Платоном и Аристотелем, Горацием, Томасом Мором и ...Булгариным. В данном случае одним из отличий является образ "певца". Не поэта-пропагандиста, литератора-матроса на корабле-государстве, создающих общественное мнение, объясняющих и формирующих представления, а певца, поэта, проводника прежде всего эстети-

ческого начала. И ценность образа "певца" прежде всего эстетическая, а не политическая. Совершенно не обязательно для понимания стихотворения видеть за "челном" общество декабристов, за "кормчим" — Пестеля, а за "певцом" — близкого декабристам поэта Пушкина.

Однако слишком четкое различие поэтической и политической метафоры и не совсем корректно, и не продуктивно. Поэт — это и мыслитель, и политический писатель. Стихотворение Пушкина "*Клеветникам России*" трудно отнести к чисто эстетическим произведениям. Оно глубоко публицистично, но ведь и образы его имеют четко прослеживаемую традицию, идущую от русского классицизма через официальную оду и Державина, и к моменту создания произведения (1831) и "верный росс", и метафорическое изображение огромных пространств, и сверкание штыков были уже поэтическими фразеологизмами, избитыми формулами, напрашивающимися на пародию. Этим образная система "*Клеветникам России*" близка образной системе политического текста.

Граница между метафорой поэтической и политической неплотная, проницаемая, но тем не менее, как нам кажется, принципиальная. Отношения поэзии к действительности сложны и многозначны, поэзия осмысливает, изображает мир, идеи, чувства. Столь же *многозначна* и поэтическая метафора. А политик мир объясняет и убеждает в истинности объясняемого, реализуя, объективируя поэтические метафоры, которые при этом становятся *однозначными, тривиальными*. Однако все метафоры — и поэтические, и политические — творят новые миры.

ТРИ ТИПА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

В зависимости от поэтики художественного произведения (романтической, классической,..), его жанровой принадлежности, образная система произведения может иметь доминантой разные типы образов: пластические, эмоциональные, реалистические и т.д. И политический текст, в зависимости от того какой комплекс идей его наполняет, исходя из каких априорных посылок его автор пытается объяснить окружающий мир, имеет соответствующий этому идейному комплексу, априорным посылкам доминантный тип образной системы. К примеру, в дискурсе российского Нового времени (с начала XIX века и вплоть до наших дней) можно выделить три оппонирующие друг другу образные системы. Это рациональная метафора, эмоциональная и этико-сак-

ральная. В политическом дискурсе они реализуются в таких, например, триадах-оппозициях:

разум — душа (сердце) — вера или

общественное мнение — индивидуальная воля — авторитет традиции.

Первый тип образной системы связан с просветительским комплексом идей, второй — с романтическим, третий — с сакральным мировоззрением. В зависимости от того, что является для автора и его аудитории существенным аргументом в споре (рациональные рассуждения, эмоциональный призыв или авторитет сакрального порядка), мы можем говорить о доминирующем типе образной системы в конкретном тексте: рациональном, эмоциональном или этико-сакральном.

Просветительская идеология — это реакция на сакрализованное мировоззрение, на видение мира как борьбы абсолютного Добра и Зла, это отказ от всех авторитетов, которые нельзя объяснить с точки зрения разума. Пафос просветительской идеологии — в умопостигаемости мира во всех его проявлениях, от проблем духа до космогонии. В этой системе представлений убедить — это доказать какой-либо тезис с помощью логически непротиворечивых рассуждений. Эмоциональный пафос при этом не исключается, но в качестве основного аргумента, доказательства эмоция не может использоваться. Невозможны в рассуждениях идеолога-просветителя иррациональность и отсутствие логики. Пафос же романтической реакции на Просвещение — в отрицании всеобщего, единообразного по своей природе начала — познающего разума. В противовес ему выдвигается начало сверхлогическое, например, душа, чувство, воля, "правда сердца"

В основе рациональной просветительской парадигмы лежат конкретные факты и способность к элементарным логическим операциям, сравнению чисел, сопоставлению фактов и т.д. Рациональная парадигма задает правила спора, из которых важнейшее — принципиальная возможность оспорить любой довод оппонента, найдя в его рассуждениях противоречие, предлагая новые факты. Рациональная парадигма предполагает принципиальную открытость к продолжению спора. Последнее слово в конкретном споре в рамках рациональной парадигмы всегда чревато продолжением спора.

В основе эмоциональной романтической парадигмы лежит оценка факта, оценочное заключение. Причем оценка дается не в

рамках обращения к относительной шкале лучше—хуже (рациональной процедуре по своей природе), а с помощью обращения к абсолютной ценностной шкале, переводя спор с уровня рациональных процедур на уровень предельных экзистенциальных ценностей — кровь, слезы, жизнь, смерть — и тем самым закрывая возможность для продолжения диалога, спора.

Рациональная метафора, ее внутренняя конструкция рассчитаны на то, чтобы убеждать в диалоге, в споре. Ее роль в том, чтобы задать рамки спора. (Так, как это делала метафора "механизма" на рубеже XVIII—XIX веков или метафора "перестройки" в наши дни.) Эмоциональная метафора, задавая эмоциональную напряженность спору, апеллируя к экзистенциальным ценностям установкам, стремится исключить рациональный подход, выводит предмет из рамок "рассуждения", использования унифицированных логических процедур на уровень индивидуальной оценки, с которой надо либо соглашаться, либо пытаться дискредитировать ее ценность. Часто при апелляции к предельным экзистенциальным ценностям эмоциональная метафора заканчивает спор. Эмоциональная метафора индивидуальна, психологична³.

Этико-сакральная метафора — это обращение к моральному, сакральному авторитету, к абсолютной норме. На первый взгляд сакральная метафора очень схожа с эмоциональной. Но в отличие от *индивидуального* характера эмоциональной метафоры сакральная метафора, апеллируя к "Добру и Злу", "Божественной истине" и "дьявольскому наущению", моральному—аморальному, претендует на *абсолютную всеобщность*, общезначимость. В политическом диалоге абсолютная сакральная метафора закрывает возможность спора. Если речь идет о "святом" и "дьявольском", абсолютном добре или зле, то продолжать спор — это значит спорить с абсолютным (добром, например). Этико-сакральная метафора над-целесообразна. Генезис этой метафоры — в сакрализованном мировоззрении. Примеры сакральной метафоры приводились выше в разборе записки "О цензуре..." В российском политическом дискурсе Нового времени такими метафорами пользовались (и пользуются) многие: от некоторых западников и славянофилов, особенно поздних, до современных авторов. Примечательные примеры этико-сакральной метафоры оставил Ф.И. Тютчев в своих политических статьях.

Эти три типа политической метафоры легко выявляются на всем протяжении развития европейского и российского политического дискурса вплоть до наших дней.

Разделение на романтический, просветительский и сакральный идейные комплексы не является полным соответствием разделению на эмоциональную, рациональную и сакральную метафоры. Можно говорить лишь об основных установках, о доминирующем типе. Просветительский комплекс идей наиболее адекватно выражается в логически непротиворечивых образах, с эмоциональной насыщенностью, близкой к нейтральной; романтический — в эмоционально насыщенных метафорах; сакральный — в поляризованной системе образов (добро—зло и т.д.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА И ПРОПАГАНДА

Хорошим примером ясного понимания объясняющей, убеждающей роли политических метафор является донос на деятелей Союза спасения. Этот донос, обычно приписываемый М. Грибовскому, был подан Александру I через генерала А.Х. Бенкендорфа в 1821 году⁴.

"...тайная цель главных руководителей — возыметь влияние на все отрасли правительства... Средства к тому избраны: распускаемые слухи, рассказы в обществах, сочинения, особенно журнальные статьи, как более и скорее расходящиеся, дабы дать направление общему мнению и нечувствительно приготовить все сословия. Есть многое, до чего, как до больного места, чтобы не почувствовать, не должно прикасаться; но частые напоминания... понятия о рабстве, цепях, неволе, тиранстве, ненаблюдении правосудия и пр., врезываясь в памяти, давали бы дурное мнение и поселяли бы отвращение от существующего очерняемого порядка и желание перемен"⁵.

Мы видим здесь превосходную формулировку сущности пропаганды, и не только Союза спасения, а вообще всякой политической пропаганды. Давать свои имена вещам, событиям, отношениям, классам. Создавать цельную картину общества, описываемую в выработанных пропагандой образах, где отношения между, например, крестьянином и помещиком описываются как "рабство", "цепи", "тирания"; а суд — как "ненаблюдение правосудия", произвол. (Эти образы и понятия несут в себе определенные ценностные смыслы, коннотации, дискредитируют или, наоборот, восхваляют.) Предлагаемая пропагандистами картина мира, "врезываясь в память" читателя, который до этого мог воспринимать окружающий мир, как нейтральную данность (например в силу привычки, традиции), меняет его отношение к действительности,

дает "дурное мнение", поселяет "отвращение" и как следствие вызывает "желание перемен"

Автор доноса пишет о "цепях", "рабстве" — политических метафорах, которые действительно использовались декабристами, и не только в пропагандистских целях, но и в риторически приподнятых разговорах на политические темы. Мы говорили, что каждое крупное идейное направление создает свой набор образов для описания действительности. В данном случае мы имеем дело с двумя комплексами: классическим и просветительским. Метафоры "рабство", "цепи", "тиран", восходящие к политической риторике античности, преломленные через традицию классической трагедии, воспринимаются автором доноса как **ложные метафоры**. Говоря о "рабстве", "цепях", доносчик как бы остраивает их от той реальности, которую они обозначали в произведениях декабристов, для него самого эта реальность называется по-другому.

Интересно, что более современная для автора доноса формула "общее мнение" употреблена в нейтральном контексте как понятие, обозначающее некий социальный феномен, социальную реальность. (Вспомним, что и для таких идеологов, как Шишков, В.Н. Каразин, "общее мнение", "ненаблюдение правосудия" — формулы из комплекса просветительской публицистики — нейтральные понятия.)

Каким же образом оказывается возможным, чтобы то или иное название судебных решений, социальных групп воздействовало на отношение воспринимающего к действительности: поселяло отвращение и желание перемен?

Здесь нам необходимо ввести понятия **значимого** (актуального) и **авторитетного** образов, значимой и авторитетной парадигм.

Образы становятся значимыми для сознания в силу многих причин: воспитания, актуальной социальной традиции, связанности образа с авторитетными языковыми, эстетическими, поведенческими установками. Образ, значимый для какого-то одного слоя, совсем не обязательно является таковым для всего остального общества. Авторитетный образ — это значимый образ, способный быть аргументом в споре, наделенный однозначными положительными (либо отрицательными) ценностными коннотациями.

Мы уже говорили, что политический образ как сам по себе, так и в рамках образных комплексов, связанных с теми или иными идейными комплексами, — это потенциальный носитель определенных ценностных ориентаций (типа зло—добро, свой—чужой, сакральное—мирское); пространственно-временных ориентаций; ценностной иерархии.

Значимые для воспринимающего сознания образы, не ставшие еще стертymi фразеологизмами, это образы с **актуальной** ценностной иерархией, ориентационной системой. Получаемая в "упаковке" из значимых метафор информация, преломляется в соответствии с логикой образной системы и в соответствии с заложенной в ней ценностной иерархией, ценностными ориентациями. Например, образ перестройки задает логику "ремонта", "строительной площадки", но не "разрушения, расчищения для нового строительства" Это образ с установкой на логическое, а не на эмоциональное или внерациональное умопостижение мира. Во время своего возникновения для одних это был актуальный значимый образ, способный стать аргументом в споре, для других — ложная метафора, никоим образом не способная служить для описания действительности⁶.

Называя отношения между крестьянами и помещиками отношениями "рабов и сатрапов", идеолог апеллировал к значимой, авторитетной для части дворянского слоя классической парадигме. Если аудитория, а это была в основном "просвещенная молодежь", принимала эти названия, то логика образа, заложенные в нем ценностные и ориентационные установки начинали определять отношение адептов пропаганды к той действительности, которую данный образ называл и оценивал.

Вспомним в этой связи уже упоминавшийся образ "Матушки России", который в 1826 году Булгарин предлагал правительству использовать для того, чтобы "управлять по произволу (sic!) нижним состоянием": "Легкость" в управлении с помощью метафоры "Матушка Россия" именно нижним состоянием объясняется тем, что именно для нижнего состояния "Матушка Россия" продолжала оставаться **авторитетным** образом. Любое высказывание, где есть ссылка на такой образ, имеет шанс стать высказыванием авторитетным для воспринимающего. И вот с помощью этого авторитета "власть легко покорит умы нижнего состояния", сможет управлять им "по произволу"

Но для всех ли слоев крестьянского "состояния" образ "Матушки России" был одинаково значим? Существенное для наших

рассуждений дополнение можно извлечь из критики болгаринской записки Шишковым: "Едва ли Магический жезл (образ "Матушки России" — А.А.) сочинителя не останется без всякой силы. Единственно-го средства к убеждению сих людей (старообрядцев. — А.А.) ...искать должно в стараниях духовенства нашего"

Замечание Шишкова вполне справедливо. Степень важности для раскольников религиозных ценностей значительно превышает ценности государственной, культурной, языковой общности, к которым отсылает образ Матушки России. Поэтому "Магический жезл" ("Матушка Россия") не властен над старообрядцами и не даст того пропагандистского эффекта, на который рассчитывал Булгарин. В том слое крестьянства, социальная активность которого всецело определяется ценностями и установками религиозной общности, иной по своему генезису образ не будет работать. Значимыми, ценностно окрашенными в этом слое будут образы из парадигмы религиозной. А эти образы, возвращаясь к Шишкову, можно найти в проповедях "духовенства нашего" То есть для оказания влияния на *разные* слои аудитории (в данном случае это разные слои "нижнего состояния"), различающиеся по своим ценностным установкам, должно использовать *разные* образы. Образ, авторитетный в одном слое, не будет таковым для другого, хотя речь идет об одном и том же сословии — крестьянах.

Булгарин неявно связывает возможность влияния с помощью "Матушки России" с невысоким уровнем просвещения. Но, оказывается, и на более просвещенные слои общества можно влиять с помощью образов. Для этого лишь надо знать ценные, авторитетные для этого просвещенного слоя образы. Некоторые такие образы, ценностно значимые для части дворянского сословия, перечисляет Грибовский. Их можно найти в гражданской лирике Рылеева, Пушкина. Для нашего совсем недавнего прошлого мы можем привести, например, такие примеры: "демократия", "гласность", "тоталитаризм" **Эти образы-формулы, являясь своеобразной идеологической призмой, способны определенным образом преломлять передающуюся с их помощью информацию, организуя ее и оказывая воздействие на часть политической аудитории.**

Еще раз подчеркнем: те или иные образы, являясь в определенный момент образами, значимыми для части политической аудитории, могут не восприниматься в качестве таковых другой ее частью. Кроме того, значимые, авторитетные в определенный момент, в определенном социальном слое образы постепенно утра-

чивают свою значимость. Обычная эволюция значимого образа: возникновение — актуализация — приобретение авторитета — дискредитация (превращение во фразеологизм).

"ДУХ ВРЕМЕНИ": РЕАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ИЛИ СПОРНАЯ МЕТАФОРА?

За каждым значимым, актуальным для современников политическим образом-формулой стоит определенная система представлений, идей, ценностей, которые та или иная формула как бы конденсирует в себе. Сама же она может восприниматься как знак того или иного комплекса идей, становясь предметом политического спора. Покажем это на примере формулы "дух времени"

В 1810-х годах найти страницу журнала, где бы не упоминалось о "духе времени", было нелегко. К.Ф. Рылеев писал: "Подражание древнему заменяло изучение духа времени, просвещения века" [80. С. 304]. 20 октября 1820 года в Департаменте законов Государственного совета обсуждался законопроект о запрещении продажи крестьян поодиночке, подготовленный Н.И. Тургеневым, где он писал: "...продажа людей поодиночке, как бессловесных животных, не соответственна духу времени" [55. С. 139].

Если в момент своего появления политический образ предназначается для объяснения действительности с помощью сравнения, то в дальнейшем он перестает восприниматься лишь как **сравнение**, как образ, и приобретает терминологическое значение для обозначения некоей реальности: "изучение духа времени", "продажа людей поодиночке ...не соответственна духу времени" "Дух времени" можно изучать, что считал необходимым Рылеев, на него можно ссылаться как на доказательство, он может служить аргументом в споре, как у Н.И. Тургенева. При этом "дух времени" еще какое-то время остается значимым и авторитетным образом, способным становиться порождающей метафорой.

Изучающему это время может показаться, что такое отношение к "духу времени", такое понимание было единственным. Но сравним его с пониманием Шишкова, который вел журнал заседаний 20 октября 1820 года при рассмотрении проекта Н.И. Тургенева. Шишков писал, что под словами "дух времени" часто "скрывается стремление к своеволию и неповиновению", что "Департамент законов подобных выражений к суждению принять не может, ибо мнит, что, где правительство твердо и законы святы, там они управляют духом времени, а не дух времени ими" [55. С. 140].

Мы видим, что Шишков отказывается считать само существование "духа времени" доказательством в споре о крепостном праве, как это делали Тургенев и многие другие публицисты, политики, для которых "дух времени" не только существовал, был реальным феноменом, но и **определял реальность общественных отношений**. Последние (общественные отношения, в том числе и крепостное право) по отношению к "духу времени" — **явления зависимые**. Они соответствуют "духу времени" или не соответствуют — тогда их приходится изменять. Именно поэтому и можно говорить о требовании "духа времени", о соответствии ему, ссылаться на него, как на аргумент, критикуя общественные отношения.

Для Шишкова таким определяющим общественные отношения феноменом выступали традиционные формы власти, существующие законы. А что касается "духа времени", если он все же существует, то не ему должны соответствовать общественные отношения, а они сами определяют "дух времени". Поэтому ссылка Тургенева на "дух времени" для Шишкова не имеет смысла, более того, она нелепа и заставляет Шишкова считать, что под этой формулой у Н.И. Тургенева скрывается "стремление к своеволию и неповиновению". Авторитетность феномена "дух времени", его способность быть аргументом в споре были очевидны только для носителей определенного комплекса идей. А для противной стороны подобная ссылка — это ложный аргумент, для них эта формула — спорная метафора, как в доносе 1821 года или инвективах А.С. Шишкова. У "европейцев" отношение к образам, метафорам "архаического" комплекса ("тлетворный яд", "орудие тьмы") было таким же, как у Шишкова к метафорам, описывающим реальность в "духе времени". То, что для одних — реальный феномен, авторитетный образ, аргумент, для других — нахальная, рискованная метафора, используемая либо по недомыслию, либо по злему умыслу.

Причины, лежащие в основе разного восприятия одних и тех же формул, понятий, могут быть как чисто конъюнктурного, так и мировоззренческого порядка, то есть связанными с разными культурными установками, с разными культурными традициями⁷.

На примере использования одной из распространеннейших формул начала XIX века мы хотели показать, как политический спор, разные точки зрения, высказанные в политическом тексте, сосредоточиваются вокруг метафоры, как образ, несущий в себе определенную систему представлений, систему ценностей, становится точкой полемики.

Глава 3

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ

Но вернемся к Фаддею Булгарину. Что представляет собой образный уровень записок Булгарина, взятый в своей совокупности? Это случайный набор образов или в их многообразии можно попытаться увидеть какую-то систему и найти определенные закономерности? Чтобы ответить на этот вопрос, нам пришлось разобрать все образы, с помощью которых Булгарин высказывает свои мнения, спорит с оппонентами, аргументирует свои утверждения в записках 1826—1830 годов. Кроме того, чтобы понять, как образы Булгарина ориентированы в идеологическом поле того времени, мы привлекли к рассмотрению, частично или полностью, ряд документов других авторов (М.Я. Фока, М. Грибовского, С.С. Уварова, А.С. Пушкина).

Когда мы говорим "образ", "образная система", мы имеем в виду прежде всего проблему номинации, то есть как политический писатель, идеолог, в данном случае Булгарин, называет тот или иной социальный, политический феномен, те или иные общественные отношения.

Характерная особенность публицистического стиля Булгарина — широкое использование приема оживления стертой метафоры. Приведем один пример из записки о М. Погодине: "Юноша делается камратом и пойдет за общим стремлением. Течение увлечет его — надобно иметь вес, чтобы не быть снесены"¹. Оживляя фразеологизм "иметь вес" (иметь значение, пользоваться авторитетом), Булгарин создает на его основе целую сцену, где ключевая метафора развита в нескольких образах. Поэтому мы применяем название "образ" и к развернутому образному комплексу воспитания, и к фразеологизму "цель пути", который Булгарин оживляет и развивает в ряде новых образов.

Одной из основных задач нашего анализа было связать уровень образов и уровень идей; то есть проследить связь образных комплексов и отдельных образов с идеями и представлениями, зна-

ками которых, носителями которых являются исследуемые образы.

В ходе изучения мы пришли к выводу, что большая часть образов Булгарина поддается систематизации, и выделили следующие комплексы, которые и намерены разобрать:

органический: зародыш, брожение, рождение; зерно, семя, почва, корни, растение, рассадник, произрастание, укоренение, искоренение; зараза (болезнь), заражение;

орудийно-механический (комплекс управления): управление, орудие, направление, цель; рычаг, пружина, электрическая цепь, волшебная палочка, стена (как ограда, препятствие); корабль, паруса, пристань;

воспитательный: школа, ученики, наставник, неисправимые,..

стихии: грязь, пена, ветер, исток, комплекс огня-пожара (пламя, пепел, пожар, искра, тушить, воспламениться);

этический: соблазн, вред, добро, зло.

Рациональное, жестко механистическое объяснение общественных процессов, отношений власти и общества, политических действий правительства с помощью соответствующего набора образов, которые легко прослеживаются в текстах Булгарина, кажется естественным, если помнить о просветительских корнях его мировоззрения. Однако едва ли не таким же значимым в записках Булгарина выступает и комплекс природно-стихийных образов. Какова их роль? Это один из вопросов, который мы хотели бы прояснить в настоящем разборе.

ТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Основная тема записок Булгарина — это тема отношений власть—подданные. С помощью каких образов поясняет Булгарин задачи правительства в области управления? Выделим несколько комплексов: орудийный; воспитательный; природный.

Орудийно-механический комплекс несет в себе представления, связанные с закономерностями функционирования жестких, детерминированных систем: механических, электрических, астрономических. Многочисленные естественнонаучные открытия, сделанные в XVII—XVIII веках, и широкий интерес к ним ввели в общее употребление новые образы, понятия, мировоззренческие конструкции, использовавшиеся учеными и популяризаторами при описании новых опытов и открытий. Политические мысли-

тели стали пользоваться этими образами, понятиями в размышлениях об обществе, государстве и человеке. Использование образов, почерпнутых из описаний научных опытов, для объяснения общественного устройства и его функционирования стало особенно популярным благодаря французским философам-просветителям и бурно развивавшейся политической публицистике. К концу XVIII века из "механических" метафор сформировался устойчивый комплекс образов, который превратился в одну из общеевропейских парадигм видения и описания мира. (Частью этой парадигмы был и образ "влияния", разобранный выше.) И этот комплекс образов был одним из наиболее авторитетных.

Механическая метафора имеет свои априорно принимаемые посылки, свою логику. Так, механистическая модель общества априорно предполагает самодостаточность функционирования, неизменяемость законов, детерминированность прошлого и будущего системы. Успешное "управление" в рамках этой модели предполагает знание устройства и принципов работы общественного "механизма", а также возможность вмешательства в работу "механизма", управления им. Отметим чрезвычайно активную роль субъекта управления у Булгарина: "привязать", "пресекать", "по произволу", "овладеть", "покорить", "убедить" и т.д. (Характеризуя отношения власти и подданных, Булгарин отмечает, что возможно "истребить зло", "истребить зародыши многих бедствий", "истребить влияние... (злонамеренных) людей на общественное мнение" (Л, 25; ОМ, 580). Возможно осуществить "преобразование духа и образа мыслей" (Л, 26). Цензура должна "препятствовать распространению идей вредных" (ОМ, 584). Очень активно Булгарин использует глаголы: "пресекать" (личности (оскорбления), влияние, заразу (либеральные идеи), мышления, интриги...), "искоренять", "истреблять" и др. В отношении собственно людей — объектов управления: "публику можно... покорить, увлечь, привязать к трону"; "привязать их (литераторов)" (ОМ, 582), "привязывать к настоящему образу правления" (Л, 27).

Еще одна важная тема — это управление как "воспитание", трактовка проблемы "власть—подданные" с помощью образа воспитания. Комплекс метафор, связанный с образом воспитания, оказывается чрезвычайно важен для идеологических построений Булгарина. "Россия не столь просвещенна... по своему положению она более других государств имеет нужду в нравственном и

политическом воспитании взрослых людей и направлении их к цели, предназначенной правительством" (ОМ, 580)².

Нужда в нравственном и политическом воспитании обусловлена недостатком просвещения и "положением" государства. Сложность "положения" — в существовании в обществе напряжения, грозящего потрясением политических устоев. Другими словами, просвещение и нравственность способствуют лояльности, благонамеренности. "Воспитание взрослых людей", "переубеждение" их (ОМ, 580), "воспитание наново" (Р, 30) может стать инструментом политического воздействия. "Воспитание" — как юношей, так и "взрослых" — не просто происходит под надзором правительства, последнее преследует с помощью воспитания свои цели. Для того чтобы осуществить эти цели, необходимо "овладеть умами", "покорить ум", и сделать это Булгарин предполагает силою убеждения. "Ныне наступил век убеждения", то есть век не **веры**, а **взглядов**. Истина о необходимости для России "настоящего образа правления", не подвергается сомнению, но это истина не **сакрального**, а **рационального** порядка. В качестве профилактического средства от нелояльности для наиболее просвещенной части общества, "литераторов и ученых" Булгарин предлагает "дать деятельность их уму" (ОМ, 583).

В любом описании общественных отношений, социальных, политических процессов можно выделить то начало, которое санкционирует всякую активность. Идеолог того или иного типа социальных, политических действий и отношений мог принимать в качестве априорных посылок существование Высшей воли, или духа времени, или примата разума и т.д. Так, Булгарин в своих рассуждениях апеллировал к разуму, к неким идеальным феноменам (общего блага, духа времени). То есть эти феномены, становясь априорными посылками в его рассуждениях, санкционировали социальную и политическую активность. Например, какое-то предложение оправдывалось тем, что в каждом обществе, государстве есть свои внутренние особенности (климат, рельеф, разная степень населенности и т.д.), или тем, что необходимо стремиться к "общему благу", или что "правительство имеет возможность все видеть", тем, что есть "великая наука управлять людьми", состоящая "в одной аксиоме... управлять по духу времени", что этого требует "дух времени", что "наступил век убеждения"

Представления об обществе как о механизме, законы действия которого познаваемы (что позволяет не только понять устройст-

во, но и управлять механизмом), не требовали необходимого присутствия Высшей воли. Вакансия же механика — "субъекта действия" — оставалась. В разных дискурсах, текстах ее могли занимать "законодатель", "правительство" или "государь император" Санкцию на свои действия главный механик, часовщик получал в соответствии с тем или иным пониманием "законов" функционирования "машины" Утратив признаки сакральности (по своему происхождению внеположенные человеческому разуму, чувствам, равно обязательные и общепризнаваемые всеми членами общества), санкция на действия перешла в ведение разума и чувств.

С необходимостью должны были появиться "способные люди", знающие законы, по которым, например, существует "общее мнение", и умеющие управлять им. (А управляя "общим мнением", правительство управляет обществом, пояснял Булгарин.) Эти люди способны проводить политику в соответствии с государственными интересами во всех областях общественной жизни: от цензуры до воспитания, быть квалифицированными советниками. Как развитие этой темы отметим, что здесь Булгарин затрагивает традиционную для российской государственности проблему: недостаток честных и грамотных чиновников. В первой главе мы разбирали решение, которое предлагает Булгарин. Если правительство допустит "некоторую гласность", "тогда способности выплывут наверх" (ОМ, 581)* "Для блага России нужны три вещи: Правосудие, Торговля и, как следствие века нынешнего, Просвещение, которое должно преобразовать воспитание и, изгоняя яacobинство с земли русской, дать позволенный простор уму... Тогда найдутся и способные люди, которые поймут Государя и будут помогать Ему"³.

В последнем отрывке тема развивается: нужен не просто усердный, честный чиновник, безразличный к проводимой государем политике, орудие в руках субъекта действия, но "помощник" правительства.

Кого воспитывать: "помощника" или послушного чиновника? — эту тему развивает и Пушкин в записке о народном воспитании: "Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию соединиться с правительст-

* См. Прим. 12 к гл. 1.

вом в великом подвиге улучшения государственных постановлений..." [74. Т. VII. С. 48]. То есть и у Пушкина речь идет о помощнике, а не о слуге. Отметим также мотив службы не царю, а Отечеству. Совпадение мнений о цели воспитания у Пушкина и Булгарина тем более любопытно, что, во-первых, в понимании ими задач воспитания можно увидеть как существенную близость, так и значительную разницу, а, во-вторых, Пушкину, по его словам, за его записку император и Бенкендорф "вымыли голову"

Тема необходимости, вернее, отсутствия, "людей" (т.е. способных, честных чиновников) возникала в русском политическом дискурсе неоднократно. Из наиболее известных и хронологически близких к описываемому времени назовем *"Записку о древней и новой России"* Н.М. Карамзина: "Одним словом, теперь всего нужнее люди! ...Дела пойдут, как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти..." Имеется в виду губернаторская должность. Отметим, что и Карамзин оценивает людей "по способностям" прежде всего. Но как их найти? Карамзин может предложить только одно: "ИСКАТЬ ЛЮДЕЙ!" "Кто имеет доверенность Государя, да замечает их вдали для самых важных мест" [43. С. 98—99]. То есть мы видим известный механизм протектирования: приближенные к власти ("имеющие доверенность Государя") продвигают своих представителей. Обратная связь (то есть насколько выбор будет оправдан) обеспечивается только предполагаемыми высокими моральными качествами и умственными способностями, как государя, так и его приближенных. Механизм же, предлагаемый Булгариным (гласность), имеет обратную связь совершенно иной природы: функциональную.

ОППОЗИЦИЯ: "МЕХАНИЗМ"—"ДУХ ВРЕМЕНИ"

В начале XIX века идее общества как действующего механизма оппонировала идея развития, оформившаяся в образы "дух времени", "прогресс" и др.⁴ Эти образы несли в себе идею не просто постоянного развития и изменений, но изменения общества под влиянием причин внеположенных самому обществу. (Механическая метафора может допустить "порчу" или "усовершенствование", "перестройку" механизма, но ее логика несовместима с идеей постоянного развития, эволюционирования.)

В текстах Булгарина идея развития, изменений встречается постоянно: воспитателям необходимо "действовать сообразно с

духом времени" (Л, 25). Поскольку "правительство не заботилось, а... частные люди заботились о делании либералов, то дух времени превозмог и либерализм укоренился в Лицее" (Л, 24).

"Дух времени" — это некий феномен, который является внешним по отношению к обществу, к действующим в нем интересам, силам. "Великая наука управлять людьми состоит в одной аксиоме... — управлять по духу времени"⁵. "Дух времени" не сводится даже к внешнему идейному влиянию, те или иные идеи — лишь передаточный механизм. Аналогичную "духу времени" природу предполагает априорно принимаемая Булгариным идея необходимости постоянного "усовершенствования" (в деятельности министерств), "продвижения вперед": в науке (Л, 24), в общественном развитии ("мир идет вперед (le monde marche)"⁶, "правительству также надобно продвигаться вперед" (Л, 25).

Эту же образную систему использует в своих рассуждениях о политике фон Фок. Сравним также у Пушкина (1831): "Stabilité — première condition du bonheur publique. Comment s'accommode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie?" (Устойчивость (стабильность) — первое условие народного благополучия. Как она согласуется с непрерывным совершенствованием? [74. Т. VII. С. 530].)

Здесь возникает проблема соответствия политической, общественной реальности требованиям "духа времени". Из рассуждений Булгарина очевидным образом вытекает несоответствие российской политической реальности этим требованиям ("дух времени превозмог", "министры пренебрегали усовершенствованиями", в "век убеждения" педагоги и власть практикуют насилие и т.д.). Из его рассуждений можно заключить, что несоответствие это происходит как от сознательных действий чиновников "замешавших... дела, чтобы... в мутной воде ловить рыбу", так и от непонимания "духа времени": "принявшись поправлять, испортили дело"

Булгарин предлагает свое решение этой проблемы: изменениями, усовершенствованиями должно руководить само правительство, *знающее истинные цели*. Он использует образы "пути", "истинного пути" и "цели", корабля в волнующемся море и "пристаней", пастуха и "стада", садовника и "растения"⁷

Кроме внеположенного обществу "духа времени" и субъективных причин — действий чиновников, правительства, — из текстов Булгарина можно выделить еще один класс причин, определяющих состояние общества, так сказать, объективных: "Я растолковал бы юношам, что географическое пространство России,

смешение различных народов, малонаселение, степень просвещения — требуют настоящего образа правления" (Л, 25); Булгарин говорит об "образе правления, свойственном для России" (АИ, 301). "Чтобы управлять общим мнением, надобно знать его стихии или элементы"(ОМ, 580). Это идея **внутренних условий**, определяющих то или иное состояние общества, государственного устройства, общественного мнения.

Здесь очевидна априорно принимаемая мысль об обусловленности политических режимов определенными свойствами как самой страны (ее месторасположением, климатом), так и народов, ее населяющих (количество, плотность населения). Эту идею, как известно, развивал Монтескье в своем трактате "О духе законов" Она оппонирует идее "духа времени", действующего независимо от тех или иных условий конкретной страны и санкционирующего государственно-политические изменения. (Идея обусловленности образа правления также оппонирует идее сакральности государственно-политического устройства, санкционирующей его незыблемость и не требующей, **не нуждающейся в каких-либо дополнительных "санкциях"**: духом времени или свойствами страны и ее народа.)

"Стихии и элементы" (общего мнения) по своей природе не могут быть отнесены к "механическому" комплексу: это не "элементы" "машины". Они скорее соотносятся с "началами" Уварова в его толковании триады "Самодержавие. Православие. Народность" и являются частью романтической парадигмы. Здесь это представление об обществе, политическом, национальном феномене, как о веществе, организме, свойства которого обусловлены составляющими его элементами. В соответствии с этим химико-физическим подходом понять явление — это выявить составляющие его элементы. Хронологически становление "химической" метафоры относится к концу XVIII—началу XIX века, а ее распространение в России — к 1830—1840-м годам. (Подробнее об "элементах", "началах" см. в разборе "органико-стихийного" комплекса.)

Итак, мы видим, что в рассуждениях Булгарина о политических проблемах общества сталкиваются по крайней мере две мировоззренческие парадигмы: механистическая и парадигма, которую мы предварительно назовем романтической, представленная стихийной и химико-физической метафорами.

Перейдем теперь к разбору образов и комплексов образов.

ОБРАЗЫ ИЗ КОМПЛЕКСА УПРАВЛЕНИЯ

"Министр, держа в руке последнее звено электрической цепи, мог по произволу сообщать движение всей массе и, обнимая орлиным взглядом целое, наблюдать за ходом машины" (Л, 22).

"Составив общее мнение, весьма легко управлять им, как собственным делом, которого мы знаем все тайные пружины" (ОМ, 581).

"Магический жезл, которым можно управлять по произволу нижним состоянием, есть Матушка Россия. Искусный писатель, представляя сей священный предмет в тысяче разнообразных видов, как в калейдоскопе, легко покорит умы нижнего состояния, которое у нас рассуждает более, нежели думает" (ОМ, 582). (Сравним слова фон Фока: "Жезл — символ правосудия — не должен быть оставлен в бездействии, он должен цвести, как жезл Моисея" — РС, 1881, XI, 554.) Имеется в виду пророк Моисей, творивший с помощью своего жезла чудеса. Также у Фока: "мановением руки", "Волшебный жезл" (РС, 1881, X, 328).

Вспомним образ "корабля" из записки Булгарина о цензуре. У фон Фока: "кормило правления" (РС, 1881, XI, 542).

Из первого приведенного отрывка возникает образ министра в роли некоего верховного наблюдателя (орлиный взгляд — острый и с высоты), хозяина дела и главного механика, наблюдающего за ходом "машины". Министерство, и шире — общество, — это машина, приводимая в движение "по произволу" Образ "массы" раскрывается через "электрическую цепь"

Здесь надо пояснить, что опыты с электричеством были начиная с середины XVIII века очень популярным видом зрелищ как в аристократических салонах европейских столиц, так и на ярмарочных площадях. Сообщения о новых опытах и их описания помещали газеты, о них издавались популярные брошюры, имена ученых, проводивших опыты с электричеством, от Бенджамина Франклина, предложившего модель громоотвода, до Луиджи Гальвани, были у образованной части общества на слуху. Здесь Булгарин, возможно, ссылается на популярный опыт по "содроганию", наиболее известный из описания опыта Жана Нолле (1745 год), когда цепь монахов картезианского монастыря "содрогнулась" после соприкосновения последнего в этой цепи с электрическим разрядником. "Его опыты, — пишет историк науки Марио Льюцци, — были настоящими представлениями для парижского света" [53. С. 173].

Еще один знаменитый опыт был поставлен Луиджи Гальвани в конце XVIII века: под воздействием электрического заряда мышцы и нервы препарированной лягушки начинали сокращаться. Тогда же возникло понятие цепи (гальваническая цепь, электрическая цепь), использованное Булгариным в качестве метафоры. Логика метафоры позволяет сказать, что "масса" (в этой метафоре — инертное тело: цепь людей, мертвая лягушка) — это некий феномен, лишенный инициативы и полностью зависящий в своих движениях от внешнего раздражителя, от держащего в своих руках "последнее звено электрической цепи"

Мы видим, как данный образ задает понимание отношений крупного чиновника и подчиненных, чиновника и общества. В системе этого образа управляет "машиной" сам чиновник. Никакой высшей (сакральной) санкции на это не требуется. Он управляет "по произволу" Такое понимание роли чиновника, хотя и крупного, стало возможным только благодаря тому, что роль механика той машины, которой уподобляли общество, перешла от Высшего начала к субъектам власти.

Во втором отрывке для разъяснения природы общественного мнения использован образ дела. У дела есть хозяин, знающий механизм своего дела, его "пружины", законы, по которым механизм действует, и легко им управляющий. Механистическая природа общественного мнения подчеркивается тем, что его можно "составить", то есть сознательными действиями образовать некое целое, а также тем, что составленным общественным мнением управлять "легко". Легкость в управлении достигается знанием, знанием дела, знанием "пружин" механизма и законов механики. Легкость в управлении, воспитании, направлении — это общее место булгаринских записок. "С этим классом гораздо легче сладить в России, нежели многие думают. Главное дело... дать деятельность их уму и обращать внимание... на предметы, избранные самим правительством..." (ОМ, 583).

Приведем два отрывка из Дидро — философа, сделавшего очень много для распространения и популяризации научных и философских взглядов на мир во второй половине XVIII века и в значительной степени способствовавшего становлению просветительской мировоззренческой парадигмы. "Недальновидный законодатель расслабляет пружины управления и разрушает его основы..." [34. С. 363]. "В обществе мы все являемся тем, чем часть... по отношению к организованному целому. ...Без взаимно-

действия деталей в часах, а в обществе — его членов результат... не будет достигнут... Тогда общество похоже на сломанные часы" [35. С. 110]. Отметим, что в первом отрывке в роли механика, часовщика выступает "законодатель" Во втором примере мы видим типичную схему построения рассуждения с опорой на метафору, где она, в частности, служит аргументом в доказательстве (политическом споре). Можно утверждать, что для автора, который ссылается на этот образ как на доказательство, он (образ) является авторитетным, а "механизм государства" — точным описанием реального феномена.

Примерно такое же отношение к образу государственного механизма мы видим и у Булгарина. "Легко", с помощью "магического жезла", можно управлять и нижним состоянием. Магический жезл — заимствование из фр. *baguette magique*. В начале XIX века именно так называли тот предмет, который впоследствии получил название волшебной палочки⁸. Магический жезл в данном случае — это символ, эмблема управления.

Если в отношении молодежи, просвещенной "публики" Булгарин предлагал действовать "убеждением", "направлением умов", доказательствами, то при воздействии на крестьян он считает возможным (используя "священный предмет" — особо ценный образ) "покорить ум"! Речь идет о читателях, то есть о наиболее просвещенном слое в крестьянской среде, в целом непросвещенной, но и этот слой все же "рассуждает более, нежели думает"

Однако "управлять" и теми, и другими "по произволу" — можно и природа управления — одинакова. (Надо отметить, что у слова "произвол" значение "своеволие, деспотизм" становится основным лишь к середине XIX века. Словарь 1847 года дает значение: "Добрая воля, свободное, непринужденное хотение" [86. С. 328].) То есть можно по своему желанию "переделать" нравственность и "переменить" образ мыслей. И здесь "магический жезл" и разряд электричества, потрясающий "электрическую цепь" — образы, так сказать, синонимические, символизирующие возможность и легкость управления.

Казалось бы, все ясно! Все, что касается "управления", определяется механистической метафорой. Но это не совсем так. При всей своей простоте рассуждения Булгарина о власти и обществе не укладываются в механистическую метафору, хотя бы и достаточно изощренную. В отношении просвещенной части общества больше нельзя действовать исключительно "полицейскими сред-

ствами", как действовали еще "лет 30 тому назад и даже 15". "Наступил век убеждения" Даже "огромную и непросвещенную массу народа трудно... удержать **одною силою** в пределах долга" (ВЛ, 105).

ОБРАЗ ОРУДИЯ

"Они употребляли его как орудие для выведывания"* (АИ, 302).

"И как высшей полиции должно знать общее мнение и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно иметь в руках своих служащие к сему орудия" (ОМ, 589).

"Общее мнение уничтожить невозможно... лучше напутствовать его и управлять оным посредством книгопечатания" (ОМ, 579).

Приведем два примера из доноса М. Грибовского 1821 года: "Члены (тайного общества. — А.А.) ...долженствовавшие только служить орудиями..."; "Войска... могли бы послужить орудием для других" (членов тайного общества. — А.А.) (МГ, 208, 214).

Логика этого образа задает существование субъекта и объекта применения орудия, а также цель, для достижения которой орудие применяют. Предполагается, что **возможно** воздействие и изменение окружающей действительности, общества в соответствии с целью, поставленной субъектом действия. **Возможно** достижение поставленной цели.

ОБРАЗ ПУТИ И ЦЕЛИ

Субъект действия, о котором шла речь выше, управляет "кораблем" и выводит "корабль... к пристани", "направляет" "людей... к цели, предназначенной правительством" (ОМ, 580); "направляет" "юные умы, сбившиеся с истинного пути" (Л, 25).

"Новый цензурный устав (не) ...приблизит правительство к цели (произвести "преобразования", "образовать общее мнение и управлять оным"), а удалит от оной" (ОМ, 590).

Сравним в редакционной статье "*Духа журналов*" (1819): "Путь благочестия", "цель" — "владычество законов"⁹.

* Речь идет о декабристе А.О. Корниловиче (1800—1834). В результате записки Булгарина Корниловича вытребовали в Петербург для выяснения обстоятельств его общения с австрийским посланником. С 1828 по 1832 год Корнилович провел в Петропавловской крепости.

"Общее мнение уничтожить невозможно... лучше **напутствовать** его и управлять оным посредством книгопечатания" (ОМ, 579).

"Указание волею Монарха пути, по которому должно следовать"

Образы пути и цели в рассуждениях Булгарина как бы взаимодополнительны. Они используются для описания государственной политики в отношении и "учащихся", и "взрослых людей" Всех их нужно направлять по "пути" к "цели" В комплекс образов, связанный с этой метафорой, входит "истинный путь" То есть предполагается, что остальные пути, по которым "юношество", "литераторы" могут пойти — это "заблуждение" в значении "блуждать" Истинность избираемого под влиянием благонамеренных воспитателей, "истинно-просвещенных людей" пути подтверждается и тем, что, будучи согнанным с "поприща литературного действия", юношество обращается "к порицанию... политическим мечтам и — гибели" (Л, 27). "Погибель" вводит в этот комплекс образов сакральный элемент. "Самонадеянность и гордость... увлекает юношей на все пути, где они видят для себя возвышение...", но истинно "великие виды" перед ними открываются "на поприще Монархическом" (Л, 29, 26).

Соответственно должна быть и истинная цель в конце "истинного пути" И она есть, и у России (политическая), и у юношества (карьера). "Юношество, не попавшее на истинный путь... воспитывать наново, давать им мнение, заставляя думать как угодно, вести к известной цели всеми средствами..." (Р, 30).

В политическом смысле "цель" — это восстановление того положения, в котором была Россия "в среднее время Царствования Императрицы Екатерины II, — славная, сильная, с просвещением, без идей революционных" Цель программы педагогической — воспитание лояльных чиновников: "честолюбию и славолобию будут открыты поприща; стоит ввести юношество на путь, — оно пойдет по нем с радостью и увлечет за собою все дворянство" (Л, 27).

Содействовать достижению этих целей возможно только действиями "законодательной власти", мерами "политическими", то есть реформами (ОМ, 590).

Кто же санкционирует истинность пути и цели? Эту роль Булгарин отводит правительству. Посредниками, "орудиями" выступают воспитатели, литераторы, облеченные доверием правительства. Они указывают юношеству на этот истинный путь, направ-

ляют по нему, поощряют идти. "Стоит (воспитателям. — А.А.) ввести юношество на путь, — оно пойдет по нем с радостью и увлечет за собою все дворянство" (Л, 27). "Правительство не заботилось о том, чтобы каждому обществу дать свое направление, свою цель" (Л, 29).

Привнесение в сферу выбора жизненного "пути" абсолютных ценностей (единственной истины), связь этой абсолютной, единственной истины с государственной службой, отказ видеть в разности выбираемых путей что-либо кроме "самонадеянности" и "гордости" — все это говорит о том, что нельзя преувеличивать разницу между установками Булгарина и, скажем, такого его оппонента, как Шишков. Политически Булгарин лоялен прежде всего. Эта демонстративная лояльность отражается и на идеологическом уровне, то есть как раз там, где мы отмечаем разницу между двумя идеологами.

Однако в образной системе Булгарина встречаются и другие образы "пути" — это путь самого правительства, государства, путь всего мира. "Господа, что ни говорите, **а мир идет вперед** (le monde marche). Великая наука управлять людьми состоит в одной аксиоме, а именно управлять по духу времени. И если дух времени обнаруживается общим мнением, то **следуя по этому направлению, достигают славы и величия**"¹⁰.

Сравним с мнением анонима, который в 1819 году писал: "Итак любимое правило новейших политических преобразователей il faut marcher avec son siècle — надобно идти наряду со своим веком"¹¹.

Мы видим здесь, что мир куда-то идет, путь его устремлен вперед, и уже сама эта устремленность вперед воспринимается автором положительно. Общее направление, общий вектор устремленности у мира и у российского общества не вызывает у автора сомнений. "Дух времени" определяет и направление этого движения общества, и действия правительства ("управление"). Последние должны соответствовать "духу времени", то есть "духу времени" — это данность, не зависящая от воли правительства. Другое дело, что правительству оставлена возможность выбирать, и, сделав правильный выбор, выбрав правильное "направление", правительство "достигнет Славы и величия". Но само существование истинного "направления", "духа времени", "аксиом" "науки управления" от правительства не зависит.

Мы видим, что образы "цели", "пути" входят, как составная часть, в систему образов:

управление — направление — путь — цель — орудие.

Итак. Предполагается возможным "управлять" обществом в целом и различными его слоями. Управление важно не само по себе, а как возможность "направить" деятельность "взрослых людей" и "юношества" по должному, единственно истинному пути к известной правительству истинной цели. Для подобного управления правительству нужны соответствующие "орудия". Выбор орудия определяется несколькими взаимозависимыми условиями, внешними всей системе управления обстоятельствами. Это "дух времени", "век убеждения" и понимание природы управляемого объекта: для неисправимых — "полицейские средства", для остальных — "нравственное влияние". В качестве орудий выступают также: "воспитание" как "взрослых людей", так и "юношества"; воздействие на общественное мнение. На более просвещенных воздействуют с помощью "некоторой гласности", на крестьян — с помощью авторитетного образа "Матушки России", присяги и других средств. Булгарин предлагает и механизм влияния на общественное мнение: специальную цензурную политику.

Сам термин "воспитание" у Булгарина имеет широкое значение. Прежде всего это средство нравственного воздействия в противоположность силовому. Нравственное воздействие — это и воздействие на умы, убеждение, доказательство своей правоты, и принятие крестьянами присяги, которая, по мнению Булгарина, должна связать крестьян с тронем "нравственной нитью". Все это формирует "нравственность народа (*le moral*)" (ОМ, 590).

Особенность века и дух времени выражаются в том, что в политике государства роль нравственного воздействия должна стать преобладающей по сравнению с ролью средств чисто репрессивных, а также в, так сказать, **секуляризации политического мышления**. Управление перестало осознаваться как подчинение Высшей воле, оно свелось к знанию "великой науки управления" и ее "аксиом", состоящих в том, что нравственные моменты в управлении начали рассматриваться как необходимость всякого управления, действующего в духе времени. Нравственный момент в управлении обусловлен самой природой объекта воздействия. А это сознание, ум, нравственное чувство.

ТЕМА ЛИЧНОГО И ОБЩЕГО, ЧАСТНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО

Приведем несколько цитат из выступлений С.С. Уварова в начале 1830-х годов: "Дух и расположение умов молодых людей ожидают... обдуманного направления"; "Постепенно завладевши

умами юношества, привести к... образованию правильному... с глубоким убеждением и... верой в истинно русские охранительные начала Православие. Самодержавие. Народность" [6. Т. IV. С. 82—83]. Юная Россия, как и юные ученики, "носит в сердце... два священные залога своего благоденствия (Веру и Народность), с коими неразрывно соединен третий — Самодержавие"¹².

Отметим близость трактовок Булгарина и Уварова: установка на возможность и необходимость "обдуманного направления" умов, на то, что куда-то "вести" можно только "завладевши умом" Но выделим важный момент, о котором еще придется говорить: для Уварова характеристикой "образования правильного" служит "вера в истинно русские охранительные начала", а для Булгарина — лояльность правительству. Здесь ни в коем случае не осознанное идеологическое расхождение, поскольку и для Уварова одна из основных целей воспитания — лояльность (см., например, статью Уварова в ЖМНП, № 1 за 1834 год). Но очень важным представляется, что для Булгарина гарантом лояльности является разум учащихся, на него в основном он полагается, уверенный в возможности убедить, а для Уварова — это "вера в истинные начала" Булгарин, рассуждая об учащихся, то есть о просвещенных людях, неизменно обращается к уму, Уваров же — не столько к здравому смыслу, сколько к "сердцу" и чувству. Булгарин вполне прагматическими видами на успешную карьеру надеется "согреть умы" учащихся, а по Уварову, "вера в истинно русские охранительные начала" греет "сердце".

Очень важно, что и для Булгарина, и для Уварова "нравственное воспитание" не является проблемой личной, это проблема не только, так сказать, педагогики, но и полиции. Нравственность учащихся, как и "нравственное воспитание" "взрослых людей", проблема не личной морали, а государственных интересов. И проблема "чести" толкуется Булгариным как проблема честности перед правительством, а не личной чести. "Кого употреблять для этого дела ("наблюдать за духом полков"). Отвечаю решительно: людей умных, совестливых, испытанной честности, привязанных к особе Государя, которые бы умом были выше предрассудков и не полагали делом постыдным действовать благородно, честно, добросовестно для личной безопасности своего Государя и блага Отечества" (Р, 30).

Но кто же руководствовался в своих действиях "предрассудками", кто полагал "постыдным" "наблюдать за духом полков" даже для "блага Отечества"? Чего старается добиться Булгарин

уничжительными характеристиками "постыдный", "предрассудки"? Ответ очевиден: он старается дискредитировать мнение тех людей, которые на действия, связанные с тайным политическим и полицейским надзором, смотрели, как на подлые, для кого эти действия назывались доносами, кто "наблюдавших за духом полков" считал шпионами. Булгарин пытается дискредитировать поведение, задаваемое *дворянским кодексом чести*.

Из каких идейных посылок, ценностей исходит Булгарин? Обратим внимание на противопоставление **ума** и **предрассудков**. Тема "разум—предрассудок" в вопросах морали — это тема просветительской философии, в рамках которой нравственные нормы должны основываться на разуме, поверяться разумом. Такое отношение к моральным нормам противопоставлялось пониманию морали как необходимости безусловного, необсуждаемого следования установленным нормам, традициям, свойственного сакрализованному мировоззрению. Безусловное подчинение, без всяких проверок разумом, предполагали и нормы дворянской чести, и героическая мораль классической трагедии. В рассуждениях Булгарина подобное понимание морали есть "предрассудок", в буквальном смысле: то, что перед (пред-) разумом.

Ум, как мы уже отмечали, — одна из основных категорий в рациональной парадигме Булгарина. В воспитании, управлении и, как мы теперь видим, в вопросах морали он апеллирует к уму, к рациональности. Честь, которую дворянину следовало "беречь смолоду", оказывается "предрассудком", а поступки, осуждаемые дворянским кодексом чести как "постыдные", называются Булгариным благородными, честными, добросовестными.

Набор качеств, которыми должны обладать наблюдатели, чрезвычайно важен. Эти люди должны быть **умны** прежде всего, **совестливы**, испытанной **честности**. **Честность** здесь становится оппозицией **чести**.

В середине XVIII века, как и сейчас, эти слова представлялись почти синонимами. Два века назад они в сознании носителей языка еще твердо связывались с однокоренными "читать", "почитать" и соответственно с "благородным происхождением". Против такого словоупотребления восставал, например, А.П. Сумароков. В 1759 году он писал: "Честь наша не в титулах состоит", "справедливо ли говорится... вместо "человек знатного рода" — честный человек? Из сего следует, что все крестьяне бесчестные люди, а это неправда..." То есть и крестьяне **могут** быть "чест-

ными" В словоупотреблении начала XIX века значения этих слов под влиянием таких идеологов, как Сумароков, Новиков и других, начали постепенно расходиться. Для Пушкина "честность" и "честь" — уже разные понятия. Вспомним строки из *"Второго послания цензору"*: "Министра **честного** наш добрый царь избрал // Шишков наук уже правленью восприял // Сей старец дорог нам: друг **чести**, друг народа // Он славен славою двенадцатого года" [74. Т. II. С. 220]. "Отселе... совершенное отсутствие **чести** и **честности** в высшем классе народа" [74. Т. VIII. С. 129].

Честный — это, попросту говоря, не взяточник, не казнокрад, это добросовестное выполнение своих обязанностей. Честным может и должен быть каждый член общества, это ответственность личности перед собой и перед обществом. Честь же, как императив поведения обязательна только для определенного сословия. Это ответственность **члена сословия** перед собой и перед сословием. Человек **чести** никогда не станет шпионить, даже по долгу службы. Для "наблюдения" же нужны "честные". То есть добросовестные, не берущие взятку **исполнители любых приказов начальства**. Совестьливость, как и честность, есть характеристика **личной морали**, а честь — **личной и сословной**.

У Булгарина "честность" оказывается связанной с "привязанностью к особе Государя", желанием действовать для **личной безопасности Государя**. Это личная преданность конкретному человеку. В булгаринской трактовке преданность становится точкой отсчета, высшей этической нормой. Отметим, что у Булгарина есть и "благо Отечества", но поставлено это выражение на втором месте и по значимости уступает "личной безопасности Государя"

Для обоснования своего взгляда на тайную полицию Булгарин пытается дискредитировать еще авторитетные нормы **сословной (поскольку речь идет о надзоре за офицерством, за гвардией) морали**. Нормам **сословной морали, дворянского кодекса чести — личной чести как ответственности перед сословием — противопоставлена внесословная личная честность как ответственность перед властью, государем**.

Ничего нового в этическом плане Булгарин не предлагает: он лишь последователен в утверждении рационалистической морали просвещения, в ее противопоставлении героической морали классицизма. Старая, но тогда еще актуальная в России дилемма классической трагедии: личная честь — личное благо; личная

честь — благо Отечества — решается в пользу "безопасности... Государя" Коллизия в классической трагедии создавалась тем, что личная честь ценилась столь же, сколь и личное (общественное) благо, а за героем оставалось право и необходимость выбора между двумя этими высшими ценностями. Булгарин же снимает дилемму тем, что предлагает однозначный ценностный критерий: **личная этика подчинена требованию "безопасности Государя"** — и утверждает тем самым новую высшую и безусловную нравственную норму, новую, высшую ценность.

Только отказавшись от норм дворянской сословной морали в пользу морали личной, утилитарной и приняв как высшую ценность благо государя и Отечества, можно было эффективно строить политику управления с помощью тайной полиции.

В рассуждениях Булгарина государство как бы приватизирует проблемы морали, которые ранее входили в компетенцию церкви, писаных и неписаных моральных кодексов различных социальных групп. Все это, как представляется, есть следствие не столько того, что Булгарин — это корыстный идеолог сильной власти, сколько того, что он смотрит на мир в духе определенной парадигмы представлений, которая сложилась в середине XVIII века.

Идеолог, предлагая на роль механика общественной машины "правительство", государя, с необходимостью должен был передать им и все функции и признаки, принадлежавшие ранее Высшей воле, в том числе и надзор за моралью. Сословная честь (своего рода анахронизм, такой же, как и сословные привилегии) должна смениться "нравственной обязанностью", честностью перед собой и правительством, одинаковыми для всех сословий: "В новый год можно было бы присягнуть целому народу на верность своему законному Государю, перед лицом коего равны и вельможа, и крестьянин" (ВЛ, 107).

Убеждая "умы, сбившиеся с истинного пути" (проникнутые конституционными идеями), Булгарин "поставил бы в пример падение конституционной Польши и возвышение самодержавной России, словом, согрел бы юные умы... великими видами на поприще Монархическом" (Л, 25—26). Он апеллирует к личным интересам: отказавшись от идей Конституции, вы окажетесь вместе с победителем в историческом споре, сможете сделать успешную карьеру.

Можно возразить, что Булгарин в этом примере развивает свои мысли в применении к вилениским гимназистам-полякам. Естест-

венно, он не может предлагать им служить Отечеству. Какое Отечество у польской молодежи: Россия? Польша? Однако доводы Булгарина предполагают **определенные этические установки, и при других установках они просто перестают работать.** Моральным нормам дворянского кодекса чести (служение Отечеству и личная честь) оппонируют (в прямом смысле происходит сознательный отказ от них: должно "умом быть выше предрассудков и не полагать делом постыдным действовать благородно, честно, добросовестно для личной безопасности...") нормы в духе прагматической морали. Отметим лексику: ум, предрассудок; на первый план выступает личная польза члена общества и благо государя. Таким образом, дело не в том, к кому обращается Булгарин, а в том, что сословной морали противопоставляется утилитарно-прагматическое понимание морали. Причем это не этический утилитаризм в духе английского философа Бентама (1748—1832). Последний считал, что интересы общества, государства формируются как совокупность интересов отдельных личностей. У Булгарина же наоборот: интересы и моральные нормы отдельной личности полностью определяются интересами государства. (Великим провозвестником подобного "этического позитивизма" (выражение Карла Поппера) был Гегель с его доктриной: государство — это и есть "нравственный закон", "все действительное разумно", "право (и благо) на стороне силы", на стороне государства.)

М.Я. фон Фок в своих "*Aphorismes*" развивает эту же тему: "В политике есть два способа извлечь выгоду из своего таланта: одни ищут, чтобы их купили, другие (предпочитают) служить лояльно общественному делу; может быть, если все взвесить, последнее наиболее верно?"¹³

Конфликты самого общего порядка: общее—личное, благополучие—честь, воспринятые из традиции европейского классицизма, в рамках этой традиции были неразрешимы. Чем-то приходилось жертвовать. В последнем примере видим, как идет поиск возможного компромисса. Перенесенный в плоскость **выгоды**, конфликт находит свое разрешение. **Можно** "извлечь выгоду" личную, служа общественному делу!

Альтернативы, рассматриваемые Фоком, понятны, их ценностные установки очевидны. Предложенный им выбор близок рассуждениям Булгарина. Но были ли актуальны другие альтернативы? Если Булгарин считает нужным их дискредитировать, значит

были, и достаточно актуальные. Вспомним хотя бы известную речь упоминаемого Булгариным лицейского педагога А.П. Куницына, произнесенную им при открытии Лицея и одобренную Александром I. Основной мотивацией к учебе для молодых лицеистов Куницын провозглашал "служение Отечеству", честолюбие. "Любовь к славе и Отечеству должны быть вашими руководителями!" [79. С. 11]. Личные же выгоды трактовались Куницыным, как слава слыть добродетельным человеком и возможность остаться в памяти потомков, но не как перспективы карьеры и материального достатка.

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ И ПРАВО НА ВЫСКАЗЫВАНИЕ И КРИТИКУ

Проблему "частное — государственное", которая вырастает из рассуждений Булгарина, не надо смешивать с проблемой "частное (приватное, личное) — общее (общественное)". В качестве примера развития темы "частное — общее" может служить проблема "общего мнения", подробно разбираемая Булгариным. Он, считая общее мнение реальностью, определял его как "большинство голосов или суждений" (ОМ, 579). Но он совсем не считает необходимым существование личного мнения у большинства людей. Оно им внушается с помощью газет, мнения людей авторитетных. (Булгарин как бы предлагал использовать феномен, отмеченный еще Руссо и Дж.Ст. Миллем: исчезновение личного мнения, приватного начала при господстве общественного мнения.)

Существует связь, утверждает Булгарин, между наличием "гласности" и возможностью составить общее мнение. "Некоторая гласность" "покорит, увлечет, привлечет к трону" публику. "Гласность же, вдохновенная самим правительством", поможет "составить общее мнение" (ОМ, 581). Высказывать свое мнение журналист может тем свободнее, чем дальше предмет обсуждения от политики: "умеренная гласность в делах, свобода в тиснении, кроме политики и Веры"¹⁴. Область гласности: от возможности высказаться о действиях властей до "**права**" на театральную критику.

"Право" как феномен политической культуры Нового времени составляет оппозицию "привилегии" — феномену предшествующей эпохи — l'ancien régime ("старого режима"). С.С. Уваров, министр просвещения, в 1834 году утверждал: "В правах русского гражданина **нет права** обращаться письменно к публике. Это

привилегия, которую правительство может дать и отнять, когда хочет" [61. Т. I. С. 141].

За априорной посылкой Булгарина о самой возможности существования безусловного "права" журналиста на обсуждение какой-то общественно значимой темы мы видим явление чрезвычайной важности. Происходило постепенное осознание обществом, его отдельными слоями, отдельными членами существовавшей возможности (привилегии) производить то или иное общественное действие (например, обсуждать "дела", или положение крестьян, или театральную постановку) как своего права на такое действие. Часть общества начинала осознавать репрессивные действия правительственных чиновников в отношении литераторов как нарушение своего "права": "жмут первое их (тех, кто составляет общее мнение. — А.А.) право: *мысль*" (ВЛ, 108).

Возможность обсуждать (привилегия) — это то, с потерей чего можно примириться. Потеря права вызывает возмущение.

Осознание возможности как права и соответственно отстаивание этого права в случае необходимости — фундаментальная черта эволюции политической культуры Нового времени. Оказывается очень важным, что именно члены общества расценивают как свое право, а что — как предоставленную возможность. Пусть это будет хотя бы право на театральную критику, право на мысль, но на утрату этого "права" оно (общество) считает себя вправе отреагировать гласным протестом, как на произвол: "Сожги книгу... — (раздастся) вопль... думают, что жмут первое их право: *мысль*"; "Я тысячу раз слышал...: "можно ли жить, когда даже запрещают за свои деньги судить о театре. Чего после этого не в состоянии запретить!" (ОМ, 583). А вот если отбирают то, что расценивается как предоставленная возможность — дают безмолвно (например, возможность обсуждать положение крестьян) именно потому, что лишаются возможности, а не права.

Кроме того, право иметь мнение и возможность его высказать — неременное условие доверия читателя к сообщению, к высказанному мнению и принятия этого мнения как своего. "Юношество не станет ничему верить, что писано будет по-Русски, полагая, что все пишется не по убеждению, не по соображению ума, а по приказу" (Л, 26). "Общее мнение" в этой системе рассуждений не существует без возможности высказывать личное "мнение".

Из рассуждений Булгарина в записке о Лицее можно заключить, что цель воспитания "взрослых людей" — "доказать им, что Россия по составу своему, по обширности... неспособна принять образа правления, выхваляемого в иностранных государствах" (Л, 22), а юношество необходимо "убедить", что "географическое пространство России, смешение различных народов... — требуют настоящего образа правления" (Л, 25). Он может "убедить" не только потому, что "умнее и учнее воспитанников", но и потому, что знает "истинный путь", по которому они должны идти, потому, что доводы разума сочетаются со знанием истинных выгод — "великими видами на поприще Монархическом" (Л, 25). Примерно так же Булгарин предлагает воздействовать и на читателей, убеждая их и формируя общее мнение.

Как мы уже отмечали, Пушкин в записке "О народном воспитании" высказывает, казалось бы, схожие мысли о необходимости конкретных знаний о России, ее географии, статистике, истории. Кроме того, совсем в духе Монтескье им проводится идея, близкая булгаринским рассуждениям о соответствии "духа народа" особенностям страны. "Можно будет с хладнокровием **показать разницу** духа народов, источника нужд и требований государственных; не хитрить, не искажать республиканских рассуждений... Вообще не должно, чтобы республиканские идеи изумляли воспитанников при вступлении в свет и имели для них прелесть новизны" [74. Т. VII. С. 48].

Отметим, однако, разницу в модальности рассуждений. Булгарин должен **убедить**, и, если бы он этого не смог сделать, "тогда бы распустил учеников и набрал новых" (Л, 26). Булгарин стремится **внушить мнение истинное** (а не помочь ученикам составить свое), а Пушкин предлагает **познакомить** их с разными системами и дать средства рассуждать и сравнивать, то есть **составить свое личное мнение**. (Можно предположить, что отказ Пушкина признавать существование "общего мнения" в России связан именно с тем, что за личным мнением не признавалось право на существование [74. Т. VII. С. 619].)

Для понимания предложений Булгарина очень важно следующее обстоятельство: он считает **априорным** человеческое "первое... право: *мысль*" (ВЛ, 108). Из контекста записки очевидно, что к этому надо добавить и право на **выражение** этой мысли. Это сущностная характеристика "человека просвещенного", из

концепции которого исходит Булгарин в своих рассуждениях. Из рассуждений Булгарина очевидно, что право писать о театре, независимо от мнения на сей счет властей, осознается публикой как естественно ей принадлежащее. Лишение ее этого права может вызвать волнения. Принимается как естественное и право людей (и общества) жалеть несправедливо преследуемых правительством, вплоть до того, что "mettre l'opinion public du côté du persécuté, и даже сделать ненавистным правительство" (привлечь общественное мнение на сторону преследуемого) (Р, 30—31). "Запретить вовсе говорить (о политических проблемах) и невозможно, и было бы вовсе не политически"(sic!) (ВЛ, 106).

Отметим и следующий важный момент: Булгарин призывает тайную полицию не применять в своей деятельности метод провокаций. Point d'embauchage — никаких провокаций (Р, 31). Правда, лишь потому, что в политическом смысле российские молодые люди хороших фамилий — взрослые дети, и с ними надо вести себя, как с детьми. (А во Франции, где существовало реальное недовольство во времена Наполеона, провокации как метод были терпимы, отмечал Булгарин.) Но даже и в таком виде сам отказ от метода провокаций несет в себе (в качестве априорной посылки) идею "презумпции невинности", ставшую юридическим принципом и являющуюся важной частью либерального идейного комплекса.

Сам этот принцип в его современном виде был сформулирован Чезаре Беккариа в его труде "*О преступлениях и наказаниях*"(1764): "Никто не может быть назван преступником, пока не вынесен обвинительный приговор. ...**невинным... должен считаться всякий, чье преступление не доказано**"¹⁵. Соответственно, обязанность обвинителя сначала доказать вину обвиняемого. Признание возможным провокации как метода все эти установки переворачивает. Провокация — это выдвинутое обвинение. Подвергшийся провокации — это человек, которого **заведомо считают виновным** и на него самого возлагают обязанность доказать свою вину или оправдаться.

Мнения, высказанные Булгариным, позволяют нам считать, что в ряде своих утверждений он исходит из априорных посылок, соответствующих либеральному, "европейскому" идейному комплексу. Но основная мысль, проводимая Булгариным, все же не либеральна: принимая права личности как данность, правительству надо научиться **управлять** общим мнением, а педагогам и

всем, имеющим дело с конкретными людьми, мнением каждой отдельной личности. И основным инструментом здесь, наряду с деятельностью преданных правительству литераторов должна стать тайная полиция, как "страж общего мнения", как имеющая "ключ" от общего мнения¹⁶. В системе априорных идей, априорных посылок, из которых Булгарин исходит в своих рассуждениях, ценность прав личности, ее интересов (хотя они и представляются ему естественными) несравнимо ниже прав и интересов государства.

И все же, при всей подчиненности государственным интересам, при всех предлагаемых программах государственного контроля над просвещением, литературой, общественным мнением, в своих рассуждениях Булгарин исходит из посылок, из установок, которые позволяют хотя бы поставить проблему личного и государственного, соотношения ценностей частных и государственных. Если мы вспомним рассуждения Шишкова, то в них нет места для личности, ее роль в его рассуждениях ничтожна. Проблемы "личность — общество" просто нет.

Мы уже знаем, что Шишков не стал спорить с Булгариным по поводу размышлений последнего об общем мнении. Возможность влиять на общее мнение очевидна и в шишковском цензурном Уставе 1826 года. Однако он категорически возражал против того, чтобы дать возможность журналистам, литераторам, даже пользующимся "доверенностью", "истинно просвещенным", судить о "мерах правительства" и высказывать свое личное мнение по поводу этих мер. Только само правительство имеет право судить о своих мерах. Даже толкуя такую, казалось бы, очевидную проблему, как право личности быть защищенной от оскорблений в печати, Шишков исходит из априорной посылки, что защищать надо не личность, а то место на иерархической лестнице, которое она занимает. О полемике Булгарина и Шишкова касательно защиты личности, если исходить из априорных посылок, на которые опираются суждения обоих оппонентов, можно говорить, как о противостоянии либеральных идей Нового времени и русской государственнической традиции, типологически близкой государственническому идейному комплексу эпохи европейского *l'ancien régime*. (В других своих построениях Булгарин предстает носителем совсем других идей, которые вполне можно было бы отнести к тоталитарному идейному комплексу.)

Сама же оппозиция "частное (приватное) — общее" есть часть идеологического комплекса Нового времени. Этот комплекс вклю-

чает в себя не только либеральную идеологию, индивидуалистические ценности, но и идеологию "общего дела", "общего блага". Противостояние этих ценностей остается актуальным для европейской истории идей до настоящего времени. Например, идея общественного мнения в идеологическом пространстве Нового времени развивалась как двойная оппозиция: мнению личному, персональному (об этой проблеме писали Руссо, Дж. Ст. Милль и многие другие) и мнению власти.

В России идеи общего блага, общего мнения были восприняты самыми разными лагерями. Они заняли высокое место в ценностной иерархии у представителей самых разных культурных, политических, эстетических ориентаций. Мы находим многочисленные ссылки на общее мнение, общее благо как на аргумент в рассуждениях. (Конечно, речь идет о начале XIX, а не о середине—конце XVIII века). Причем становление и усиление этого комплекса шло не столько в борьбе с индивидуалистическим комплексом, сколько в столкновении разных представлений о сути общего дела. А вот идея личного мнения, его ценности, которая была естественна для Булгарина, не стала в России значимой идейной реальностью.

ОБРАЗ ВОСПИТАНИЯ

Тема воспитания — одна из основных в записках Булгарина. Воспитание определяет весь дальнейший путь человека. "Стоит только ввести юношей на путь" (на "истинный путь!"), убедить их в правильности именно этого пути, и они пойдут по нему, реализуя свое "честолюбие и славолюбие" на государственном поприще. Но мало этого, образ воспитания становится одним из основных порождающих образов, способных оформлять описываемую Булгариним действительность с помощью ряда производных метафор.

Российское государство нуждается в "школе", где основным предметом было бы "нравственное и политическое воспитание взрослых людей" (ОМ, 580). Если в наполеоновской Франции "надлежало действовать *быстро и сильно*, как с *взрослыми*", то в России "надобно обходиться и с *взрослыми*, как с *детьми*": "удвоить наблюдение... знать образ мыслей, чтобы слабое юношество... **воспитывать заново**, давать им мнение, заставлять думать как угодно" (Р, 30).

"Должно стараться воспитывать, а не выгонять из школы за то, что его (воспитанника. — А.А.) приняли безграмотного и потому

что его не хотят учить" (Р, 30). "Воспитывать" надо и "взрослых людей", и "слабое юношество". (Речь идет при этом о гвардейской молодежи, офицерах гвардии). "Выгонять" надо только "неисправимых". Руководит этой "школой" правительство. В роли "наставников" — "литераторы", "высшая полиция" Характерно, что в директора Царскосельского лицея Булгарин рекомендует "полковника Броневского" (Как отметил еще Б. Модзалевский, Броневский и стал директором, но позже, уже будучи генералом [56. С. 26].)

Особая роль в этой "школе" у "высшей полиции": она "направляет умы", "воспитывает", наблюдает за нравственностью, ее руководители "призывают к себе... болтунов... и предостерегают" их, делают "отеческие укоры и наставления" Иногда за прегрешения "воспитанников" "наказывают", а иногда следует проявить "снисходительность, человечность" к "юношам добрым, болтунишкам, трусливым, которые сделают лучшее..."(sic) (Р, 31). Роль "высшей полиции" в деле "воспитания", в той системе социальных, политических отношений, которая возникает из рассуждений Булгарина, как легко видеть из этих и других вышеприводившихся высказываний, огромна. Цензор также оказывается своего рода воспитателем: "кому сходнее поверить цензуру книг, как не тем, кому поверяется важнейшее — воспитание юношества?" (ОМ, 588). (Булгарин предлагает поручать цензуру университетским профессорам.)

В рамках образа "воспитания", возникающего из рассуждений Булгарина, роль "воспитателя" активна, роль "ученика" пассивна: их умы "направляют" "к полезной цели", "на истинный путь", "ведут к известной цели всеми средствами" (Р, 30). Их "убеждают", ведь наступил "век убеждения". (Понятие "убеждение" в 1820-х годах находилось в начальной стадии формирования абстрактного значения у отглагольного существительного, и, по мнению Ю. Сорокина, автора фундаментального исследования, посвященного развитию русской лексики в языке XIX века, имело значение "то, в чем убеждают"¹⁷ Но в данном случае речь идет прежде всего о "способе воздействия": "наступил век убеждения", а не карательных мер.)

Цель "воспитания" — лояльность чиновников, служащих "на поприще Монархическом", гвардии, читателей, общества. Те действия, которые власти склонны расценивать как политические демарши или даже преступления, в рамках образа воспитания —

лишь "проступки" Совершены они либо по "порыву юности" (Л, 25), либо ошибочно, по "безграмотности" (Р, 30), либо, наконец, "с целью" (Л, 25). Только последних надо считать "неисправимыми" и "выгонять из школы" — "наказывать", а остальных надо воспитывать.

Булгарин в качестве руководства к действию высказывает следующую мысль: "Если б я удостоверился **тайно**, что труды мои тщетны, — тогда бы распустил учеников и набрал новых" (Л, 26). То есть после воздействия на "мысль и убеждение" "доводов разума" и "направления" умов, в результате чего "вероятно... убедил бы их", в этом необходимо удостовериться тайно. Вспомним также, что "высшая полиция" должна быть "вещью невидимой, неосязаемой", она "pouvoir occulte" — тайная власть (Р, 31). И это при том, что Булгарин — принципиальный противник политических провокаций. Он ведь и учеников "непереубежденных" предлагает лишь распустить (Л, 25)¹⁸.

Возникает вопрос: случайно ли это совпадение в методах полиции и школы? Почему в рассуждениях о государстве-школе, о Лицее, в которых декларируется, что деятельность наставников основывается на воздействии на **разум**, на убеждении, отводится решающее место **методам тайным**?

Как это ни парадоксально, но одно не противоречит другому. С одной стороны, именно разум определяет поведение и взрослого — подопечного высшей полиции, и юноши-гимназиста. Поэтому и наставнику, и высшей полиции необходимо прежде всего **убеждать** своих подопечных. С другой стороны, разум может и "надуть" своих наставников, на то он и разум, у него могут быть резоны обманывать. (Чего не может случиться ни с сердцем, ни с душой — объектами приложения воспитательных усилий в других педагогических, идеологических концепциях.) Поэтому разум и надо контролировать. В этом, так сказать, внутренняя логика необходимости тайных методов в "век убеждения" и разума, вытекающая из самой рациональной парадигмы.

Обратим внимание еще на один образ, тесно связанный с образом воспитания. Булгарин обращается с **отеческими** укорами и наставлениями к "болтунишкам", к "детям" Семантическое значение суффикса -ишк в данном случае не только уничижительное ("юношей добрых" и "трусливых"), но и уменьшительное. Это своеобразная интерпретация, причем непрямая, **темы государственного патернализма**, отношения власти к подданным,

как отца к детям. Этот же образ используется и при описании литературной политики: "Литература есть балованное дитя нации. Нет такого глупого и необразованного народа в мире, который бы не утешался и не гордился своими писателями и произведениями литературы. Но это балованное дитя... Оно весьма пугливо. Как только станут его побранивать и повертывать неосторожно, оно плачет, хоть тихомолком, а маменька, нация, страдает и гневается" (ВЛ, 108). (Отметим, что здесь в роли отца выступает не "власть", а "нация".)

Казалось бы, странно: почему у Булгарина, рассуждения которого так хорошо укладываются в рациональную парадигму, появляется образ общества-семьи, близкий известным образам классической эстетики "Отца Отечества, отца народа", "Матери Отечества" (один из титулов Екатерины II)? Обратим, однако, внимание: этот классический образ у Булгарина уже трансформирован. Во-первых, образ государства-семьи, который в конце XVIII века активно использовался в российском политическом дискурсе как образ ценный и авторитетный, в болгаринском дискурсе очевидным образом снижен. Уже не Мать, а "маменька", уже не дети, а "болтунишки", юноши добрые и "трусливые", "балованное дитя" Во-вторых, сменилось значение образа. "Маменька" — это уже "нация", а не императрица. Роль отца играет уже не правитель, император, крупный чиновник, а "воспитатель". Авторитет воспитателя держится на том, что он "честен и умен"; на том, что, "будучи умнее и учнее воспитанников, убедил бы их" (Р, 30), то есть на Разуме, а не на Верре, на примере и убеждении, а не на традиции. Очень важным представляется и то обстоятельство, что Булгарин сознательно пользуется этим образом именно потому, что речь идет о России. Во Франции "надлежало действовать сильно и быстро, как со взрослыми" (Р, 30). То есть классический по своему генезису образ девальвируется и наполняется современными идеями, историческими реалиями.

Совсем другое использование этого образа мы увидим в некоторых суждениях фон Фока и С.С. Уварова. Фок: "Гарантией прочности этого настроения (благоприятного настроения в народе в отношении к правительству) служит та потребность, какую дети ощущают в заботах и попечениях отца о будущем их благосостоянии" (РС, 1881. XI. С. 327). Первый номер возобновленного Журнала Министерства народного просвещения за 1834 год

открывался программой для министерства статьей. Статью эту принято приписывать перу тогдашнего руководителя министерства С.С. Уварова (см.: 102. С. 471). Суждения Уварова кажутся нам настолько интересными и важными в контексте обсуждаемой темы, что мы позволим себе привести довольно большой отрывок из этой статьи¹⁹.

"Если выход из грубой тьмы невежества и непрерывное, дальнейшее движение к свету необходимы для *человека*, то попечительное в сем деле участие Правительств необходимо для *народов*. Только Правительство имеет все средства знать и высоту успехов всемирного образования, и настоящие нужды Отечества. С одной стороны облегчая каждому способы к основательному приобретению и совершенствованию полезных сведений, с другой соображая ход новых идей с Верою, учреждениями, обычаями и иными особенностями Государства и наконец с общими успехами его жителей на поприще гражданственности, оно содействует *сколько можно более естественному* для страны своей, и тем надежнейшему, мирному и прочному в ней развитию просвещения; блюдет истинные выгоды народа и предохраняет его от тех нравственно-политических язв, которые, подобно физическим, только в общем плане Провидения могут быть не бесполезны, но коих и любовь к родине и даже здравый смысл велят нам избегать...

Отжив период безусловного подражания, она, лучше своих иноземных наставников, умеет применить плоды образования к своим собственным потребностям; ясно различает в остальной Европе добро от зла: пользуется первым, и не страшится последнего: ибо носит в сердце сии два священные залога своего благоденствия ("Веру и Народность"), с коими неразрывно соединен третий — Самодержавие. Ея эмблема — юноша силы и доблести, зрелый умом и жаждущий познаний, но притом сохранивший драгоценное наследие первых лет (детства. — А.А.) — простоту нравов и святую доверенность к Небу.

Россия имеет счастье верить Промыслу, который проявляет себя в великих Царях ея. Тогда, как другие народы не ведают покоя и слабеют от разномыслия, она крепка единодушием безпримерным. Здесь Царь любит Отечество в лице народа и правит им, как отец, руководствуясь Законом; и народ не умеет отделять Отечества от Царя и видит в нем свое счастье, силу и славу.

...Наставляемое Повелениями Монарха, неусыпно пекущегося о пользе Богом врученной Ему страны, Министерство вменяет себе в

прямой и священный долг давать, по мысли и сердцу Его, полезное направление читателям своего Журнала, да удовлетворится истинных сынов Отечества справедливое желание знать, каким образом они могут лучше содействовать высоким намерениям ОТЦА России"

В образной системе, используемой Уваровым, можно выделить комплекс образов, который является доминирующим.

Образ "счастья": свет Просвещения — это "счастье" (не успехи Разума, не развитие наук, а "счастье"); "Россия имеет счастье верить Промыслу"; "народ... видит в нем (Царе) свое счастье, силу и славу"

Образ "естественного развития", то есть развития, отвечающего свойствам народной природы.

Образ юноши-России, "сохранившего драгоценное наследие первых лет — простоту нравов и святую доверенность к Небу"

Образ "сердца": Россия "различает добро от зла... ибо носит в сердце... два священные залога". Она способна "различать" не благодаря воздействию на ум или осознанию нравственной обязанности, как в рассуждениях Булгарина, а благодаря врожденным, органическим свойствам русского сердца. В контексте идейной конъюнктуры того времени оппозицией "сердцу" было не бессердечие, а "ум". Отметим связь этих образов с романтической традицией трактовки развития как естественного, органичного (идеи Руссо и Гердера).

Образ "народа". "Народ" — антропоморфный образ с определенными ценностями, стремлениями и желаниями. В отношении "народ—власть" народ (пассивное начало) — объект приложения усилий начала активного: царя и правительства.

Отметим и некоторые образы и понятия, свойственные, скорее, классической эстетике. Образы "Провидения", "Неба", "Промысла" Образы "нравственно-политических язв", "любви к родине", "любви к Отечеству", "истинных сынов Отечества", "пользы страны", "высоких намерений" Образ "прямого и священного долга" правительства. Образ "Отца России". Образ "Закона" как принципа управления: "Царь ...правит ...как отец, руководствуясь Законом" Образ гражданского поприща: "успехов ...жителей на поприще гражданственности". К этой же классической традиции мы относим и образы народа, государства как единой, неразделенной общности, ставший традиционным в русском политическом дискурсе: "другие народы ...слабеют от разномыслия", Россия "крепка единодушием безпримерным"

Тому, что наше разделение единой системы образов, использованных Уваровым в своей статье, на разные комплексы правомерно и что оно в какой-то степени отражает неоднородность российского дискурса на идейном и стилистическом уровнях, есть много подтверждений. Приведем один пример. Фок пишет в 1826 году Бенкендорфу в своем донесении: "Трудно поверить, что цензор Ветринский из одной статьи вымарал слова: "любовь к отечеству", где говорилось, что французские канонеры были одушевлены благоразумием и любовью к отечеству. ...цензор руководствовался одною монашескою книгою, где доказывалось, что любовь к отечеству не есть христианская добродетель..." [23. С. 202—203]. Мы не будем гадать, почему автора "монашеской книги" не устраивала "любовь к отечеству" Важно, что добродетели, которая обозначается "любовью к отечеству" этот автор (и цензор Ветринский) отказывают в санкции истинной ценности.

Образная система Уварова представляет собой как бы контаминацию (взаимопроникновение) образных комплексов, выработанных в разных эстетических системах: классицизма и романтизма. Ярким примером такой контаминации может служить следующий образ: "Ея (России. — А.А.) эмблема — юноша силы и доблести, зрелый умом и жаждущий познаний, но притом сохранивший драгоценное наследие первых лет — простоту нравов и святую доверенность к Небу"

"Эмблема" отсылает нас к классическо-барочной традиции. "Юноша силы и доблести", "жаждущий познаний" — это типичный образ классической традиции. На него накладывается образ "драгоценное наследие первых лет — простота нравов и святая доверенность к Небу" Он из другой традиции — сентиментально-романтической. В этом эклектичном наборе образов как бы последним характеризующим штрихом становится нейтральный образ "зрелого умом" юноши-ребенка, который превращает всю "эмблему" в оксюморон.

Отдельно надо отметить образы из просветительской парадигмы: "беспрерывное... движение к свету", "развитие просвещения". А также — трактовка "новых идей" "Соображая ход новых идей с Верою" "Новые идеи" — это начало динамическое, движущая сила "развития", "движения" наряду с существованием начала статического, "естественных" условий, определяющих настоящее положение общества. Эти "естественные" условия — "Вера, учреждения, обычаи..."

Наконец образ "направления" — "давать ...полезное направление читателям... журнала" — входит в комплекс управления. Объекты управления — "народ", "юноша-Россия" — абсолютно пассивны. Правительство, Отец их "направляют", знают "их истинные выгоды", оберегают их от "нравственно-политических язв". Из этого основного типа субъектно-объектных отношений есть важное исключение: "успехи жителей на поприще гражданственности", где последние выступают как самостоятельный субъект действия.

Рассуждая о комплексе "управления" у Булгарина, мы отмечали как одну из причин актуализации этого комплекса то, что сменилась общая концепция мира. Более нет необходимости в "гипотезе" Бога, его вполне может заменить Провидение. Роль главного механика на уровне общества, государства с успехом выполняют первые лица в государстве. И вот в рассуждениях Уварова промелькнуло: "предохраняет его от тех нравственно-политических язв, которые подобно физическим, **только в общем плане Провидения могут быть не бесполезны, но коих и любовь к родине и даже здравый смысл велят нам избегать**" Уваров, оговаривая, что те или иные события могут иметь место "в общем плане Провидения", все же оставляет право за правительством, руководствующимся "любовью к родине и ...здравым смыслом", **менять ход событий, то есть избегать предуготованного Провидением.**

"Попечительное ...участие правительств необходимо для народов". "Только правительство имеет все средства знать ...настоящие нужды Отечества". Отметим чисто функциональное, прагматичное оправдание этой "политической аксиомы": Правительство знает настоящие нужды, потому что имеет к этому "все средства", а не, скажем, в силу традиции или положения на иерархической лестнице. Такая функциональная априорная посылка предполагала, что общество понимается как механизм, полный контроль над которым и возможен, и необходим. Именно в такой функциональной форме механистическая модель общества вошла в политический обиход последующего времени: от известного образа "винтиков" до "жесткого регулирования" (у сторонников государственного вмешательства в экономику).

Замечательно, что рассуждение с опорой на образы из патерналистского комплекса и классической парадигмы имеет в качестве одной из априорных посылок идею функциональности. Правительство сообразовывает "ход новых идей с Верою,.. обычая-

ми" То есть, декларируя важное значение "идей" в жизни общества, Уваров полагает эту посылку **поводом** к контролю правительства над сферой идей. Он не оставляет принятие или непринятие тех или иных идей в сфере компетенции "человека", "народа" в соответствии с его, народа, верой, обычаями, но возлагает на правительство "соображение"

Не сам народ, а правительство "блюдет истинные выгоды народа и предохраняет его от нравственно-политических язв" То есть правительство, а не "человек" и "народ", знает не только "**настоящие** нужды Отечества", но и "**истинные выгоды**" самого "народа" Оно также "предохраняет" народ от нравственных и политических заблуждений. В своем самоопределении народ предоставлен себе не более, чем ребенок в традиционной семье. Очень интересно, что Уварову в его рассуждениях оказывается недостаточно созданных им образов "правительства" и "народа" Появляется образ "России" Высокая ценность образа и одновременно его абстрактность дают большую свободу идеологу в его рассуждениях. (Вспомним, что и Булгарин предлагал использовать особое значение образа "Матушка Россия" в целях пропаганды.) Чем более авторитетным, ценностно окрашенным является используемый политиком образ для части аудитории, тем менее эта аудитория способна обнаружить внутреннюю противоречивость создаваемого с помощью этого образа идеологического построения. Соответственно свободнее проявляются априорно заложенные в рассуждениях идеолога идеи. У Уварова они сублимируются в образ-эмблему "Россия — юноша". Это ребенок, простой, доверчивый, жаждущий принять из рук руководителей "познание", и в то же время настолько "зрелый умом", чтобы не доставлять особого беспокойства правительству, сильный и доблестный, способный защитить себя и руководителей.

"Царь любит Отечество в лице народа и правит им, как ОТЕЦ" "Народ не умеет отделить Отечества от Царя и видит в нем свое счастье, силу и славу"

Общество представлено через образ семьи: отца и детей; отношения между ними — это, с одной стороны, любовь, с другой — отец выступает как гарант и символ "счастья, силы". Объектом любви и со стороны отца, и со стороны народа ("детей") выступает Отечество. Авторитет отца, ценность этого образа **поддержи-**

вается авторитетным образом Отечества. То есть архаичный по своей природе комплекс общества-семьи **поддерживается и обновляется** с помощью авторитетного образа Отца Отечества из идейного набора классицизма. Кроме того, образ традиционных семейных отношений, дополняется образом из комплекса "управления": "давать ...полезное **направление читателям**" — "истинным сынам Отечества" с помощью "своего журнала"

Приведем отрывок из известного высказывания Уварова (1835 год), зафиксированного А.В. Никитенко: "Мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкушать ...сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система" [61. Т. I. С. 174].

Жизнь — это у других народов, **взрослых**. А Россия **юна** и **не должна**. Это классический образ воспитания. Есть ребенок (юноша, юница), они непорочны и девственны; есть взрослые, они живут тревогами; ребенок не готов к жизни взрослых, его надо воспитать. Такое восприятие действительности, преломленное через призму образа воспитания, составляет, по словам Уварова, его "политическую систему". Комплекс идей, заложенных в этот образ, в значительной степени совпадает с идеями, лежащими в основе трактовки Булгариным проблем воспитания. И это при том, что сам Уваров предполагал, что он охраняет Россию от "либералов", подобных Гречу, Полевому, Сенковскому. (В этот же ряд можно поставить и Булгарина.) Однако есть и разница. В образе воспитания у Булгарина воспитатель — это **учитель**, а у Уварова — **Отец**. У Уварова воспитатели воздействуют на "сердце" и "душу", у Булгарина — прежде всего на разум. Народ у Уварова — это масса, объект влияния, воспитания и направления. Образ семьи, отца и детей, получает дополнительную характеристику: семья крепка "единодушием" Это образ единства и целостности в противоположность "разномыслию" и разъединению разных "партий" Это образ **одушевленный**: народы и люди "живут" Одушевлен и образ России. Вместе с образом естественности развития он апеллирует к идее органичности. Последняя относится к романтическому комплексу — реакции на механистическую идеологию Просвещения.

ТЕМА ПОЛИТИЧЕСКИ ПРЕДОСУДИТЕЛЬНОГО, ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

С опорой на образ воспитания Булгарин трактует еще одну важную тему: политически предосудительного, преступного поведения.

Булгарин писал, что действия "воспитанников", выходящие из "обыкновенного порядка вещей" (речь идет о политических демаршах), могут и не быть преступными. Например, если они совершены без "цели", а по "порыву юности". А для традиционного российского государственного мышления, в котором был очень силен элемент сакрализации власти, когда властным функциям придавалась санкция Высшей воли, не имело принципиального значения, кто написал на школьной доске "Виват Конституция..!": ученик или взрослый, "с целью" или "по ...порыву юности" (Л, 25). В рамках этой традиции случай, описанный Булгариным, можно толковать следующим образом: любой, кто бы ни написал эти слова, действовал, как покушающийся на сакральный авторитет. Дьявол мог вселиться в кого угодно, и "истреблять" этот дух в юноше так же естественно, как и во взрослом. Кроме того, было не столь уж важно, написаны эти слова на школьной доске, сказаны ли в беседе или с этим лозунгом человек вышел в рядах мятежников: даже **помысел** против сакральной власти уже является **преступным действием**.

Булгарин же находит необходимым уточнить: это "юноша", а не "взрослый"; проступок совершен "по ...порыву", а не "с целью". Он замечает, что в России политическая "безграмотность" присуща всему населению. Поэтому даже к действиям "взрослых" нельзя относиться, как к ответственным поступкам.

В той системе представлений, в рамках которой рассуждает Булгарин, различаются "мысль" и "действие". Преступным может быть действие, но право на мысль имеет всякий. Отношение к мысли; к тексту, как к действию, свойственно архаичному символическому мировоззрению. Подобное "уважение" к письменному слову усиливается, получает санкцию известной установкой христианства не отличать помысла от поступка. Но если в христианской традиции это прежде всего *этическая* норма, то чиновник с архаичным мировосприятием понимает эту норму как *юридическую*. (Что было в особенности легко при неразработанности теоретических положений права, а также при хаосе в действовавшем российском законодательстве, существовавшем фактиче-

ски до судебной реформы середины 1860-х годов.) Еще в 1867 году П.А. Вяземский, тогда крупный чиновник, объяснял в официальной записке по поводу проекта изменений в Уложении о наказаниях: "Против вредного учения, пока оно не обратилось в действие, есть одна оборона: это благотворное учение..." "Можно усилить меры наказаний... Но все же речь может идти только о **совершившихся событиях**"²⁰

Сама идея различать помысел и поступок относится к просветительскому комплексу и проводилась многими юристами эпохи Просвещения. Приведем отрывок из Монтескье:

"Некто Марсий видел однажды во сне, что перерезал горло Дионисию. Последний предал его за это смерти, рассудив, что ему не приснилось бы ночью то, о чем он не помышлял днем. Это был акт грубой тирании, так как если бы он даже и помышлял об этом, он все-таки не покушался это сделать.

Законы обязаны карать одни только внешние действия" [57. С. 325].

Различение Булгариным одних и тех же действий, но совершенных в разных общественно-политических средах — в русле этих представлений. Одно дело написать на школьной доске "Виват Конституция!" в Вильно, где память о "Конституции 3 Мая" — в "обыкновенном порядке вещей" (Л, 25), и совсем другое — появление такой надписи там, где нет конституционной традиции и где носитель конституционных убеждений должен приложить собственные усилия для их усвоения, и где, следовательно, эти убеждения могут быть более осознанными, чем у поляков.

Наказание за то, что считается "обыкновенным порядком вещей", то есть за то, что членами общества осознается как **право памяти**, способно, во-первых, вызвать протест; во-вторых, актуализировать парадигму мученичества. "Юноши, которые прежде не думали о Конституции 3 Мая, почли ее священной вещью, а себя — мучениками!" То есть в данном случае, в парадигме мученичества (за веру), конституция становится сакральным объектом, а юноша, почитая себя "мучеником", а своих преследователей — "гонителями" (за его веру), принимает на себя соответствующую роль и поступает согласно логике этой роли. При активизации парадигмы мученичества исчезает возможность воздействия на разум, так как ценности и ориентации, задаваемые этой парадигмой, не совпадают с ценностями и ориентациями парадигмы Разума.

(Отметим еще раз такую особенность в понимании воспитания Булгариным, как необходимость воздействия на разум, прежде всего на разум. В то время как другие современные педагогические теории в качестве основного объекта воздействия почитали Сердце или Душу. Традиционалисты, такие, как Шишков, не ставили под сомнение саму возможность "влияния", воздействия, но они отказывали Уму в той решающей роли в определении поведения, которой его наделяли идеологи Просвещения.)

Предложение Булгарина — не актуализировать парадигму мученичества, не "отдавать в солдаты" (а именно так отреагировала администрация на надпись на школьной доске), а, в крайнем случае, "распустить учеников" (Л, 25—26). Хотя и для Булгарина остается вариант "истребления", например, "явных" заговорщиков, "якобинцев", но возникает необходимость в дифференциации политических "проступков": по возрастным, мотивационным критериям, по степени тяжести. Осознание (литераторами, идеологами, в данном случае — Булгариным) необходимости такого дифференцированного подхода к очевидным, с традиционной точки зрения, преступлениям, — естественная предпосылка гуманизации общественных представлений в рамках Нового времени, в частности, в отношении формирования новых юридических принципов (презумпция невиновности, различие помыслов и поступков. Одним из результатов этого процесса стала судебная реформа 1860-х годов. Реформа не была умозрительным заимствованием, за новыми юридическими нормами стояла стройная система взглядов, которая уже в начале XIX века была настолько авторитетной, что проправительственный идеолог свободно ею пользовался.

СТИХИЙНО-ОРГАНИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА. ОБРАЗЫ БОЛЕЗНИ, РОЖДЕНИЯ, РАСТЕНИЯ, ПЛАМЕНИ...

Образы болезни-заразы

"Этот несносный тон, это фрондерство ...заразило юношество (Л, 24). "В кругу **зараженного общества**" (Л, 24). "Отвратив от себя **заразу**, я не мог ее **пресечь** и с удивлением видел ее **успехи**" (то есть то, что она продолжала заражать других) (АИ, 302).

Метафора болезни-зла имеет очевидные французские корни (имеется в виду широкое распространение метафоры болезни в

политическом дискурсе в конце XVIII—начале XIX века)* Сравним: "infecté du ...mauvais esprit" — заражены **вредным** духом, — писал фон Фок Бенкендорфу осенью 1826 г. М.Я. Фок часто использовал образы "язвы" — "гангрены" — "лекарства" в трактовке состояния государства, общества как болезни (РС, 1881, IX—XI). Видный сановник, член Государственного совета И.В. Васильчиков писал Николаю I об учащихся харьковского университета, имея в виду политические увлечения: поколение est toute gangrenée — все заражено гангреной, необходимо remède un mal (sic!) — лечить болезнь (le mal — болезнь; горе; зло) [98. Т. I. С. 428—429]. Из письма полковника И.П. Бибикова (март 1826 г.): remède aux maux que leurs écrits ont fait ...a la Russie... — устранить (излечить) то зло, те болезни, которые их писания приносят ...России [56. С. 8].

В словосочетаниях со словом "заразительный", например "заразительный пример", по наблюдениям Ю. Сорокина, в 1860-е годы "выступают образные осложнения медицинскими ассоциациями" [86. С. 440]. Ю. Сорокин приводит примеры метафорического использования слов "лекарство", "зараза" ("выкуривалась зараза"), "карантин", "санитарный кордон" Но из приведенных примеров мы видим, что уже в конце XVIII века по крайней мере некоторые слова из этого "медицинского" ряда имели переносное значение, что образ болезни-заразы в 1820-х годах уже являлся порождающей политической метафорой: "зараза—болезнь—лечение". Логика образа с необходимостью требует "врача", "лекарства" и т.д. Словоупотребление "заражение вредным духом", "пресечь заразу", то есть не дать ей распространиться, отражает образное осмысление современного Булгарину медицинского опыта опорой на опыт французского политического дискурса.

Рождение. Ферментация. Зародыш

"Идея родилась", "дух, усыпленный прежде, возник и распространился", "Во Франции ...всегда была революционная фермен-

* Отметим, что еще в 1790 году, Екатерина II, по словам ее секретаря Храповицкого, охарактеризовала взгляды А.Н. Радищева как "французскую заразу". (Цит. по: Краснобаев Б.И. Русская культура второй пол. XVII—начала XIX в. М., 1983. С. 187) Н.И. Новиков в 1773 году в предисловии к "Древней Российской Библюофике" писал: "Не все у нас еще... заражены Франциею" (Новиков Н.И. Избр. соч. М.; Л., 1951. С. 373).

тация..." (Р, 30). "Во время самой сильной ферментации умов, в 1811 г." (Л, 23). "Истребить зародыш многих бедствий" (ОМ, 579—80). "Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыш в религиозном мистицизме" (Л, 20). В доносе М. Грибовского (1821): "зародыш беспокойного духа в войсках, особенно в гвардии" (МГ, 214). Из письма П.А. Вяземского к С.С. Уварову (1836): "будут искать ...зародыши возмутительных понятий или ослабления уважения к законной власти..." [74. Т. VII. С. 593].

В прямом значении "ферментация" (из французского слова *la fermentation*) — органический процесс: ферментация, брожение. В русском языке слово "ферментация" зафиксировано в прямом значении уже в "*Новом словотолкователе*" Н. Яновского (1803—1806). Слово "ферментация" не отмечено ни у В. Веселитского, ни у Ю. Сорокина — авторов основных работ, посвященных формированию отвлеченной лексики в русском языке первой половины XIX века (см. библиографию). Во французском языке у слова *la fermentation* существовали переносные значения, которые, вероятно, послужили источником для развития переносных значений и в русских словах "ферментация", "брожение", "закваска". Например, в доносе М. Грибовского: "брожение умов" (МГ, 206); также в "Проекте устройства военных поселений" — "беспокойное брожение умов во всей Европе" [97. Т. IV. С. 548]; у Пушкина — "брожение мыслей", "брожение мнений"²¹. Сравним также в этом же значении образ "закваски" у фон Фока: "закваска прежняя" (РС, 1881, X, 319); "дурная закваска" (там же, 321); "остаток дурной закваски" (там же, 308).

Ю. Сорокин отмечает, что академический Словарь 1847 года приводит только прямое значение слова "брожение": "В химии внутреннее движение, происходящее в органических телах помощью заквасы..." Переносное значение, отразившее происходившую метафоризацию понятия, появилось только в Академическом словаре 1891 г.: "волнение умов, смятение в обществе или в народе" [86. С. 410].

В 1830-х годах употребление понятия "зародыш", по мнению Сорокина, было связано с романтической эстетикой: оно встречается у И.И. Лажечникова в "*Последнем Новике*", у Ник. Полевого в "*Истории русского народа*", у Белинского. Отметим, что приведенные нами выше словоупотребления относятся к 1821 и 1826 годам.

Переносное значение в русском языке, вероятно, от переносного значения французского слова *le germe* — зарождение, начало,

источник (прямым знач. — зародыш). Сравним употребление в прямом значении, но в идейном контексте, близком болгаринскому в "Разговоре Дидро и Деламбера" Д. Дидро. Участники "разговора" не согласны с "теорией преформизма", согласно которой "зародыш" представляет собой уже сформировавшееся животное только миниатюрного размера, так как считают, что влияние воспитания и среды на характер живого существа очень велико [34. С. 294].

Мы видим, что органический образ "зародыша" в приведенных нами примерах относится к идейной сфере (зародыш возмутительных понятий), а сами идеи — рождаются. В этой образной системе, в отличие, например, от той системы, где идеи — "ветер", с идеями, со "злом" уже можно бороться: "истребить зародыши многих бедствий"

Стихии, элементы

Особо стоит отметить образ "стихий или элементов", использованный Булгариным для объяснения общественного мнения. "Чтобы управлять общественным мнением, надобно знать его стихии или элементы" (ОМ, 580). Речь шла о читающей публике, ее "состояниях", то есть социальных слоях. Мы видим, что использована, казалось бы, типичная рационально-механическая метафора "управлять—знать—элементы", где "элементы" могут показаться частью "механизма", "тайные пружины" которого "мы знаем" (ОМ, 581). Но это не так. И указывает на это переносное значение понятия стихии (из др.-греч. *stoicheion* — элемент, первоначальное вещество). Это слово, как отмечает В. Веселитский, "в начале XIX века... вступает в сочетание с ...широким кругом слов, обозначая составную характерную часть чего-либо" [18. С. 97].

Переносное значение понятия стихии тождественно переносному значению понятия начала: например, "начала русской народности" Уварова (самодержавие, православие, народность), которые определяют "коренные свойства" русского народа. Сравним также в анонимной публицистической статье (1819): "Разлагая состав гражданского общества на первые начала, — разорвали узы всякого повиновения и порядка" (о французских философах середины—конца XVIII века — "людях отличных дарований, но незрелого ума и развращенных нравов")²²; Сорокин приводит цитату из Ореста Сенковского (1834): "Внимательное рассмотрение химических начал языка обнаруживает удивитель-

ное смешение рас и поколений в нынешнем словенском народе" [86. С. 401].

Очевидно, что приводимые значения этих понятий генетически восходят к философско-химической терминологии второй половине XVIII века. Значения эти сохранились у данных понятий и в начале XIX века. "Химическая" метафора была характерна для лексики философа Д.М. Велланского, встречается в "Русских ночах" В.Ф. Одоевского. Органическая жизнь понимается как сложное взаимодействие химических элементов, то есть в значительной степени механистично. Сравним у Радищева: "Анализус частей животного дает все стихии..." [86. С. 401].

"Элементы", "начала", "стихии" составляют организм и определяют его свойства. "Начала русской народности" определяют свойства русского народа. И у Булгарина "элементы" — это начала, составляющие организм и определяющие его свойства, а не части механизма. Если учитывать, что понятие "химическое" в начале—середине XIX века обозначало "процессы органические" [86. С. 402], то мы можем говорить об образе, используемом Булгариным, как о примере формирования новой парадигмы (химической, органической), оппозиционной парадигме механической, и при этом очень с ней схожей.

Образ растения-рассадики

Это один из самых "разработанных" комплексов Булгарина. Особенно много примеров его использования мы найдем в записке о Лицее.

Лицейсты "хотели быть сочинителями, судьями всего, — одним словом, созревшими" (Л, 24). "Ложные идеи и незрелые понятия" (ВЛ, 106). "Вредоносное дерево росло на открытом воздухе: почва его тучнела от разглашения различных злоупотреблений" (Л, 22—23). "Управление Университетов на Германский образец не принялось в России" (Л, 22). "Либерализм цвел во всей красе" (Л, 23) (В отличие от фразеологизма "процветать", например: "дело процветало", здесь происходит *оживление* метафоры: цвел — во всей красе).

"Французская революция была благотворною росой для сих горьких растений" (Л, 21). "Дух их (мартинистов. — А.А.) ...укоренившись, производил беспрестанно горькие плоды" (там же). "Слова, пущенные на ветер, падают на плодородную землю и производят горькие плоды" (ВЛ, 106). (Часто встречаются у фон

Фока в его донесениях Бенкендорфу образы "плода": созревшего, запретного, сорванного, плодов, которые пожнет правительство. Они составляют комплекс, генетически связанный с известными библейскими образами) (РС, 1881, IX—XI).

"Укоренение либерального духа" (Л, 24). "Либерализм укоренился в Лицее" (Л, 24). "Искоренил зло в самом начале" (Л, 26). "Мудрое правило для искоренения всего злого" (Л, 29). У фон Фока: "развитие зла", "вырвать зло с корнем" (РС, 1881, XI, 520). "Этому новому рассаднику должно было дать свет и влажность в одинаковой пропорции и не оставлять одни произрастания расти в тени, а другие — на солнце, одни на тучной, а другие — на бесплодной земле" (Л, 23). Возникает образ лица — "рассадника" просвещения. (Вспомним, например, образ "рассадник просвещения", использованный Грибоедовым в пьесе "Студент" [29. С. 190] в качестве характеристики Казанского университета.)

Переносное значение "рассадника" развилось как семантическая калька из переносного значения фр. *répinière* — "рассадник". Сравним употребление этого французского слова из уже цитировавшегося письма полковника Бибикова: *ils offrent une répinière* — они становятся рассадником — о воспитанниках различных учебных заведений, вскормленных на предосудительных идеях [56. С. 9].

Образ сада, "рассадника" становится порождающей метафорой. Логика порождающего образа требует существования "садовника"-педагога, именно он "не оставляет одни произрастания", "истребляет вредное в самом начале" и т.д. Образ "горьких плодов" — это образ **дикой** природы, вмешательство садовника, ухаживающего за одними "произрастаниями", "искореняющего" другие, связано с **культурным началом**, окультуриванием дикой природы. Сравним также: "Правительство Англии ...не участвует в посеянии революционных идей в России" (АИ, 302). "Демагогические правила тщательно рассеиваются иностранцами..." (АИ, 300).

Пламя

Метафора пламени также одна из самых разработанных в образной системе Булгарина, и в этой образной системе "пламя" обычно является метафорой революции, революционных потрясений. Здесь тоже очевидно влияние французского политического дискурса. Сравним выражение из письма полковника Бибикова:

flambeau de la révolte [56. С. 9], что напечатавший письмо Б. Модзалевский перевел как "пламя восстания" (буквально: факел восстания, мятежа).

Булгарин использует также образы: пламя—пепел—искры—потушение—раздуло, искры—пороховой, магазин—порох... вспыхнул—буйное пламя.

"В ...России не было пищи для поддержания сего пламени, ...здесь должен быть foyer(п) (очевидно, le foyer — очаг, центр общения. — А.А.), где сохраняется и откуда изливается сей огонь" (АИ, 301).

Здесь раскрывается, реализуется французская метафора очага: источник огня — источник революционного пламени — источник антиправительственного влияния. Образ "очаг влияния" не получил дальнейшего развития в русском языке, не стал фразеологизмом в отличие от медицинского понятия очага заражения — также семантической кальки с французского.

"Раскольничьи скиты суть самые опасные жерла, которых ... нельзя погасить одними полицейскими средствами" (ОМ, 582). Здесь "скиты-жерла" — метафора вулкана, извергающего огонь. Сравним у фон Фока: "10 лет ходили по вулкану" (РС, 1881, XI, 520). "Во Франции ... всегда была революционная ферментация, пламя, скрытое под пеплом, у нас могут быть только искры, и то рассеянные, и так для потушения нельзя и не нужно употреблять одинаковых средств" (Р, 30). "Общество ... раздуло без умысла искры и превратило их в пламень" (Л, 23—24). "Некоторые члены ... приготавливали порох, который впоследствии вспыхнул от буйного пламени Тайного общества" (Л, 29), и т.д.

Сравним следующее место из статьи 1819 года в "Духе журналов" (это обращение, произносимое "тираном" от имени XIX века): "Просвещение, во зло употребленное, воспламенило всеобщий пожар: Я решился погасить Светильник ума и погрузить человечество во тьму невежества, чтобы оно слепо и покорно носило свои оковы"²³. Из доноса Грибовского, который пишет о членах тайного общества: "воспламеняемые искусно написанными речью" (МГ, 206); о действиях заговорщиков: "много найдется способного воспламениться" (МГ, 214); "воображение воспламенено" (политическими науками) (МГ, 215).

Любопытна политическая притча, рассказанная фон Фоком в его "Aphorismes": "На границе Швейцарии и Савойи, у подножья горы Saleve есть большое селение Chene. Половина его жителей

католики, половина — протестанты. Несколько лет тому назад в католической части селения вспыхнул пожар, угрожавший всему селению. Жители-католики бросились в церковь и погрузились в молитву. Протестанты же, прибежав на помощь, стали тушить пожар, и скоро огонь утих. Католики считали, что помогла молитва, протестанты — то, что они пришли тушить пожар. Мы рассуждаем таким же образом в делах более значительных и при пожарах более обширных²⁴. Здесь образное и даже символическое значение пожара, огня очевидно.

Обратим внимание, что во всех образах — "пожар", "искры", "взрыв пороха", "жерло" вулкана — отчетливо проясняется стихийная природа огня, направленная на уничтожение, испепеление, взрыв, потрясение. Функция огня, как и пороха, в этих образах — не **осветить**, а **уничтожить**. Что же противостоит стихии разрушения? Культурные образы: разного рода **"тушение"** огня, ограждение от него человека, жилища... Отметим "культурное" использование огня: образы светильника, очага, фонаря, связанные с образом Про-свещения. Сравним в "Aplogismes" фон Фока: "воры боятся фонарей, а тираны их разбивают. Когда ложь, клевета царствуют, простая правда — крамольна"²⁵.

Происходит как бы обновление метафоры "Про-свещ-ение", образа, активно использовавшегося в русской поэзии того времени, но постепенно становившегося фразеологизмом. Свет фонаря просвещения (напомним, что в фонарях в то время горело живое пламя) — это, так сказать, прирученная стихия, но, будучи "употребленной во зло", способная вырваться на волю и вызвать "пожар" В лексике Булгарина, Греча, а также людей близкой культурной ориентации активно использовались фразеологизмы, связанные с образным комплексом "свет—тьма" Сравним: свет — истина, мрак — ложь. Из письма Н.И. Греча в III отделение: "издатели "Северной пчелы" почли бы себя сверх (достоинства?) очастливленными, сделавшись орудиями великодушного и правосудного Правительства в искоренении лжи и мрака, и в распространении света и истины"²⁶; у Булгарина "мрак минувших веков"; "гасить просвещение"²⁷. То есть у Булгарина, Греча, фон Фока в их использовании образа света как угрозы пожара нужно видеть не романтическую реакцию на Просвещение, а эволюцию этого же, просвещенческого, комплекса, возможно, последнюю стадию эволюции, предвещающую кризис.

Как представляется, именно эти образы (вместе с некоторыми другими, например, образом революции — **пере-ворот**) сохра-

нили в образной системе политического дискурса Нового времени элемент мифологических представлений, связанных с борьбой хаоса и космоса (порядка), с темой вечного круговорота, уничтожения и возрождения. Где в образах "огня" и "тушения" противостоят начало разрушительное (стихийные, inferнальные силы) и начало культурное, цивилизаторское (по своему смыслу охранительное, оградительное).

Образ искры-пламени, воспринятый также и революционной идеологией ("из искры возгорится пламя"), конечно, не без влияния фольклорно-мифологических мотивов (вспомним пожары в "*Тарасе Бульбе*" — аллюзии на знаменитые восстания "Палиевщина" и "Колиевщина" — с народной этимологией от слов "палить" (жечь) и "кол"), уже тогда потенциально нес в себе образ мирового пожара, уничтожения цивилизации.

Близкими к этой системе образов оказываются и образы заразы—болезни—лечения, и разбираемые ниже образы плотины—стены. Вот образ революции как "кипения": "во Франции ...после революции, когда все отлично доброе и отлично злое вышло наверх, как пена после кипения, надлежало действовать ...истреблять или удалять" (Р, 30). Кипение здесь оказывается процессом проявления и разделения "отлично доброго" и "отлично злого" Этот образ использован Булгариным и в записке о крестьянах: дух российского либерализма — это "нечистая пена, происшедшая от кипения страстей" (ВЛ, 105), что объединяет в один набор "кипение страстей" и "кипение" как революционное начало. А это, в свою очередь, заставляет вспомнить, что тема (образ) "страстей" в записках Булгарина неразрывно связана с образом дворянского "либерала", действующего "по одним страстям" Образом-оппонентом у "страстей" выступают образы разума, "ума", "убеждения", "доказательств", которые должны воздействовать на "благонамеренную" часть "публики"

ОБРАЗЫ СТЕНЫ, ПЛОТИНЫ

"Надобно поставить стену между вредными людьми и массой народа ...Для этого я предлагаю присягу" То есть связать "нравственную нитью ...нравственной обязанности... И ...соединить сословие крестьян с тронem ...неразрывным союзem Веры" (ВЛ, 106). Сравним слова фон Фока: "Многие (из "благочестивых" — А.А.) предлагают свои услуги даром, чтобы ...давать полезные советы, ...направлять общественное мнение в интересах

правительства, преследующего только одну цель: **противупоставить грозный оплот** господствующим преступлениям и испорченности, поколебавшим в своем основании нравственные силы народа" (РС, 1881, X, 321).

Приведем слова Уварова из отчета о посещении им Московского университета в 1832 году: это "направление к трудам постоянным (изучению отечественной истории. — А.А.) ...служило бы некоторою опорой против влияния так называемых *европейских идей*, грозящих нам опасностью, но силу коих ...преломить нельзя иначе, как через наклонность к другим понятиям, к другим занятиям и началам. В нынешнем положении умов нельзя не умножать, где только можно число **умственных плотин**. Не все они окажутся, может быть, равно твердыми, равно способными к борьбе с разрушительными понятиями, но каждая из них может иметь свое относительное достоинство, свой непосредственный успех" [6. Т. IV. С. 85]. А вот отрывок из статьи профессора Давыдова "О назначении русских университетов" 1849 года, статьи, отредактированной и исправленной Уваровым, ее пафос — защитить университеты от грозящего им разгрома: "Университетам, имеющим дело с идеями, элементом, непрерывно изменяющимся, предстоит непрестанная с ними борьба. Для идей нет ни стен, ни таможен: при всей бдительности оне, неудержимые и неуловимые, переносятся через моря и горы; против них один **оплот** — народное образование, основанное на ...Вере, преданности ...Государю и любви к православной России"²⁸. Уваров писал об университете св. Владимира: это "**умственная крепость**, которая строится близи *военной*" [33. С. 130].

Булгарин пишет: "**Препоны** деятельности ума и чувства" (ОМ, 583—584). "Самые сильные **препоны** для словесности и наук воспоследовали от ...повеления ..1822 г., которым запрещено было всем служащим писать и публиковать о делах, до службы касающихся, и о внутреннем и внешнем положении России, без позволения начальства" (ОМ, 586). Сравним слова из Именного Указа Александра I от 9 февраля 1802 года: "освободив сию часть (книгоиздание. — А.А.) от **препон**, по времени сделавшихся излишними и бесполезными, возвратить ее в прежнее положение" [81. С. 73]. (Речь здесь идет об Указе Екатерины II от 15 января 1783 года "О уничтожении цензур ...о дозволении учреждать вольные типографии...", впоследствии отмененном.) У А.С. Шишкова: необходимо поставить между злом и добром (Россией и

Францией. — А.А.) "стену, дабы зло не прикоснулось к нам" [101. Т. I. С. 442]. Из Устава цензуры 1826 года, п. 3: назначение цензуры — "**ограждение** Святыни, Престола, поставленных от него властей, законов отечественных, нравов и чести народной" Сравним уже цитировавшиеся слова П.И. Кутузова, попечителя Московского университета, писавшего в 1810 году министру народного просвещения А.К. Разумовскому: "Вы знаете, что оныя (сочинения Карамзина. — А.А.) исполнены вольнодумческого и якобинского яда. ...И вы, и я дадим ответ перед судом Божиим, когда не ополчимся противу сего яда, во тьме пресмыкающегося, и не поставим **оплота** сей тлетворной воде, всякое благочестие потопить угрожающей" [70. С. 62—63].

Образы стены, плотины, оплота, препон, препятствия, ограждения в своей совокупности составляют комплекс защиты—препятствия—ограды. Эти образы, а также темы ограждения, защиты встречаются на всем протяжении российского политического дискурса, вплоть до наших дней. (Например, лозунг 1970-х годов: "СССР — оплот мира во всем мире!") Из приведенных примеров видно, что в этом комплексе есть две темы: **препятствия и ограды**.

Препятствие может в том или ином образе выступать как **плотина, предохраняющая от напора воды**, или как **стена, разделяющая** и защищающая. Ограда во всех образах несет функцию **отделения и защиты**. Различие между ними в том, что ограда — образ, предполагающий ограждение со всех сторон, круговую защиту, очерченность пределов, а препятствие — это тот же образ, но как бы редуцированный до защиты определенного участка, подвергающегося какой-либо угрозе. В обоих образах есть тема разделения, разграничения, отделения (добра от зла, народа от злонамеренных, святынь и престола от сакрального зла и т.д.), тема защиты от внешней экспансии (вредных идей, влияний, сакрального зла) и тема препятствия-ограды, служащего одновременно и разделением, и защитой. (Как представляется, этот образ, как и образ пламени-разрушителя, имеет мифологические корни: предел, кромка, за которым хаос, кромешность, угрожающие порядку.)

Разберем теперь наполнение этого образа. Цитируя, мы выделили два блока: "булгаринский" и "шишковский" Образы "шишковского" блока моделируют двухчастную реальность: область сакрализованного зла, дьявольского, inferнального начала и область сакрализованного добра. При этом и зло и добро — кон-

кретизированы. С одной стороны — Франция, сочинения Карамзина (в первом примере Франция — это даже не образ, а символ зла), с другой стороны — сакральное государство, святыни, благочестие. Чтобы избежать порчи, "потопления" добра, необходимо добро охранить — воздвигнуть стену. Природа стены определяется пониманием природы двух разделенных миров. Конкретизирование добра и зла — в реальных социальных отношениях, политических институтах — позволяет и разделяющую два мира стену мыслить вполне материально: как систему запретов и физических мер (в терминологии Булгарина — "полицейских средств"), воплощенных в институте цензуры, например.

У Булгарина, Уварова, Фока образы оплота, плотины также создают картину мира, разделенного на зло и нечто, что надо от этого зла уберечь. Но при этом угрозу представляет не персонафицированное зло, не символы Зла, а "идеи" и "намерения". Идеи угрожают (и угрожали) не только российскому народу, юношеству, но и другим народам. Соответственно и "плотины", и "стены", которые должны ограждать от "идей", имеют **иную** природу, чем "стены" Шишкова и Кутузова. Это не цензурные запреты, но именно **умственные** плотины. Это **идейное** влияние, способное нейтрализовать воздействие "вредных идей" и "вредных людей", это "народное образование, основанное на Верности, преданности... любви...", это "нравственные обязанности"

Образ Уварова "умственные плотины" уже обращал на себя внимание исследователей. Посмотрим, как толкуют эти "плотины" известные ученые В.Э. Вацууро и М.И. Гиллельсон в своей книге "*Сквозь "умственные плотины"*": "Правительство спешило воздвигнуть "умственные плотины": так называл министр народного просвещения Уваров всевозможные инструкции и указания, направленные против отечественного просвещения, книгопечатания, литературы" [17: С. 4]. А для известного историка N. Riasanovsky, автора монографии об уваровской триаде, "умственные плотины" (у него — intellectual dams) характеризуют желание Уварова отодвинуть Россию назад лет на пятьдесят. То есть опять же идея умственных плотин толкуется, как реакционная преграда на пути исторического развития [17. С. 182].

Но у Уварова идет речь об **идейных** "плотинах". Смысл слов Уварова в том, что толстые научные журналы будут способствовать серьезным научным исследованиям отечественной истории, что эти исследования позволят выяснить и разработать истинные

начала "нашей народности" И вот тогда, **опираясь на эти "истинные начала"**; **возможно будет противостоять различным "влияниям"**. То есть речь шла о феномене прежде всего идейного, духовного плана, а не о цензурных запретах. Именно эти "истинные начала" и смогут быть той плотинкой, которая не позволит "разрушительным идеям" стать российской идейной реальностью. Также и задача "умственной крепости" — киевского университета — "влиять на образ мыслей", влиять на "дух польской национальности ...слить его с общим русским духом" [33. С. 129—130]. Для действий же карательного порядка предназначены "военные" крепости.

Только внимание к идейному контексту, к идейному содержанию образа позволит нам правильно его интерпретировать, увидеть за "умственными плотинами" не только "реакционную политику" реакционного министра в отношении отечественного просвещения (для которого Уваров сделал достаточно много*), но и факт напряженной идейной борьбы. Борьбы не только европейских "влияний" с российскими "началами", но и столкновение мировоззренческих парадигм, где Уваров оказывался в одном идеологическом пространстве с Булгариным и французскими просветителями, а им оппонировали Шишков, П.И. Кутузов, люди с иным восприятием мира. Именно последние понимали "плотины" как "запреты" Этим мнениям противостояли другие: "для идей нет ни стен, ни таможен" Поскольку не запретами достигается цель государственной политики, а, наоборот, "некоторою гласностью", "убеждением" и возникновением "нравственных обязанностей" Речь идет не о том, что Уваров или Булгарин призывали отказаться от карательных мер, а о другом понимании той роли, которую должны играть карательные меры, о другом комплексе идей, лежащем в основе рассуждений об опасных влияниях.

Вспомним хотя бы о том, что Уваров всегда энергично защищал университеты от обвинений обскурантов, при нем был принят довольно либеральный университетский устав 1835 года, расширена практика стажировок молодых ученых — будущих профессоров — в зарубежных университетах, он поддержал идею еврейского светского начального образования, при нем возникло реальное образование. И хотя Белинский недаром называл Уварова "министром погашения и помрачения просвещения в России", необходимо признать: у этого министра есть заслуги перед российским просвещением.

"При первом взгляде на общество, les parties hétérogènes тотчас отделились от parties homogènes" (фр.: "партии разнородные", "партии однородные") (АИ, 301). "Она (записка. — А.А.) была сочинена неким галицийским помещиком Страковским, партизаном Австрии и неприятелем России" (партизан — из фр. partisan: "сторонник; приверженец партии") (АИ, 300). "Как журналист и как чужой человек, мне надобно было иметь литературную партию, и я искал связей" (sic) (АИ, 301). "Наши дворяне ...отлучаясь, так сказать, от своей партии, составляют некоторой род оппозиции" (ВЛ, 105). "Цензура состояла сперва под влиянием мистицизма, а ныне состоит под влиянием противной ей партии. ...Из сего борения партий не произошло никакой пользы для веры и нравственности..." (ОМ, 584—585).

В приведенных примерах очевидным образом проявляется отсутствие у слова "партия" лексического значения политической организации как основного значения, возникшего в более позднее время. И такое словоупотребление не случайно. «Слово "партия" с начала XIX века служит для обозначения различного рода общественных группировок, в том числе и для обозначения обширных групп политических единомышленников», — считает Ю. Соколин* [86. С. 326]. Синонимами партии в 1820-х годах были группа, кружок. Отчетливое политическое значение у этого понятия возникает значительно позже, к концу XIX века.

Сравним следующее место из записки декабриста А.О. Корниловича, поданной им в 1830 году из крепости: "выгоды, доставляемые сими правлениями (конституционными монархиями. — А.А.), искупаются духом партий, поселяющим **раздор между согражданами**, подавляющим всякую любовь к **делу общественному** и заменяющим чувство патриотизма видами корысти и честолюбия" [103. С. 337]. Корнилович писал записку в крепости, в навязанной ему ситуации, но отметим, в каком контексте возможно было употреблять это выражение. Мы видим очевидное противопоставление "духа партий" — "общественному делу", "патриотизму". Значение "духа партий", притом, что речь идет об

* Отметим, что слово "партия" в вышеприведенном значении появляется в русском дискурсе значительно раньше. Во вступительной статье к "Примечаниям" к "Санкт-Петербургским Ведомостям" от 1 января 1730 года говорится "о великих разностях вер и партеи". (Цит. по: Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 25)

английских партиях, то есть о партии в современном (политическом) смысле слова, является примером архаичной (классической) парадигмы — пристрастность, своекорыстные интересы. В то время, как истинную ценность имеют лишь "правления", **объединяющие** в своем составе все общество, например монархия.

Из приведенных примеров видно, что участники дискурса еще помнили его происхождение из французского слова *parti*, а оно, в свою очередь, из латинского *pars, partis* — часть. Основное семантическое значение этого понятия в русском языке того времени — не политическая группа, оппозиция, а **разделение, разъединение общества на части** (обычно с отчетливыми *отрицательными* коннотациями, причем не только в словоупотреблении "архаистов" типа Шишкова). Даже если "партия" употребляется в политическом значении, то подразумеваемая оппозиция, скажем, "дворянской партии" — это не партия противоположного политического лагеря или социального слоя, а **единство общества**.

В словоупотреблении Булгарина и Корниловича можно увидеть и существенное различие. У Булгарина в значении слова "партия" нет выраженной оценки, оно эмоционально нейтрально. Понятие отражает существование определенного социального феномена — разделения общества по взглядам, политическим интересам: дворяне, "пользуясь всеми правами и преимуществами в государстве" все же "отлучаются... от своей партии" (ВЛ, 105). Само же подобное разделение воспринимается Булгариным без априорных отрицательных коннотаций и соответствует просветительской парадигме. У Корниловича же актуализирована не современная ему политическая парадигма Нового времени, а классическая, с характерными для последней образами: "патриотизм", "общее дело", "гражданин", то есть более архаичная, чем у Булгарина. Общество как единое целое (синоним — семья), объединенное "верой отцов", преданностью престолу, духовным родством — одна из высших ценностей классической парадигмы — в новой исторической, идейной реальности воспринимается распадающимся на части: по интересам, по убеждениям. Не дифференцирующимся, усложняющимся, совершенствующимся, а распадающимся, разрушающимся.

Сравним традиционные отрицательные коннотации слов "отщепенец", "раскольник", "отступник" при их общем значении "нару-

шитель единства": единство либо "расколото", либо его "расщепили", либо от него "отступили" Старинное слово "отщепенец", согласно словарю Даля, имело значение: "Отщепившийся по разномумыслию от общества, паствы, церкви; раскольник, отступник, еретик"³⁰. В 1860 году это слово употреблял Чернышевский при обсуждении проблем церковного раскола, конфессиональной проблематики: славянофилы полагают, что "славянская народность тождественна с православием. Чехи, словаки, хорваты — отщепенцы от этой основной стихии славянства" [86. С. 480].

ОБРАЗ ГЛАСНОСТИ

Частично мы уже писали об этом образе в разборе полемики Булгарина и Шишкова. Сейчас мы лишь несколько дополним те рассуждения анализом обнаруженных нами архивных материалов, примерами из российской публицистики середины XIX века, а также примерами, приведенными Ю. Сорокиным в его монографии.

Для того чтобы правительству "быть не только любимым ею (публикою. — А.А.), но даже обожаемым", есть "два средства: справедливость и некоторая гласность (publicité)" (ОМ, 581). "Совершенное безмолвие порождает недоверчивость и заставляет предполагать слабость; неограниченная гласность производит своеволие, гласность же, вдохновенная самим правительством примиряет обе стороны и для обеих полезна" (ОМ, 581).

В ЦГАОР хранится неопубликованное письмо Н.И. Греча, компаньона и соиздателя Булгарина, написанное в III отделение и датированное 31 марта 1826 года. Это письмо написано практически одновременно с запиской Булгарина "О цензуре в России..." Греч пишет: "Исполнение сей меры (разрешение "партикулярным Журналам ...судить и писать о предметах общего в публике разговора" — А.А.), кажется, удобнее начать в нынешнее время, когда общее благо, правосудие, исполнение законов сделались целью всех мер Правительства, когда благородная гласность в самом щекотливом деле прекратила все вредные об оном слухи и остановила все преувеличения"³¹. Там же, в ЦГАОР, мы обнаружили документ, обозначенный в архивной описи как "Записка (Греча Н.) под заглавием "Мнения и толки о гласности и законной свободе тиснения" (печати)". Сама записка называется: "Мнения и толки на щет гласности и законной свободы тиснения"³².

Автор записки пишет: "Кроме бешеных людей, нет в России таких, которые бы желали революций. Правосудие, умеренная гласность в делах, свобода в тиснении кроме политики и Веры — вот три краеугольных камня, на которых возвысится Россия и вознесет своего Государя на верх славы"; "Все, что только сосредотачивается в Царском кабинете подлежит ныне гласности"³³.

Пушкин писал в 1831 году: "Нападения на писателя и оправдания... суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц... к одному из главнейших условий высокообразованных обществ" [74. Т. VII. С. 197].

Ю. Сорокин считает, что "гласность" только к середине XIX века "приобретает очень актуальный терминологический смысл" Он цитирует выписку лексиколога П. Кеппена (1862): гласность — "Право каждого выражать свои мнения относительно разных правительственных мер и учреждений" [86. С. 198], сделанную им для иллюстрации нового, еще не отмеченного в Академическом словаре значения слова. Найденные нами случаи систематического употребления этого слова в вопросах, касающихся свободы печати, отодвигают время возникновения нового значения "гласности" к началу XIX века.

Обратим теперь внимание на модальность, с которой разные авторы употребляли слово "гласность", на их отношение к этому понятию. Для Булгарина, Греча и Пушкина — это явно авторитетный образ. То же самое можно сказать и о Герцене, который в 1856 году писал в статье "*Вперед, вперед*": На первый случай вся программа наша сводится на потребность *гласности* и все знамена теряются в одном — в знамени *освобождения крестьян с землю*. Долой дикую цензуру и дикое помещичье право"³⁴. В последнем примере очень важна дата — 1856 год — слухи о готовящихся реформах, ожидание реформ, время чрезвычайной общественной активности. Имея в виду именно это время, Салтыков-Щедрин писал позже в "*Благонамеренных речах*" (1872—1876) (от лица "либерала"): "Я не жил в то время, а реял и трепетал при звуках: "гласность", "устность", "свобода слова", "вольный труд", "независимость суда" и т.д., которыми был полон тогдашний воздух" [86. С. 198].

Но уже в 1859 году Чернышевский пишет: "термин гласность мы не решаемся употреблять, до того он опошлится" ("Опошлится", то есть было время, и совсем недавно, когда этот "термин" был полон авторитетного смысла!) Тот же Щедрин в "*Господах ташкентцах*" (1869—1872): "устность" и "гласность" —

"пикантные видимости" Д.Д. Минаев в *"Дневнике Темного человека"* (1863): "Гласность — прежнее страшилище, всем приелась в краткий срок..." [86. С. 198]. Председатель комитета для пересмотра цензурного устава действительный статский советник Берте писал в своей записке: "литературные органы гласности, приобрев или придав себе большую свободу слова сравнительно с прежнею..." [84. С. 391]. И снова Н.Г. Чернышевский (1862 год, *"Письма без адреса"*): "Первою чертою дела для примера пусть послужит так называемая гласность — это ...бюрократическое выражение, придуманное для замены выражения "свобода слова", и придуманное по догадке, что выражение "свобода слова" может показаться неприятным или резким кому-нибудь..." [86. С. 198—199].

В 1860-х годах у "гласности" появляется и терминологическое значение. Вот как в *"Энциклопедии военных и морских наук"* под ред. Г.А. Леера определялись условия производства дел в судебном заседании: "1. Публичность. 2. Гласность. 3. Устность" [86. С. 198—199].

Мы видим, что во время подготовки Великих реформ, в середине 1850-х годов, по крайней мере для части участников российского дискурса, "гласность" оказывается значимым и авторитетным понятием. Постепенно этот авторитет утрачивался. Для Чернышевского спустя всего несколько лет "гласность" оказывается **выдумкой бюрократа**. Но даже при том, что Чернышевский отмечает некий межумочный характер явления, обозначаемого "гласностью" (в образах Булгарина — что-то среднее между "молчанием" и "неограниченной гласностью"), "гласность" для него входила в один блок со "свободой слова". А последнее понятие является маркером для известного комплекса идей. Этот комплекс идей самым очевидным образом представлен и в процитированной выше записке Булгарина: три "краеугольных камня", на которых возвысится Россия — это "правосудие, умеренная гласность в делах и свобода в тиснении кроме политики и Веры"

Появление и эволюция этого образа в российском политическом дискурсе всякий раз были не случайными, а закономерными. При первых же симптомах некоторой государственной открытости (воображаемой, как в 1826 году, или действительной, как в середине XIX века и в 1980-х годах) возникает потребность в гласности. "Гласность" оказывается значимым, авторитетным образом, антонимом "замолчанному". Образ наделяется высокой ценностью, обусловленной тем, что оппозицией ему служит "молчание". Все, что хотя бы немного не молчание — благо. Ес-

ли власть обращается к политике гласности, этот образ-понятие какое-то время продолжает оставаться значимым, авторитетным образом. Затем, если общество оказывается готовым к восприятию более полной информации, способным к ее оценке и выводам из нее, а правительство медлит с расширением гласности, этот еще недавно значимый и авторитетный образ быстро девальвируется. Становится очевидным межеумочный характер обозначаемого им явления. Оппозицией гласности становится уже не "молчание" (как у Булгарина), а "свобода слова". А сама гласность воспринимается как сознательная политика властей, как обман. (Очевидно, что в 1820-х годах политика гласности значительно дольше удовлетворяла бы общество, чем в середине XIX века и в наше время.)

Именно такую политику и предлагал Булгарин: его "гласность" — для "истинно просвещенных людей", а "для всех вообще" — "какая-нибудь маловажная" тема для обсуждения, "например, театр". Реализовывать гласность — привилегия особо доверенного органа печати и особо преданных журналистов. И привилегия выгодная, так как "публика интересуется политикой"! Как преуспевающий частный издатель Булгарин стремится к еще большей прибыли, но, будучи предпринимателем в России, в начале XIX века, едва ли не более он стремится к тому, чтобы быть замеченным и использованным в качестве "способного" человека, на службе правительства.

МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ

Существует история великих идей и великих имен, история идей свободы, демократии, прав человека, религиозных и научных идей, а есть история идеологических систем, история идеологических процессов. Последняя показывает, как происходит становление идеологических систем, как оригинальные идеи из великих книг, размышлений философов, становятся мировоззренческой позицией ординарного идеолога, обычного политического публициста. История идеологических процессов — это история трансформаций, становления идеологических систем в их столкновении с другими системами, это рассказ о том, как идут почти незаметные на первый взгляд процессы усвоения обществом новых (или возрождения забытых) идей, их актуализации и дискредитации. Эти идеологические процессы напоминают процессы, идущие в языке: они медленны, малозаметны, но они затрагивают самое существо, самое ядро нашего существования, наш взгляд на мир.

"Материальным носителем" идей является язык. Все изменения в идеологическом пространстве, все идеологические процессы отражаются в языке, в частности в образах, понятиях, с помощью которых идеологи, политические писатели описывают действительность. Верно и обратное: любые изменения в образно-понятийной системе, возникновение новых образных комплексов можно расценивать, как свидетельство, как характеристику происходящих идеологических процессов. Изучение образно-понятийных систем политических текстов помогает понять суть этих идеологических процессов.

Именно эта задача и стояла перед нами, когда мы анализировали образную систему текстов Булгарина. В его текстах мы выделили и рассмотрели несколько "гнезд" образов: механическую метафору, стихийно-органическую, метафору воспитания. Механическую метафору мы понимаем как важнейшую часть просветительской мировоззренческой парадигмы. Органическую метафору у Булгарина (зародыша, растения, ферментации) мы толкуем как влияние формировавшегося в политическом дискурсе 1820-х годов стихийно-органического комплекса (по своим истокам частично относящегося к романтической эстетической системе, а частично — к естественнонаучной парадигме). Возникает естественный вопрос: в каком отношении находятся друг к другу эти образные комплексы? Ведь мир, который задает стихийно-органическая метафора, его рамки несовместимы с тем миром, который возникает при использовании механической метафоры. Но у Булгарина стихийно-органическая метафора, являясь значимой, не оспаривает значимости, авторитетности метафоры механической, не оспаривает авторитет Разума! Что же происходит?

Стихийно-органическая метафора употребляется им для характеристики, объяснения идеальных феноменов: идей, мыслей, "влияний", — а также для характеристики отвлеченных понятий. Они "рождаются", "бродят", "воспламеняются", "укореняются" и т.д. Эти органические, природные неуправляемые процессы врываются в стройный, детерминированный, организованный мир, построенный, как механическая модель. Но не разрушают его и не начинают играть определяющую роль. Стихийные, природные неуправляемые процессы "брожения", "укоренения", "напора", "ветра", "пожара" находят противостоящее им организующее начало в виде "культурных образов". Ветер нельзя унять, но его используют, он надует паруса и движет корабль. Напору проти-

востоит "стена", пожар стараются "потушить", за нужным растением "ухаживают", вредное — "искореняют"

Основу выстроенного мира в разбираемых текстах составляет не органическая или механическая метафора, а противостояние природного ("стихийного") и "культурного" комплексов. Стихии, природе — "массе", "пламени", "стаду" — противостоит культурная сила: "министр", управляющий массой, "пастух", "искусные псы", останавливающие стадо, "высшая полиция", наблюдающая за "пламенем", "пожаром", "тлеющими углями" Природное, органическое, стихийное подвергается организующему, упорядочивающему "влиянию", "управлению", "воспитанию", "направлению" У ручья меняют течение. Растениям "дают свет и влажность в одинаковой пропорции" "Умам", "убеждениям" дают "направление", ставят на "истинный путь" "Влиянию" ставят "преграду" Стихийному началу — революционным настроениям, разнообразию европейских идей, юношеским "незрелым умам" — Булгарин противопоставляет цивилизаторские усилия правительства, чиновников, воспитателей, тайной полиции, преданных литераторов. Подчеркнем, что образы, использованные Булгариным, акцентируют не карающую, а воспитательную, цивилизаторскую функцию правительства.

Генезис булгаринской "культурной" метафоры можно проследить в традиции классицизма. Стихийным, природным силам противостоит "культурная" деятельность человека, оберегающего свой мир от стихии, упорядочивающего, организующего эту стихию в рамках, задаваемых самим деятелем. Природа, Стихия подчиняется Разуму. В этом контексте Булгарин предстает не как жесткий механицист, рационалист, но как носитель "культурного" начала. Начала, противостоящего стихийно неорганизованным силам природы (пожарам, напорам, вредным растениям), использующего их в своих целях (ветер—корабль—паруса).

Стихийная, органическая метафора в текстах Булгарина не играет еще той значительной роли, какую она приобретает у идеологов романтической реакции на Просвещение. Она осознается им как начало враждебное, часто опасное, но при этом поддающееся окультуриванию, действиям садовников, матросов, "управляющих"

Значение противостояния этих образных систем в текстах Булгарина тем более велико, что оппозиция "культура—стихия" — это одна из постоянных составляющих динамики человеческой

мысли, в том числе и эстетических воззрений. Это своего рода архетипическая парадигма. (Вспомним мифопорождающую оппозицию хаоса и космоса, где космос — это, в частности, упорядоченное общественное устройство.)

В образной и понятийной системе Булгарина почти не осталось места для символов сакральных, она, так сказать, секулярна. "Воздействие", "воспитание", "направление" в этой системе наряду со старыми институтами (например, чиновником) осуществляют также институты новые ("учитель", "литератор"). Сильно возросла роль "тайной полиции". А вот роль церкви как субъекта "управления", "влияния" практически исчезла. В том мире, который выстраивает Булгарин, "влияют" на ум, на "убеждения" и влияет тот, кто может убедить: учитель, литератор. В системе мира, которая возникает из рассуждений Шишкова, влияют на душу, на веру, соответственно роль эта возложена на священника (или "отца родного").

Комплекс понятий, связанных с "влиянием" изменился. **Вере**, подчинению на основе уважения традиции, авторитета силы и духовного авторитета начинает противостоять **"убеждение"** на основе уважения и доверия к источнику информации. Разница между двумя "влияниями" соответствует разным представлениям об обществе и человеке, о природе человека, а в целом — разным картинам мира. Сменилась, стала менее авторитетной та основная ценность, на которую ссылались прежняя мировоззренческая система, на которой строилась вся картина мира. Авторитет сакрального порядка сменился авторитетом разума, целесообразности, авторитетом "духа времени".

Эти изменения связаны с происходившими в XVIII веке идеологическими процессами, с тем, что утвердилась и стала авторитетной новая картина мира. Эта новая картина мира, выросшая из астрономических, физических, математических открытий XVII—XVIII веков, из экономических, правовых, политических теорий и философских построений, стала к концу XVIII века фактом сознания среднего образованного человека. Изменения претерпели все мировоззренческие установки, в том числе и общественно-политические. В "XVIII веке политическое и этическое мышление пошло по рациональному руслу. Но конечным результатом было не столько создание новой общественной науки, сколько возникновение политической идеологии, или, вернее, группы таких идеологий", — считает Крейн Бринтон, специалист по истории идей [12. С. 162].

В прежней, сакральной мировоззренческой системе огромная тяжесть властных полномочий принадлежала Творцу, внеположенному человеку субъекту управления. Существующие в том или ином европейском христианском государстве властные структуры были лишь передаточным механизмом в осуществлении высшей воли. И вот в связи с изменившимися представлениями о роли Творца этот объем власти в новой картине мира спустился на собственно человеческий уровень. И этой властью необходимо было распорядиться. В политической жизни возникла проблема перераспределения властных полномочий в соответствии с новым взглядом на мир, на общество, на человека. На уровне мировоззренческом возникла необходимость объяснения произошедших в понимании мира перемен.

Приведем один характерный пример. Булгарин пишет: "Высшая полиция — вещь невидимая, неосязаемая, dont le centre est partout et la circonference nulle part" (центр которой везде, а окружность нигде) (Р, 30).

Этой метафоре "сфера, центр которой везде, а окружность нигде", посвятил свое эссе "*Сфера Паскаля*" Борхес (11, 200—202. См. там же комментарий Б. Дубина). В европейской средневековой богословской и философской традиции этот образ связывался с Богом и был очень популярен. Вот, например, формулировка, относящаяся к III веку: "Бог есть умопостигаемая сфера, центр которой находится везде, а окружность нигде" Этим образом пользовался Джордано Бруно, чтобы описать Вселенную, и Паскаль, говоря о Природе. Причем последний в черновом варианте писал: "устрашающая сфера".

Булгарин, используя эту метафору для описания тайной полиции, внес в нее бодрую интонацию европейского Нового времени. Он наполнил новым содержанием старую метафору бесконечности и совершенства. Мы видим, что Булгарин наделяет тайную полицию высочайшим статусом, оценивая ее роль в обществе как чрезвычайно важную. Функции, присвоенные Булгариным тайной полиции: "знать людей", "делать добро", "воспитывать", "истреблять", "изгонять" Некоторые из этих функций выполнялись ранее церковью и отчасти отдельными государственными институтами. Но их выполняли (и воспринимали) исходя из априорной предпосылки о существовании повсюду и везде Бога, и только поэтому все эти действия имели смысл. С отказом от "гипотезы" Бога выполнение этих необходимых социальных функций должны были взять на себя какие-то социальные институты. И не просто взять на себя, но этому надо было найти идеологическое оправдание!

Ведь совсем не все общество было готово к новому мировосприятию. Возник дефицит понимания мира, без которого (понимания) невозможно не только этим миром управлять, но элементарно в нем ориентироваться.

Булгарин со своими записками, обращаясь к императору, Бенкендорфу, выступил в роли, которую в Европе, во Франции, Англии исполняли политические публицисты: объяснить, что произошло с миром в последние десятилетия, растолковать на доступном публике языке новые политические, социальные, идейные феномены, сделав их тем самым политическими, социальными реалиями. Основываясь на новых знаниях о мире, создать новую картину мира, сделав ее доступной сознанию грамотной части общества. Разница, и очень серьезная, состояла в том, что в качестве аудитории у него выступала не публика, а император и шеф жандармов.

Как мыслитель Булгарин вторичен. Все основные тезисы о том, как должно быть устроено общество, об отношениях человека и власти, о ходе исторического процесса, в рамках которых рассуждает Булгарин, были произнесены задолго до 1826 года. Но в российском обществе все эти проблемы, будучи известными "просвещенной" части общества, на уровне "публики" оставались необсужденными, непроговоренными. Существовал, так сказать, "идеологический заказ" на объяснение становящегося порядка вещей. Ободренные призывом нового императора к сотрудничеству с властью, выраженным в Манифесте от 13 июля 1826 года, отдельные представители образованной (и лояльной!) части общества восприняли его как возможность высказаться. Сделать это было можно в форме записок на имя императора. Во второй половине 1820-х годов такие записки писали не только Булгарин и Греч, но и Пушкин, и Вяземский, и многие другие. Почти все обращавшиеся к царю стремились выполнить две задачи. Во-первых, изложить свое понимание насущных проблем общества и убедить власть в верности именно такого взгляда на проблемы частной и общественной жизни — от системы воспитания до законодательных предложений. Во-вторых, предложить власти программу действий в тех сферах, к обсуждению которых их допускали: реформа системы образования, крестьянский вопрос, военные поселения, литературная политика, цензура и т.д. Совсем не все писавшие записки исходили при этом из корыстных побуждений. В течение нескольких лет после воцарения Николая I в среде политически ангажированной части общества (то есть интересовавшейся, думавшей о политике) сохранялось мнение не только

о насущности, но и о возможности реформ. И это мнение под-держивалось властью. (Подробнее см. в Заключении.)

Многие из авторов этих записок принадлежали именно к "просвещенному" слою общества и при всем различии в понимании конкретной действительности и Пушкин, и Булгарин, и "сектант" Вяземский (по выражению Булгарина) в своих рассуждениях опирались на один и тот же культурный опыт — на опыт европейской культуры Нового времени. За декларациями российских идеологов, например, размышлениями Булгарина о высшей полиции, мы видим прежде всего стремление восполнить очевидное ощущение дефицита властных, санкционированных каким-то высшим авторитетом полномочий, восполнить пустоту, которая образовалась с дискредитацией "сакрального" понимания общественно-политической системы. Пустота эта требовала заполнения, по возможности адекватного прежде всего всевидящему, тотальному присутствию Всевышнего. Теперь эту роль должны были исполнять либо члены общества, либо какие-то государственные структуры. Основная часть властных полномочий, в той картине мира, которую нарисовал Булгарин, присваивается правительственно-полицейским структурам. И лишь небольшая часть этих полномочий спустилась к элементарной единице общественного устройства — члену общества. У Булгарина это учитель, литератор, читатель. Они обрели как априорное "право мысли", право на обсуждение, право на "некоторую гласность"

Конечно, ни Булгарин, ни Пушкин, ни Уваров не говорили о "властных полномочиях", о "сакральном авторитете", о перераспределении властных полномочий. Все эти выводы о происходивших в начале XIX века идеологических процессах мы смогли сделать на основе идейно-стилистического анализа их текстов.

Идеологические процессы идут непрерывно. И уже в начале XIX века стали отчетливо видны новые тенденции. Шла смена мировоззренческих парадигм, и она выражалась в смене классической поэтики романтической. Вероятно, не без влияния эстетического дискурса начинается развитие романтического метафорического комплекса и в дискурсе политическом. В 1820—1830-е годы в российском политическом дискурсе можно отметить такие оппонирующие образные комплексы, как классический, просветительский и развивающийся романтический. Влияние просветительского комплекса еще отчетливо в булгаринских текстах, но уже у Уварова прослеживается сильная романтическая струя.

В российском дискурсе "механический" комплекс образов (важнейшая часть просветительской парадигмы) стал утрачивать свою

авторитетность только к 1840-м годам в борьбе с другими набирающими авторитет парадигмами. Но, превращаясь во фразеологизмы, утрачивая идейную актуальность, эти образы все же не были вытеснены из политического обихода и продолжали оставаться в активном слое политической лексики.

Следующему после Булгарина поколению российских идеологов механическая и органическая системы могли казаться разными и даже взаимоисключающими. Писарев, например, писал: "Иногда общественное мнение действует на историю открыто, механическим путем. (Либо) химическим образом, давая незаметно то или иное направление мыслям самих руководителей" [86. С. 402]. Образы из механического комплекса, еще совсем недавно авторитетные или нейтральные, получают в толковании новых идеологов отчетливые отрицательные коннотации. В статье "*Идеализм Платона*" (1861) тот же Писарев говорит: "В государстве Платона есть чиновники, воины, ремесленники, торговцы, рабы и самки, но людей нет и не должно быть. Каждая отдельная личность есть известной формы и величины винт, шестерня или колесо в государственном механизме..." [69. Т. I. С. 93]. Здесь отчетливо видно противопоставление либеральной идеи "отдельной личности" рациональной идее "механизма". Причем эта рациональность начинает осмысляться как признак тоталитарности. (Вспомним известную сталинскую метафору людей-винтиков.)

Белинский противопоставляет механическую и органическую модели государства в пользу органической: "Человеческое общество, народ или государство есть не искусственная машина... но живое тело, плоть и кровь, одушевляемые духом" [86. С. 384]. Мы видим не случайное, а сознательное отчетливое различие и противопоставление двух образных систем³⁵.

Все это показывает, что шел очередной этап споров о природе общества. "В начале XIX века ...на смену механическому пониманию общества является органическое воззрение", — писал известный правовед и философ Е.Н. Трубецкой [92. С. 246]. На уровне языка — основного носителя идеологических смыслов — процессы, происходившие в идеологическом пространстве, выражались в противопоставлении механической и органической метафор, в столкновении разных образно-понятийных комплексов. Именно поэтому, чтобы лучше понимать сущность происходивших (и происходящих!) идеологических процессов, необходимо изучать образную, понятийную системы, а также и другие элементы риторического уровня политических текстов.

ЗАПИСКИ БУЛГАРИНА В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (вместо заключения)

Длительная традиция нашей исторической науки связывать разные взгляды, мировоззрение с принадлежностью к разным классам, к разным социальным слоям до сих пор во многом определяет наш подход к историческим событиям. Это мощная позитивистская традиция, и она явно или неявно присутствует не только в отечественных, но и во многих зарубежных работах, затрагивающих идеологическую проблематику.

Большая степень обусловленности мировоззрения средой, принадлежностью к социальному слою очевидна. Но все объяснения исторических событий, исходящие только из теории среды — оказываются несостоятельными. (Глупо, например, отрицать связь между поведением и потребностью в пище, но столь же глупо эту связь абсолютизировать, разумеется, если речь не идет об экстремальных ситуациях.) Такой подход сводит значение Указа о вольности дворянства, изданного Петром III и подтвержденного Екатериной II, к тому, что Дарья Салтыкова ("Салтычиха"), запоровшая нескольких своих крестьян, и А.Р. Воронцов, один из просвещеннейших дворян того времени, получили новые привилегии.

Классовые интересы, безусловно, реальны, но не менее реальны, не менее значимы и различия в мировоззрении внутри одного и того же класса (так же, как и совпадения во взглядах, в интересах у представителей "антагонистических классов"). В среде одного класса по-разному поняли не только Указ о вольности дворянства. Само крепостное право было для одних дворян "рабство тощее" ("Деревня" Пушкина), и к этим дворянам примыкали семинарист Сперанский, купеческий сын Полевой, крестьянский сын Никитенко. А другие дворяне не могли понять, почему Александр I имел "несчастное предубеждение против крепостного права", характерного "отеческою... яко о чадах, заботою" господ о своих крепостных.

К готовящимся в 1809—1811 годах реформам государственного устройства, к подготовлявшемуся в 1818—1820 годах проекту конституции русские дворяне тоже относились по-разному. На вопросы об отношениях между сословиями, о правах и привилегиях у них были разные ответы. Но, может быть, это происходило потому, что "сколько людей — столько мнений"? Нет. Все многообразие позиций можно свести к двум: признавалась ли реальность "духа времени", то есть необходимость перемен, или считалось необходимым сохранение существующих социальных, государственных, политических отношений — защита "веры, правительства и прав", как писал Шишков в 1826 году, имея в виду под "правами" сословные привилегии. Людям "бабушкина века", "невеждам", "хамам", "отцам" противостояли "умники", "европейцы", "дети нового века", "молодежь" (Все это названия и самоназвания того времени.) Носители "европейского" комплекса идей противостояли носителям "архаических" воззрений.

Носителями "архаического" комплекса были представители разных сословий (так же как и "европейцы" могли быть из семинаристов). Мнение Шихова и многих других о сути отношений помещиков с крестьянами разделялось, например, и самими крепостными: их баре были "отцами", а они "детьми". У этих крестьян и этих помещиков было одинаковое понимание отношений власти и подданных, были общие правовые понятия, общие представления. Тонкие связи людей, принадлежащих к одной, в данном случае традиционной культуре, делали противопоставление "архаистов" (дворян, крестьян...) "европейцам" едва ли не более значимым, чем противопоставление дворян крепостным. При этом принадлежность к одной культуре не мешала "отцам" своих "детей" пороть, продавать, развращать, а "детям" время от времени брать в руки топоры.

Конечно, и "хамы", и "европейцы" имели и общие сословные интересы: лишь немногие из "европейцев" отказались от владения крестьянами, и еще меньшее число было готово отдать крестьянам землю. Но все же они по-разному видели, называли и понимали существо отношений между помещиком и крепостным, между подданным и властью, смысл патриотизма и русской истории, "русские нравы" и многое другое. Соответственно они по-разному понимали и свои интересы. И причиной этому была не разность социальных положений, не разность материальных выгод, а по-разному понимаемая реальность.

Поясним последнее утверждение, еще раз обратившись к полемике между Булгариным и Шишковым.

Обычно объяснение разных идеологических позиций сводится к разному отношению к власти; но ведь Булгарин и Шишков были абсолютно лояльны власти. Оба — представители одного социального слоя, они рассуждали об одном обществе, а получились разные картины! И не в оттенках, а в коренных проблемах. Почему?

За представлениями, идеями Булгарина и Шишкова стоял, как мы уже отмечали, разный политический опыт, разные культурные традиции. Булгарин исходит из опыта французского общества: политического, социального, идейного. Он развивает идеи французского Просвещения, французской политической мысли начала века, обогащенные опытом правления Наполеона, с его тайной полицией, заигрыванием с общественным мнением и попытками им управлять. Шишков в значительно большей степени принадлежит русской политической традиции. Но от того, что Шишков принадлежит русской традиции, общество, которое вырастает из его рассуждений о гласности, цензуре, власти, отнюдь не более реально, чем булгаринское.

Булгарин, давая свое объяснение отношению общества к "гласности" в обсуждении мер правительства, ссылается на мнение "среднего состояния" читающей публики. При этом у Булгарина среднее состояние не есть *среднее сословие*; это и дворянство, среднее и бедное, чиновники, и купцы, заводчики, и "даже мещане". Объединяет их всех грамотность, это грамотная часть общества. Булгарин отмечает динамичное развитие "среднего состояния" "Это состояние ...образовавшееся и образующееся само собою посредством чтения и сообщения идей". Этот слой постоянно расширяется и постоянно вбирает новые идеи. А Шишков для доказательства ненужности "гласности" апеллирует к восприятию "гласности" сословием крепостных крестьян — сословием, сохранившим наиболее архаичное мировоззрение, особое восприятие печатного текста.

То, что Булгарин ссылается на купцов, заводчиков, обычно воспринимается в русле концепции: Булгарин — выразитель взглядов третьего сословия, *tiers état*. Соответственно в рамках такого подхода, и Шишков — рупор крепостного крестьянства. Нелепость подобного подхода очевидна. Дело в другом. Булгарин и Шишков представляют *разные типы культур*, сложившиеся в

России в начале XIX века: культуры "европейской" и "традиционной" Носителем первой было не только просвещенное дворянство, но представители других сословий, активно модернизирующаяся часть общества. Носителем второй — патриархальный, традиционный слой общества, не только крестьяне, но часть помещиков, духовенства, чиновничества. Не интересы разных сословий стояли за столкновением мнений Булгарина и Шишкова, а в первую очередь разная культурная ориентация. (Если же говорить о социальном базисе, то это не разные *сословия*, а разные *слои*. Уже в то время стала намечаться новая стратификация общества, где статус личности определяется не столько ее принадлежностью к определенному сословию (пресловутые *états* сословной монархии), но и уровнем образования, доходами и т.д. Разность интересов Шишкова и Булгарина — это, конечно, и разность интересов разных социальных слоев.)

Можно с уверенностью констатировать, что для наиболее значимого, динамичного, влиятельного слоя начала XIX века авторитетным комплексом представлений был "европейский". Его разделяла значительная, и в перспективе наиболее влиятельная, часть дворянства, его элита и молодежь. Именно для них и для части других слоев, для этого круга людей, для "публики", о которой писал Булгарин, молчание правительства казалось "слабостью". И круг людей, так смотрящих на общество в 1810-х—начале 1820-х годов все время расширялся. Более того, некоторые особенности поведения Александра I в последние годы царствования, во время ужесточения режима; говорят о том, что и для него его собственное "молчание" было "слабостью".

Механизм распространения в обществе идей авторитетного "европейского" комплекса описан Булгариным в записке *"Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного"*: "...дух времени превозмог и либерализм укоренился в Лицее, в самом отвратительном виде. ...Во всех учебных заведениях подражали Лицею, и молодые люди, воспитанные дома, за честь поставляли дружить с Лицейскими и подражать им. ...[Лицейские] давали пагубное направление обществу молодых людей, которые уже в домах своих не слушали родителей; в насмешку называли их *верноподанными* и почитали себя преобразователями, детьми нового века, новым поколением, рожденным наслаждаться благодеяниями своего века. ...Они почитали себя выше всех"

Эту записку можно рассматривать как донос, но то, что в нем верно описано влияние либеральных "европейских" идей в Лицее, верно показан статус лицеистов в среде петербургской молодежи в конце 1810-х—начале 1820-х годов, подтверждают и другие, не столь пристрастные свидетельства. Речь идет об элитарном учебном заведении, выпускники которого формировали норму поведения, норму взглядов, авторитетную для остальной молодежи. (Разумеется, они были не единственными "законодателями", авторитетным был и мир гвардейской молодежи, но либеральный дух проникал и туда.)

В десятилетие, предшествовавшее воцарению Николая I, среди наиболее важных и обсуждаемых в обществе тем были: конституция и политические реформы; свобода и связанная с ней тема рабства; политические изменения в обществе, их природа и формы; прогресс и традиции; национальная тема; сущность патриотизма; попытки выделить черты национально-го характера; необходимость создания литературного, научно-го, философского языка.

Проблемы эти решались, исходя из политических, экономических, правовых представлений, идей, имевших обращение в обществе. Из них, подчеркнем еще раз, наиболее авторитетными были идеи, представления "европейского" комплекса. Носителями этих идей были сам Александр I, значительная часть офицерства, элитарная часть дворянской молодежи, некоторые крупные чиновники: Н.С. Мордвинов, М.М. Сперанский, братья Тургеневы. На этот слой общества ориентировалось молодое поколение дворянства.

Взгляды, сформированные под влиянием "европейских" идей, имели тенденцию распространиться на весь, тогда еще наиболее влиятельный, слой общества — дворянство. Последствиями этого были бы изменения в обществе, в государственном управлении, в соответствии с тем пониманием общества, государственного устройства, которое господствовало в этом слое. Поколение людей, с детства привыкших называть крепостное право "рабством" и стыдившихся своей причастности к слою "рабовладельцев", заняв в силу смены поколений ключевые посты в аппарате управления государством, начало бы оказывать реальное влияние на государственную жизнь. В частности, крепостное право было бы ликвидировано значительно раньше 1861 года. Именно в этом значении реальности идейной для реальности жизни: *когда авторитет-*

ный комплекс идей начинает определять взгляды значительной и влиятельной части общества, то реальная жизнь, общество начинают меняться в направлении соответствия этому комплексу идей.

Подход к историческим событиям с точки зрения общей культурной ориентации отдельных лиц и целых слоев, которая может и не совпадать с традиционной культурой данного общества, дает возможность по-новому взглянуть на историю начала XIX века.

Восстание 14 декабря 1825 года имело своим следствием казнь пятерых бунтовщиков и изоляцию наиболее активной, динамичной части дворянства, социальной и интеллектуальной элиты. Оно повернуло историю. Идеи "европейские" были отчасти, только отчасти, но дискредитированы. Пользовавшиеся значительным авторитетом среди всех сословий общества "европейцы" (вспомним Федора Глинку, Ивана Якушкина, Ивана Пущина) оказались не только "умниками" и "фрондерами", но и "бунтовщиками". А неудачливый бунтовщик у одних вызывал жалость и сожаление, у других — ненависть. В любом случае дискредитировались и идеи, так или иначе с этим бунтом ассоциировавшиеся. (В отношении к декабристам было и экзальтированное восхищение, но, конечно, у очень немногих. А мы в данном случае говорим о дискредитации авторитетного поведения, авторитетной системы взглядов в дворянской; помещичьей, чиновничьей среде.)

Наши представления о начале царствования Николая I как о времени, когда все затаилось и замолчало в ожидании репрессий (как об этом свидетельствуют некоторые источники) — не совсем адекватны чувствам современников событий. Конечно, казнь и ссылку друзья, родные причастных к восстанию переживали мучительно. Но есть многочисленные свидетельства, что значительная часть общества (та часть, которая была способна артикулировать свои мысли) напряженно, нетерпеливо ожидала реформ, прежде всего в сфере государственного управления. "В надежде славы и добра" смотрел вперед не один Пушкин. Управляющий III отделением М.Я. фон Фок в своих корреспонденциях к шефу жандармов Бенкендорфу летом—осенью 1826 года (а их прочитывал и император) постоянно и сочувственно говорил об этих ожиданиях общества¹. Очень важными для той части общества, которая ориентировалась на "европейский" комплекс идей, были слова официального Манифеста от 13 июля 1826 г.: "Не просве-

щению, но праздности ума ...должно приписать сие своеволие мыслей, пагубную роскошь полупознания..."²

Вспомним, что в России к началу XIX века уже существовала традиция противопоставления русской и европейской культурной ориентации, оформившаяся в 1810-х годах как противостояние "умников" и "невежд", "молодежи" и "стариков", когда представители "традиционной" культуры пытались скомпрометировать само знание, книжную культуру, поставить под сомнение пользу от "просвещенного ума". Личная позиция Николая I хорошо известна: он обращался к Пушкину (в передаче Бенкендорфа): "Принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия..." [74. Т. VII. С. 660]. Именно такое отношение к идеям просвещения было органично для Николая I. Поэтому понятна важность приведенных выше слов из официального манифеста. Они задали тон: власть, Николай I, не как партикулярная личность, а как император, пока не отказывались от наследия прошлого царствования: идей просвещения, но заклеили радикализм "полупознания" Был найден компромисс. Он состоял в том, что **реформы, изменения в "духе времени" по-прежнему считались необходимыми, но постепенные, осторожные, тщательно подготовленные и, конечно, идущие сверху, от власти, обладающей "полным" знанием. Несколько лет этот компромисс был идеологическим базисом власти.**

Об этом много думал М.Я. фон Фок, второй человек в III отделении. Вот, что он писал в своих "Aphorismes" в 1826 году(!): "Реформы спасительные, хорошо рассчитанные и хорошо проводимые, всегда относились к числу наиболее священных обязанностей правительства. Сегодня особенно они должны стоять на повестке дня (à l'ordre du jour). **Не следует ни реформы принимать за революцию, ни революцию за реформы:** ошибка которая повторялась слишком часто..."

Реформы вынуждаются всем ходом событий, грузом всех отношений. Их проводят медленно, понемногу, последовательно. Революции же — это насильственные перевороты, внезапные, неожиданные.

Реформы исходят от высшей, законной власти... Они далеки от того, чтобы эту власть опрокинуть, но они ее ...усовершенствуют ...они внушаются истинными нуждами народа. ...Рево-

люции не неизбежны, как, например, явления природы, потому что для существа свободного нет ничего неизбежного, кроме Права и Долга (le droit et le devoir). **Но реформы часто необходимы именно потому, что их настоятельно требуют Долг и Право.** Наиболее надежное средство сделать революции невозможными — это понять необходимость реформ, и принести им (реформам. — А.А.) в жертву то, чего они требуют. Не следует избегать нововведений в политические институты, потому что все связанное с человеком не пребывает в покое и законодательство должно всегда идти рука об руку с прогрессом культуры"³.

И это были не только слова. Примером такого "компромисса" была деятельность чиновников, полностью лояльных власти и одновременно настроенных на постепенную эволюцию государственных институтов. Это, например, развязанная ими кампания против цензурного устава А.С. Шишкова 1826 года, прозванного современниками "чугунным". В результате в 1828 году был принят новый, несколько более либеральный устав, а Шишков подал в отставку.

Только события 1830 года — июльская революция во Франции и ноябрьское восстание в Польше — полностью дискредитировали в глазах власти (и в глазах значительной части общества) "европейский" комплекс идей в его просветительском варианте. Приведем один характерный пример: в 1832 году И.В. Киреевский, младший современник и приятель П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, родственник В.А. Жуковского, начал издавать журнал "Европеец". В первых номерах журнала Киреевский поместил программную статью "Девятнадцатый век", где пытался выяснить характернейшие черты "духа времени", "духа века" (рассуждая, конечно, о Европе!), а также понять, в каком отношении находится Россия к европейской истории, европейскому просвещению. (Для Киреевского несомненно, что между Россией и Европой стоит "китайская стена", но она рано или поздно должна быть разрушена.)

Киреевский, характеризуя "дух времени", использует термин "равновесие": начала разрушительного (революционного) и контрреволюционных, консервативных сил, настроений. Он говорит, что такое равновесие из "искусственного", вынужденного, чуть ли не насильственно насаждаемого властями, становится "естественным (для общества. — А.А.), основанным на просвещении общего мнения" [44. С. 88].

Концепция равновесия сил в политической жизни народов, как и в физике, требовала признания равномерно поступательного движения. Киреевский рассуждает в рамках априорной для него идеи постоянного движения, изменений ("духа времени", "господствующего направления", "направления просвещения"), прогресса ("прогрессии"), противостояния "нового" и "старого" Шеллингианца Киреевского никак нельзя отождествлять с фон Фоком, но сходство их позиций в отношении необходимости политических изменений, постепенной эволюции в общественном устройстве, в "действительной жизни" очевидно.

И вот именно за эту статью журнал был запрещен, причем поводом к запрещению послужила именно теория "равновесия", "отысканной середины" (все термины Киреевского. — А.А.): "под словами просвещение он понимает свободу... **деятельность разума означает у него революцию, а искусно отысканная середина не что иное, как конституция**" Это слова Николая I в передаче Бенкендорфа⁴.

Эти обвинения, прозвучавшие первоначально в доносе на журнал, были повторены властью. Примечательны тут не столько явные передергивания: просвещение — свобода, деятельность разума — революция, сколько произошедшая дискредитация самой идеи просвещения и теории середины, равновесия. Это было одним из знаков того, что **власть санкционировала новое направление в идеологической политике.**

В результате польского восстания 1830—1831 годов польские сейм и конституция, терпимые Николаем I в течение пяти лет (при всей его ненависти к парламентскому устройству), были упразднены. После вынужденного признания Россией результатов июльской революции 1830 года во Франции Николай I в написанной тогда же "Исповеди" как бы оправдывается за это признание, он верит, что война еще предстоит: "...торжественного мгновения, которого никакая человеческая сила не может ни избежать, ни отдалить, — мгновения, когда разразится борьба между справедливостью и силами ада (*la justice et principe infernal*). Это мгновение близко, приготовимся к нему, мы знамя, вокруг которого ... сплотятся..." [98. Т. II. С. 314]. *Principe infernal* — это не только "силы ада", как переведено у публикатора, Н.К. Шильдера, но и "адское начало" — метафора к конституционному принципу. (См. письмо Николая I к брату Константину [98. Т. II. С. 301—302].) Итак, власть санкционировала новую политику. Общество (речь идет, напомним, о "публике", грамотном слое,

состоявшем в основном из дворян, чиновничества) приняло эту политику как данность. Смена авторитетного комплекса идей повлекла изменение форм социальной активности, например, изменение отношения к участию в политической жизни.

В 1820-х годах на исторической сцене действовало уже второе поколение "просвещенных дворян" Вся усвоенная этим слоем культура ориентировала его на единственно престижный род социальной активности (за исключением сферы искусства) — **политическую деятельность** (в рамках представительного государственного строя) или в предшествующий этому строю период — **участие в общественной жизни, в обсуждении мер правительства, государственного устройства, политической борьбе**. Александр Бестужев писал в 1825 году: "Мы начинаем чувствовать и мыслить — но ощупью. Жизнь необходимо требует движения, а развивающийся ум дела... но не занятый политикой (ум. — А.А.) — ...хватается за все, что попадется... Источники нашего ума очень мелки для занятий важнейших..."⁵ "Занятия важнейшие" — это, конечно, политическая деятельность. Бестужев — член Северного общества, позже — активный участник восстания на Сенатской площади.

Но и после восстания стремление к политической деятельности не было полностью дискредитировано. Оно лишь видоизменилось по своим мотивам. Например, тема служения *государству* получила новое развитие. Но служение не в качестве исполнительного чиновника, а будучи "*помощником*" правительства. В начале 1830-х годов Пушкин, Вяземский, Жуковский, Киреевский предпринимали попытки добиться от правительства права быть советниками правительства, сформировать проправительственный круг людей, занимающихся если не политической деятельностью, то хотя бы освещением в печатных органах политических вопросов. В "*Обзрении русской литературы за 1831 год*" Киреевский пишет: "Быстрота и важность государственных переломов; деятельное участие, которое обязаны принимать в них люди частные; повсеместная борьба политических ...партий ...**все сосредоточивают деятельность умов на дела государственные**"⁶. В том же номере "Европейца", в уже упоминавшейся статье "Девятнадцатый век", объясняя феномен общественного мнения, он говорит о необходимости гласного высказывания частных мнений о мерах правительства. (Сходство с пониманием общественного мнения и "гласности" Булгариным, фон Фоком очевидно.)

После событий 1825—1831 годов наиболее яркие представители этого слоя были вытеснены из общественной жизни, власть санкционировала переоценку прежде авторитетной системы взглядов, приняв на вооружение новую идеологию, преследуя наиболее активных "европейски" мыслящих людей. И общество, "публика" приняли новые установки, пытаясь приспособиться к изменившимся обстоятельствам.

Последствиями дискредитации "европейских" идей было и отодвинувшееся освобождение крестьян, и то, что дворянство начало сходить с исторической сцены, не выполнив той исторической задачи, на которую его ориентировал "европейский" комплекс идей, вся усвоенная этим слоем культура: не создав представительного образа правления. Роль дворянства как культурной, интеллектуальной элиты общества, как ведущего динамического слоя, сменилась новой ролью — всецело консервативной. Стремление быть субъектом политического действия сменилось желанием быть послушным орудием в руках власти. Идеал политического деятеля сменился идеалом чиновника.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Назовем основные темы исследований о Булгарине и лишь некоторых их авторов:

известная полемика Пушкина и Булгарина 1830—1831 годов (П.Н. Столпянский, В.В. Гиппиус, Н.К. Замков, Б.П. Городецкий);

полемика вокруг "Бориса Годунова" Пушкина и романа "Дмитрий Самозванец" Булгарина. В частности, проблема, кто был автором известной внутренней (для императора) рецензии на "Бориса Годунова" (Г.О. Винокур, А.А. Гозенпуд, Б.П. Городецкий);

Булгарин — автор популярных романов; "нравоописательный жанр"; Булгарин и "натуральная школа" (В.Ф. Переверзев, В.А. Покровский, Н.А. Энгельгардт, Z. Mejszutowicz);

Булгарин — издатель и журналист (М.К. Лемке, Н.Л. Степанов, R. Woloszynski);

отношения Булгарина с Грибоедовым (В.П. Мещеряков, М.К. Лемке, Z. Mejszutowicz);

Булгарин и власть, III отделение (М.К. Лемке, Н.Я. Эйдельман, А.И. Рейтблат, А.А. Янов);

Булгарин и польская тема (R. Woloszynski, Z. Mejszutowicz, L. Bazyłow).

² Это тип предпринимателя в абсолютистском государстве. Разделяя представления физиократов о свободном обмене как основном факторе социального благополучия и экономического благосостояния, являясь носителем некоторых либеральных ценностей, он оставался при этом чрезвычайно чувствительным к малейшей опасности конкуренции, предпочитая зависимость и покровительство, гарантированную обеспеченность, впрочем, часто преувеличивавшуюся.

³ *Рейтблат* А. Булгарин и III отделение в 1826—1831 гг. // Новое литературное обозрение. 1993. Вып. 2. С. 129. Автор пытается доказать, что, с одной стороны, Булгарин не был "доносчиком" в современном смысле этого слова, а, с другой — таких "доносчиков" было много. При этом он утверждает: "С определенной точки зрения вся история русской литературы конца XVIII—первой половины XIX в. может быть рассмотрена как история доносов...", ссылаясь при этом на обилие доносов, поступавших в III отделение, в том числе и от некоторых "литераторов", например, от Б.М. Федорова [Там же. С. 127].

Литературу, конечно, можно рассматривать как угодно: с точки зрения литературного быта, с точки зрения классовых интересов, с точки зрения развития русской духовности или становления доноса как жанра. Но Пушкин доносов не писал, но Новиков доносов не писал, но Жуковский, Карамзин, Лермонтов доносов не писали. (К художественным достоинствам написанных ими произведений личная порядочность, может быть, ничего и не добавляет, но для истории этот факт небезынтересен.) А без этих авторов любая история русской литературы конца XVIII—первой половины XIX века будет как-то неполна. Я ни в коем случае не хочу преуменьшить значение для русской литературы таких писателей, как Б.М. Федоров, о котором упоминает А. Рейтблат и о котором приятель Пушкина Соболевский оставил известную эпиграмму: "Федорова Борьки Мадригалы горьки, Эпиграммы сладки, А доносы гадки" Я просто хочу отметить, что ни Федоров, ни даже Федоров и Булгарин — это далеко не "вся история русской литературы" Проблема: "доносы" или "докладные записки" — явно надуманная. Самое главное, что современники, и не только те, относительно которых Булгарин информировал III отделение, *зная тексты*, считали Булгарина доносчиком.

⁴ Отметим, как показательные, статьи А.Рейтבלата в "Вопросах литературы" и "Новом литературном обозрении" и статью А. Янова в "Вопросах литературы" Статья Рейтבלата "Видок Фиглярин" (ВЛ, 1990, вып. III) — это апология Булгарина с точки зрения его заслуг перед русской культурой. Статья богата фактическим материалом и этим интересна. Статья А. Янова "Загадка Фаддея Булгарина" (1991, вып. IX—X) написана в экспрессивном стиле, где есть и "дубовые жандармские головы", и Булгарин — "подонок, страдавший манией величия", и дворяне-фронтеры — "нонконформисты", и крестьяне-"конформисты" Главная мысль А. Янова: Булгарин — крупный политический мыслитель и идеолог, уровня Боссюэ и Макиавелли, предлагающий правительству разработанную им программу. Автор строит свою концепцию не столько на анализе текстов, сколько на пафосе утверждения, что "исторический образ Булгарина вопиет против трактовки его... одной бранью"

Сам по себе этот пафос понятен как продолжение борьбы с тоталитарной системой в исторической науке, но в исследовании пафос, не претворенный в энергию нового метода, нового подхода, не прошедший искуса сухого анализа — малопродуктивен. Перемена знака: с брани на "крупного мыслителя" не имеет познавательной ценности.

⁵ Среди записок, поданных Булгариным по начальству, были и доносы, и их было достаточно много. Это несколько записок о Михаиле Погодине 1827—1828 годов, в которых в крайне отрицательном контексте упоминались Пушкин, Вяземский и другие московские литераторы, так называемый "донос на "Утреннюю газету", которую якобы намеревался издавать Вяземский, три доноса на Николая Полевого, несколько доносов на Краевского и "Отечественные записки" Мало отличаются от доносов и некоторые булгаринские статьи-фельетоны, например, "Англий-

ский анекдот" ("Северная пчела", 1830, п. 30), где в образе литератора-вольнодумца, развращающего молодежь вольнодумными идеями, швыряющего грязью во все священное, ползающего у ног сильных, чтобы получить шитый кафтан, Пушкин справедливо увидел донос на себя. В наших разборах мы будем заниматься именно "докладными записками" и "мнениями", а не доносами.

⁶ Это не преувеличение. Наполеон утверждал: "Типография — это арсенал (sic!), который не может быть вверен всякому. Надо, чтобы те, кто печатает, пользовались доверием правительства" В 1802 году был основан официальный "Bulletin de Paris" для "направления общественного мнения" В редакторы был приглашен известный журналист Февье; бывший редактор "Парижской хроники" и "Меркурия" Февье заметил: "Как скоро общество заметит, что ему хотят навязать какое-нибудь мнение — оно тотчас же присоединится к мнению противоположному и не станет читать министерских изданий" Наполеон тогда не обратил внимания на слова опытного журналиста. Булгарин же в своих предложениях как будто бы учитывает отмеченную Февье опасность и для этого обращает внимание на необходимость гласности. Еще одно несоответствие предложений Булгарина с политикой Наполеона в отношении печати состоит в отношении к свободе религиозных дискуссий. Наполеон считал, что власть ничего не должна позволять печатать против государства, потому что такие сочинения нарушают спокойствие общества, что же касается сочинений против религии, то их ограничение может "нарушить распространение полезных истин" А Булгарин, по крайней мере в отношении России, придерживался противоположной точки зрения. (О политике Наполеона в отношении печати см.: Градовский А. О свободе печати. СПб, 1905. С. 129—141. Градовский пересказывает работу французского историка Henri Werschinger "La censure sous Le Premier Empire" P., 1887.)

⁷ "Актуальной" — значит лишь то, что эти идеи становятся идейной реальностью нашей жизни. Для того чтобы лучше ориентироваться в окружающем мире, мы должны эти идеи осознать как реальность, понять, освоить. При этом совсем не обязательно, что новая идейная реальность несет нам исключительно полезные, общественно ценные идеи.

ГЛАВА I

¹ Булгарин употребляет термин "общее мнение" Он восходит к французскому выражению *opinion publique*. Начал употребляться в России в конце XVIII века, в переводах ("Новая Элоиза" Руссо) и оригинальных статьях (Статистический журнал, 1808. Ч. II). Нередко сопровождался французским эквивалентом; к 1840-м годам определилось преобладание формы "общественное мнение", которая и стала устойчивым фразеологизмом.

² Цит. по: *Шнем Г.Г.* Очерк развития русской философии. С. 446—447. Здесь и далее выделенные полужирным шрифтом слова в цитатах принадлежат автору.

³ В черновом варианте записки Пушкин пишет о политических изменениях, у нас еще не требуемых "ни духом народа, ни общим мнением, у нас еще не существующим, ни самою силою вещей", а в конце записки о том, что главное в обучении — познание России во всех отношениях [74. VII, 42, 619].

⁴ Дух журналов. 1816. Кн. 13. С. 120.

⁵ Дух журналов. 1816. Кн. 8. С. 100 (очерк "Выгоды свободной торговли").

⁶ О некоторых попытках изменить устоявшийся в официальной историографии взгляд на начало царствования императора Николая I см.: В.В. Пугачев [73].

⁷ И это не случайно. Адмирал Шишков был членом Государственного Совета, образованного в ходе реформ М.М. Сперанского манифестом от 1 января 1810 года, по которому Совет должен был выполнять функцию "законосовещательного органа" Каждый указ должен был предварительно обсуждаться в Совете и в шапке указа должна была быть формула: "Вняв мнению Государственного Совета" Александр I с начала образования Государственного Совета мало внимания обращал на его законосовещательную функцию (в частности, из-за крайнего консерватизма его членов). Последний раз формула "Вняв мнению Государственного Совета" была использована в манифесте от 17 июня 1812 года [55, 34—35].

⁸ Архив братьев Тургеневых. Переписка Александра Ивановича Тургенева с князем Петром Андреевичем Вяземским. Пгр, 1921. Вып. 6. Т. 1. С. 77; письмо П.А. Вяземского А.И. Тургеневу от 1 января—1 марта 1829 г.

⁹ А.С. Пушкин. Письмо к П.А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 г. [74. Т. X. С. 93].

¹⁰ Так В.К. Тредиаковский, по словам его современника Г.Н. Теплова, в 1750-х годах отзывался о словах "совершенный, бесконечный" применительно к "хлебу, пище, народу" как о "безбожных утверждениях"; а о выражении "отверзлась вечность", когда речь идет о Героях писал: "вечность единому только Богу свойственна, а не Героям". Также Тредиаковский протестует против выражения "небесна красота" (в применении к языку). (См.: *Успенский Б.А.* Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. С. 166.)

¹¹ "Применение" образов Священного писания к личному нравственному опыту возмущает Шишкова, но применять эти же образы для описания государственной проблематики для него естественно. То есть ценностные уровни "государственного" и "сакрального" для Шишкова сопоставимы и являются существенно более значимыми, чем ценности "личного", частного плана.

¹² Характерный пример: говоря о полезности обсуждения мер правительства, Булгарин замечает: это будет выгодно и правительству, "оно

узнает способных людей. Теперь вообще жалуются на их недостаток... тогда способности выплывут наверх". Тема "недостатка", отсутствия способных людей — одна из часто встречающихся тем в высказываниях середины—конца александровской эпохи. Но мы не знаем ни одного случая, чтобы в это и в последующее царствование правительство рекрутировало среднее и высшее чиновничество из способных журналистов. В государственной жизни их таланты остались невостребованы. А вот во Франции именно так и происходило! Например, после июльской революции 1830 года сильно снизился уровень бывших ведущих оппозиционных газет ("Le Globe", "Le Temps", "Le national") потому, что многие из их ведущих журналистов получили правительственные назначения. В "Revue de Paris", от 29 августа 1830 года приводится список этих назначений (см.: *Томашевский Б.В.* Пушкин, М.; Л., 1961. Т. 2. С. 328). Или уже приводившийся пример, когда Наполеон приглашает на роль редактора официального правительственного издания не чиновника, а известного журналиста (См. прим. 6 к Введению). В "Обзрении обозрений" (1831) Пушкин писал: "Сословие журналистов есть рассадник людей государственных". Но это верно для "Франции, Англии, а к "нашим журналам и журналистам" этот тезис, по мнению Пушкина, отношения не имеет [74. Т. VII. С. 234].

¹³ В качестве подтверждения того, что наши выводы — не преувеличение, что идея парламента, как органа артикуляции общего мнения, присутствующая в качестве предпосылки в рассуждениях Булгарина, была актуальной и для довольно значительного слоя российской публики, приведем следующий пример. В кн. I "Духа журналов" за 1819 год была напечатана анонимная статья "Чего требует дух времени? Чего желают народы?" Ответ же давался такой: Государственное уложение, народные представители (парламент) и торжество закона. Народные представители нужны, так как "через них народ имеет свой голос, который есть тогда поистинё глас Божий..." (С. 7—14).

Интересно, что Наполеон, на политику которого в отношении прессы ориентировался Булгарин, уже в ссылке пришел к выводу: "Свобода печати принадлежит к таким учреждениям, о которых не спорят, хороши ли они. Вопрос только в том: долго ли можно отказывать в них духу времени и общественному требованию" (*Градовский А.* О свободе печати. СПб, 1905. С. 141). А вернувшись в Париж в 1815 году, он принимает Дополнительный акт к Конституции, где в § 64 декларируется право каждого гражданина печатать свои мысли без всякой предварительной цензуры (Там же. С. 141).

¹⁴ В "Философии права" (§ 352, 354) Гегель писал: "В наше время... каждый хочет еще сказать свое слово и дать совет. Если он... вставил свое слово, то после этого удовлетворения своей субъективности он *мирится со многим*. Во Франции свобода слова всегда казалась значительно менее опасной, чем безмолвие, ибо последнее заставляло опа-

саться, что то, что люди имеют против данного дела, они будут хранить про себя, тогда как рассуждение дает выход и удовлетворение, благодаря чему в остальном можно с большей легкостью следовать по прежне-му пути" (цит. по: Поппер Карл. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 364). Карл Поппер характеризует это место в рассуждениях Гегеля как редкое по своему "цинизму" (там же).

¹⁵ Записка цитируется по публикации А. Рейтблата // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 104—107.

¹⁶ Слово "влияние" в переносном значении появилось во второй половине XVIII века как семантическая калька с переносного же значения фр. l'influence. С конца XVII века influence в переносном значении переводили как "втечение", "натечение" (См. Словарь русского языка XVIII в. М., 1987 Вып. 3. С. 213—215). В "Словаре русского языка XI—XVII вв." отмечено только значение отглагольного существительного, производное от глагола "вливать" (См. также: Ю.С. Сорокин [85])

Шишков писал в "Рассуждении о старом и новом слоге": "Influence (sic!) переводят <новые писатели> влияние, несмотря на то, что глагол вливать требует предлога "в" располагают нововыдуманное слово сие по Французской грамматике, ставя его, по свойству их языка, с предлогом на: fair l'influence sur les esprits, делать влияние на разумы" Он предлагал передавать переносное значение французского слова с помощью слова "наитствование" (цит. по: Словарь русского языка XVIII в. Вып. 3. С. 215). То есть переносное значение слова к началу XIX века еще не было устоявшимся, нейтральным.

Победила карамзинская языковая традиция, на которую ориентировался Булгарин. К 1826 году уже более трех десятилетий "влияние" употреблялось с предлогом "на", другое словоупотребление носило отчетливо архаическую окраску. (См.: Веселитский В.В. [18. С. 128]. См. также: Левин В.Д. [47 С. 60].) Но процесс изменения лексического значения слова от отглагольного существительного (названия процесса) к абстрактному понятию к середине 1820-х годов еще не завершился. Об этом свидетельствует, например, возможность употребления множественного числа: "уничтожить пагубные влияния... на крестьян"

Интересно, что подобный процесс, становление отвлеченного значения у слова influence (абстрактного значения "воздействие") во французском языке шел уже в XVI веке, а в английском — в XVII. Так же, как и в русском, в английском influence сменило предлог into (в) на предлог upon (на). (См.: Littré Dictionnaire de la langue française. Monte Carlo, 1968; The Oxford English Dictionary. Oxf. 1978. V. 5.)

¹⁷ Творения Н.П. Николева. М., 1795—1798. Ч. 3. С. 258.

¹⁸ Статья печаталась в Прибавлениях к "Московским ведомостям" №№ 61—64 за 1784 год.

¹⁹ Дух журналов. 1819. Кн. 1. С. 8—9.

²⁰ Записка о М. Погодине // Вопросы литературы. 1985. № 2. С. 131.

²¹ См., напр., соответствующие статьи в "Энциклопедии..." Дидро и Даламбера, "Философском словаре" Вольтера.

²² ЦГАОР. Ф. 109. 1-й секр. арх. Д. 1886. Л. 5.

ГЛАВА 2

¹ Вообще, специфика метафоры в различных типах текстов — это мало разработанная область. Среди немногих работ на эту тему назовем эссе "Две главные метафоры" известного испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета. (См.: *Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры*. М., 1991. С. 203—217) Он сделал попытку выделить специфику философских и научных метафор по сравнению с поэтическими. Речь идет о разных "режимах и задачах" процесса метафоризации.

² См. подробнее в нашей статье: Лозунг в политическом дискурсе // Век XX и мир. 1994. № 5—6.

³ См. подробнее о противопоставлении эмоциональной и рациональной метафор в нашей статье: Проханов и Янов // Вопросы литературы. 1994. № 5.

⁴ Подробнее об этом доносе см.: *В.В. Пугачев* [72. С. 80—81].

⁵ Донос М. Грибовского цит. по: *Шильдер Н.К.* Александр I. Спб, 1897—1904. Т. IV. С. 204—215.

⁶ В некоторых работах, посвященных когнитивным моделям, концептуализационной способности метафор, фактор разной ценностной значимости образов-понятий не учитывается, что позволяет, например, подсчитать, что в выступлениях депутатов слово "справедливость" употребляется значительно чаще, чем слово "свобода", делать такие выводы: "Категория Свободы (отождествляемая автором с понятием "свобода", что уже неверно); является одной из тех ценностей, которые могут помочь избавиться нашему общественному сознанию от опасных идолов площадей (от категорий Справедливости. — А.А.)" [4. С. 177]. Игнорирование проблемы истинности и значимости, авторитетности сводит проблему ценностных установок, отношения к действительности к проблеме словоупотребления: достаточно заменить Справедливость на Свободу — и мы избавимся от "идолов площадей"

⁷ Об этой же проблеме, о существовании в одном обществе разных дискурсов, на примере советской практики см.: П. Серцо [83. С. 98].

ГЛАВА 3

¹ Вопросы литературы. 1985. № 2. С. 132.

² Здесь и в дальнейшем при цитировании записок Булгарина мы даем сокращенное название записки и страницу источника, по которому записка цитируется.

³ *Булгарин Ф.* Взгляд на общее мнение в России от вступления на престол императора Николая I до настоящего времени // Новое литературное обозрение, 1993. № 2. С. 136.

⁴ "Прогресс" — из фр. progrès. В начале XIX века в российской публицистике, в записках Фока, Булгарина употреблялось французское слово. В русском языке, как считает М.Ф. Мурьянов (См. статью: О понятии и термине прогресс...), слово впервые употребил В.Г. Белинский в 1836 году. Однако уже в 1830 году И. Киреевский употреблял слово "прогрессия" (в значении "прогресс") (См.: Киреевский [44. С. 96].).

⁵ ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Д. 1920. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Необходимо отметить, что переход при анализе с уровня прямого слова, которое мы вправе называть авторским, ответственным словом, на уровень априорных посылок, идеологических, мировоззренческих парадигм требует изменения в трактовке субъекта речи. Например, выделив в тексте Булгарина механическую порождающую метафору наряду с другим образным комплексом — органическим и отмечая разность мировоззренческих парадигм, стоящих за этими комплексами, мы говорим: Булгарин разрешает это противоречие так-то и так-то. Но для Булгарина здесь нет никакого осознанного, ответственного действия. Если он и использовал в своем построении какой-то прием, который как-то примиряет два противоположных по своим основным установкам образных комплекса, то, скорее всего, неосознанно, подчиняясь только требованиям большей эффективности текста.

⁸ См.: Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. С. 777.

⁹ Дух журналов. 1819. Кн. 24. С. 525 (255).

¹⁰ ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1920. Л. 1.

¹¹ Дух журналов. 1819. Кн. 1. С. 9.

¹² ЖМНПр. 1834. № 1. С. V—VI. ("Юная Россия" — образ Уварова [61. Т. 1. С. 174].)

¹³ фон Фок М.Я. Aphorismes. ЦГАОР. Ф. 109. 1-й секр. арх. Д. 1884. Л. 4. (Оригинал на фр. яз., перевод наш. — А.А.)

¹⁴ ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Д. 1920. Л. 1.

¹⁵ Ч. Беккариа [7. С. 260—261]. Книга Беккариа сыграла выдающуюся роль в становлении основных принципов уголовного и процессуального права в Европе.

¹⁶ ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Д. 1886. Л. 17—18.

¹⁷ Ю.С. Сорокин [84. С. 512]. "Убеждение" уже с середины XIX века имело значение: мнения, прочно усвоенные, пережитые, обычно оппозиционные.

¹⁸ Булгарин рассказывает, что за сделанную на школьной доске надпись "Виват ...Конституция 3 Мая!" гимназист был отдан в солдаты.

¹⁹ Цит. по: ЖМНПр. № 1. С. IV—VII.

²⁰ Вяземский П.А. Некоторые замечания на проект о мерах к предотвращению развития коммунистических идей // НЛЮ. 1992. № 1. С. 248—249.

²¹ Словарь языка А.С. Пушкина. Т. 1. С. 179.

²² Гений XIX века // Дух журналов. 1819. Ч. XXII. Кн. 1. С. 2.

²³ Дух журналов. 1819. Кн. 1. С. 4.

24 ЦГАОР. Ф. 109. 1-й секр. арх. Д. 1884. Л. 3. (Подлинник по-французски, перевод наш).

25 Там же. Л. 4. (Подлинник на фр. яз., перевод наш. — А.А.).

26 ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Д. 1881. Л. 1.

27 ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Д. 1920. Л. 1.

28 Современник. Т. XIV. Март. II отд. С. 45. (Об авторстве см.: Г.Г. Шпет [102, 480]).

29 Слово "партия" в болгаринском словоупотреблении является скорее понятием, чем образом. Мы привлекли его для анализа, во-первых, потому, что в словоупотреблении того времени оно несло очевидные ценностные коннотации. Последнее оттеняет, проясняет нейтральный, понятийный смысл "партии" у Булгарина и, таким образом, является характеристикой мировоззренческой системы, которую мы и исследуем.

30 Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 769.

31 ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1881. Л. 1.

32 ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1920.

В архивной описи этот документ значится как принадлежащий Н. Гречу. А. Рейтблат опубликовал его как болгаринскую записку (НЛЮ. 1993. № 2. С. 129—132), не обсуждая проблему авторства. Мы также считаем, что этот документ принадлежит Булгарину. Дело в том, что почерк Н.И. Греча, которым написаны удостоверенные его подписью документы, никоим образом нельзя спутать с почерком этой записки. С другой стороны, почерк, которым написан этот документ, мы однозначно идентифицируем, как почерк Булгарина. При отсутствии каких-либо данных о том, что эта записка была, например, написана Гречем и переписана Булгариным, мы полагаем возможным считать ее автором Фаддея Булгарина.

33 ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1920. Л. 1.

34 Полярная звезда. 1856. Кн. 2. С. X.

35 Ю. Сорокин отмечает: "Широко распространенным с 30—40-х годов XIX века является противопоставление понятий организма как целого, характеризуемого прежде всего внутренним развитием, и механизма как устройства, определяемого действием внешних сил" [86. С. 382].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

¹ О "политических иллюзиях" в отношении "просвещенного абсолютизма" в московских салонах 1830-х годов писал Ю.Г. Оксман [64].

² Цит. по: Северная пчела. № 85 от 16 июля 1826 г.

³ ЦГАОР. Ф. 109. 1-й секр. арх. Д. 1884. Л. 11—12; (Подлинник на фр. яз., перевод наш — А.А.).

⁴ Русская литература. 1967. № 2. С. 118.

⁵ Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. М., 1952. Вып. 1. С. 119.

⁶ Европеец. 1832. № 1. С. 102—103.

ТЕКСТЫ ЗАПИСОК

Записки Ф.В. Булгарина:

"О цензуре в России и о книгопечатании вообще" цит. по: Русская старина. Т. 103. С. 579—591;

"Нечто о Царскосельском лицее и о духе оногo" цит. по: *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. СПб, 1922. С. 20—28;

"Каким образом можно уничтожить пагубные влияния злонамеренных людей на крестьян" цит. по: Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 104—106;

"Некоторые общие соображения относительно плана наблюдения, особенно за военными лицами" цит. по: Родина. 1990. № 11. С. 30—31;

"Имеют ли иностранные державы влияние на политический образ мыслей в России" цит. по: *Щеголев П.Е.* Декабристы. М.; Л., 1926. С. 302—305;

"О Михаиле Погодине" цит. по: Вопросы литературы. 1985. № 2. С. 130—132.

"Мнение" А.С. Шишкова цит. по: Русская старина. 1904. Т. 119. С. 202—212.

Записки М.Я. фон Фока цит. по: Русская старина. 1881. № 9. С. 168—194; № 10. С. 303—336; № 11. С. 519—560; Обзор общественного мнения за 1827 г. // Красный архив. 1929. № 6. С. 141—169; 1930, № 1. С. 109—145.

Донос Мих. Грибовского 1821 г. цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Александр I. СПб, 1904. Т. 4. С. 204—215.

СТАТЬИ И МОНОГРАФИИ

1. *Аверинцев С.* Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Русская мысль (Париж) от 27 декабря 1991 г.

2. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики / Вступ. статья В. Жирмунского. М., 1958. Т. 1.

3. Архив братьев Тургеневых. Вып.6. Переписка А.И. Тургенева с князем П.А. Вяземским. Пгр, 1921. Т. 1.

4. *Баранов А.Н.* Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М.: Цен-

тральный совет философских (методологических) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990.

5. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.

6. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб, 1878—1910. Т. 1—22.

7. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.

8. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953—1959. Т. 1—13.

9. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987

10. Болинджер Д. Проблема лжи в языке // Язык и моделирование социального взаимодействия...

11. Борхес Х. Проза разных лет / Пер. с исп.; Сост. и предисл. И. Тертерян, Комментар. Б. Дубина. М., 1989.

12. Бринтон Кр. Истоки современного мира. История западной мысли. Roma, 1971.

13. Булгарин Ф.В. Полн. собр. соч. СПб, 1839—1844. Т. 1—7.

14. Булгарин Ф.В. Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб, 1846—1849. Ч. 1—6.

15. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр.; Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993.

16. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия...

17. Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь "умственные плотины" 2-е изд., доп. М., 1986.

18. Веселитский В.В. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века. М., 1964.

19. Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—нач. XIX века. М., 1972.

20. Винокур Г.О. Кто был цензором "Бориса Годунова" // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1936. Т. 1.

21. Гельвеций К.А. Сочинения: В 2 т. / Сост., общ. ред., вступ. статья Х.Н. Момджян. М., 1973—1974.

22. Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.

23. Гиллельсон М.И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Вып. VIII.

24. Гиппиус В.В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 годах // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6.

25. Гневушев А.В. Политико-экономические взгляды гр. Н.С. Мордвинова. Киев, 1904.

26. Гозенпуд А.А. Из истории литературно-общественной борьбы 30-х годов XIX века // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6.

27. Городецкий Б.П. К истории статьи Пушкина "Несколько слов о мизинце г. Булгарина" // Известия АН СССР, отд. литературы и языка. 1948. Т. 7. Вып. 4.

28. *Городецкий Б.П.* Кто же был цензором "Бориса Годунова" в 1826 году? // Русская литература. 1967. № 4.
29. *Грибоедов А.С.* Избранное / Сост., коммент. и вступ. статья А.Л. Гришунина. М., 1986.
30. *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.
31. Декабристы: Отрывки из источников / Сост. Ю.Г. Оксман при участии Н.Ф. Лаврова и Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926.
32. Декабристы: Биографический справочник / Изд. подгот. С.В. Мироненко; Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1988.
33. Десятилетие министерства народного просвещения. 1833—1843. СПб, 1864.
34. *Дидро Д.* Избранные сочинения / Пер. с фр. М.;Л., 1951.
35. *Дидро Д.* Сочинения: В 2 т. / Пер. с фр. М., 1986.
36. *Дмитриев И.И.* Сочинения / Сост. и коммент. А.М. Пескова и И.З. Сурат; вступ. статья А.М. Пескова. М., 1986.
37. *Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Б.И. Бурсова и др. М.; Л., 1961—1964.
38. *Загорский М.* Пушкин и театр. М.;Л., 1940.
39. *Замков Н.К.* К цензурной истории произведений Пушкина // Пушкин и его современники. Пгр, 1918. Вып. 29—30.
40. *Израилевский А.М., Поляков И.В.* Парадигмы или эпистемы? // Концептуализация и смысл. Новосибирск, 1990.
41. История лексики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX веков / Под ред. Ф.П. Филина. М., 1981.
42. История русского романа: В 2 т. / Ред. коллегия: А.С. Бушмин и др. М.;Л., 1962. Т. 1.
43. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
44. *Киреевский И.В.* Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю.В. Манна. М., 1979.
45. *Кун Т.* Структура научных революций. 2-е изд., доп. / Пер. с англ. М., 1977.
46. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия...
47. *Левин В.Д.* История русского литературного языка: Для студентов-заочников. М., 1957.
48. Лексика русского литературного языка XIX—нач. XX веков / Отв. ред. Ф.П. Филин. М., 1981.
49. *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 годов. 2-е изд. СПб, 1909.
50. *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. / Пер. с англ. М., 1985—1988.
51. *Луков В.Б., Сергеев В.М.* Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866—1876 гг. // Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983.

52. *Лунин М.С.* Письма из Сибири / Подг. издания И.А. Желвакова, Н.Я. Эйдельман. М., 1987.
53. *Льоцци М.* История физики / Пер. с итал. М., 1970.
54. *Мещеряков В.П., Рейтблат А. Ф.В. Булгарин* // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 347—351.
55. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века / Отв. ред. проф. С.С. Дмитриев. М., 1989.
56. *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. Пгр, 1922.
57. *Монтескье Ш.* Избр. произв. М., 1955.
58. *Мордвинов Н.С.* Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе. СПб, 1815 (2-е изд. — 1816; 3-е — 1833).
59. *Мордовченко Н.И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
60. *Мурьянов М.Ф.* О понятии и термине "прогресс" (историографические заметки) // О прогрессе в литературе. Л., 1977.
61. *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока. М., 1955—1956.
62. *Николаева Т.М.* Семантика убеждения // Wiener slawistischer almanach. Wien, 1991. В. 27.
63. *Новиков Н.И.* Избр. соч. / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Г.П. Макогоненко. М., 1954.
64. *Оксман Ю.Г.* Белинский и политические традиции декабристов // Декабристы в Москве. Труды музея истории и реконструкции Москвы. М., 1963. Вып. 8. С. 206—213.
65. *Остафьевский архив князей Вяземских:* В 4 т. СПб, 1899—1913.
66. *Очерки по истории русской журналистики и критики.* Л., 1950. Т. 1.
67. *Переверзев В.Ф.* Пушкин в борьбе с плутовским романом // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 164—188.
68. *Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л.* Новая риторика: Трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия... М., 1987.
69. *Писарев Д.И.* Сочинения: В 4 т. / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Ю.С. Сорокина. М., 1955—1956.
70. *Погодин М. Н.М.* Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примеч. и объясн. М. Погодина. М., 1866. Ч. 1—2.
71. *Покровский В.А.* Проблема возникновения русского "нравственно-сатирического" романа. Л., 1933.
72. *Пугачев В.В.* Пушкин. Радищев. Карамзин. Саратов, 1992.
73. *Пугачев В.В.* Кто победил 14 декабря? // Россия—Russia. / Ed. V. Strada. Venezia, 1993. Vol. 8.
74. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1957—1958.
75. *Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. 4-е изд. (с 3-го доп. изд. без перемен). СПб, 1908.

76. *Пыпин А.Н.* Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов: Исторические очерки. 3-е изд., доп. прил., примеч. и указателем личных имен. СПб, 1906.

77. *Рейтблат А.* Видок Фиглярин. История одной литературной репутации // Вопросы литературы. 1990. № 3.

78. *Рейтблат А.* Булгарин и III отделение // НЛО. 1992. № 2.

79. Речи, произнесенные при открытии Императорского Сарско-Сельского Лицея. СПб, 1811.

80. *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. / Ред., вступ. статья и коммент. А.Г. Цейлина. М.; Л., 1934.

81. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720—1862 годы. Напечатан по распоряжении министерства народного просвещения. СПб, 1862.

82. *Сергеев В.М.* Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия...

83. *Серио П.* О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий. Харьков, 1993.

84. *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863 гг.). СПб, 1892.

85. *Сорокин Ю.С.* К истории семантических изменений слов в русском языке (влияние и его синонимы) // Сб. статей к 70-тилетию акад. В.В. Виноградова. М., 1965.

86. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е гг. XIX века). М.; Л., 1965.

87. *Степанов Н.Л.* "Северная пчела" Ф.В. Булгарин // Очерки по истории русской журналистики и критики (XVIII век и первая половина XIX века). Л., 1950. Т. 1.

88. *Степанов Ю.С., Проскурин С.Г.* Смена "культурных парадигм" и ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий. Харьков, 1993.

89. *Столянский П.Н.* Пушкин и "Северная Пчела" // Пушкин и его современники. Пгр, 1914—1916. Вып. 19—20, 23—24, 31—32.

90. *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по истории русской литературы и просвещению. СПб, 1889. Т. 1—2.

91. *Томашевский Б.М.* Пушкин (Опыт изучения творческого развития): Материалы и монографии. Л., 1961. Кн. 2.

92. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. Киев, 1901.

93. Утопия и утопическое мышление / Пер. с нем., англ., фр. и др. яз.; Сост., предисл. и общ. ред. В.А. Чаликовой. М., 1991.

94. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц.; Вступ. статья Н.С. Автономовой. М., 1977.

95. *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма / Сост. и коммент. С.Г. Блинова, Л.З. Каменской и др.; Отв. ред., автор вступ. статьи З.А. Каменский. М.: Наука, 1991. Т. 1—2.

96. *Чилтон П.* По ту сторону безопасности: метафора у пределов политической мысли // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5.
97. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб, 1897—1904. Т. 1—4.
98. *Шильдер Н.К.* Император Николай I. СПб, 1903. Т. 1—2.
99. *Шильдер Н.К.* Император Павел I. СПб, 1901.
100. *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собр. соч. и переводов. СПб, 1824. Ч. 2.
101. *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1.
102. *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии // *Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.* Очерки истории русской философии / Сост., вступ. статья, примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Люботина. Свердловск, 1991.
103. *Щеголев П.Е.* Декабристы. М.; Л., 1926.
104. *Энгельгардт Н.А.* История русской литературы XIX столетия. СПб, 1902. Т. 1.
105. Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. М., 1987.
106. Язык и стиль буржуазной пропаганды / Под ред. Я.Н. Засурского, А.А. Парятниковой. М., 1988.
107. *Янов А.* Загадка Фаддея Булгарина // Вопросы литературы. 1991. № 9—10.
108. *Besancon A.* Present sovietique et passé russe. Paris, 1980.
109. *Commager H.-S.* The defeat of America // New York Review of Books, 5 oct. 1972. P. 10—11.
110. *Foucault M.* L'archeologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969.
111. *Lakoff G., Jonson M.* Metaphors we live by. Chicago, London. Univ. of Chicago press, cop. 1980.
112. *Marcuse H.* One dimensional Man: Studies in the ideology of advanced industrial society. Boston: Beacon Press, 1966.
113. *Mejszutowicz Z.* Powiesc obyczajowa Tadeusza Bulharyna // Prace komisji slawianoznawstwa, PAN, 1978, n. 39.
114. *Mejszutowicz Z.* T. Bulharyn w zyciu literackim Rosji pierwszej polowy w. XIX // Prace komisji slawianoznawstwa, PAN, 1986, n. 45.
115. *Moscovici S.* Communication processing and the proprieties of language // Berkowitz, ed., Advances in Experimental Social Psychology III. N.—Y.: Academic Press, 1967.
116. *Pecheux M.* Les Verites de la Palice. P., 1975.
117. *Riasanovsky N.* Nicholas I and official nationality in Russia. 1825—1855. Berkeley—Los Angeles, 1959.
118. *Voltaire Fr.-M.* Arouet de, Dictionnaire Philosophique... Paris: Didot, 1816, t. 9.
119. *Woloszynski R.W.* Polsko-rosyjskie zwjaski w naukach społecznych, 1801—1830, Warszawa: Panstw. wyd-wo nauk, 1974.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Фок М.Я. Aphorismes (1826 г.). ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Оп. 1. № 1884. (на фр. яз.)

Письмо издателей "Северной пчелы" о предоставлении привилегий (б/д). ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1880.

Агентурные записки М.Я. Фока о писателях, находящихся в оппозиции (14 марта 1829—август 1831 года). ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1900.

Агентурные записки по наблюдению за литераторами... (1826—1831). ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1886.

Записка (Греча Н.) под заглавием "Мнения и толки о гласности и законной свободы мнения" (печати). (Мнения и толки на щет гласности и законной свободы тиснения) (б/д). ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1920.

Записка Греча Н. о необходимости издавать частные журналы под наблюдением правительства для исправления общественного мнения в пользу правительства (31 марта 1826 г.). ЦГАОР. 1-й секр. арх. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1881.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Записки Булгарина:

ОМ — "О цензуре в России и о книгопечатании вообще"

Л — "Нечто о Царскосельском лицее и о духе оногo"

ВЛ — "Каким образом можно уничтожить пагубные влияния злонамеренных людей на крестьян" (1826)

Р — "Некоторые общие соображения относительно плана наблюдения, особенно за военными лицами"

АИ — "Имеют ли иностранные державы влияние на политический образ мыслей в России"

МГ — донос М. Грибовского 1821 года

ЖМНПр — Журнал министерства народного просвещения

НЛО — "Новое литературное обозрение"

РС — "Русская старина"

О цензуре в России и о книгопечатании вообще

Необыкновенные перевороты в политическом мире, воследовавшие в продолжение последних тридцати лет, порождавшие постепенно страх и надежду во всех сословиях общества, сделали людей любопытными, внимательными ко всем происшествиям и распространили вкус к средствам, сообщающим познания, сведения и известия, т. е. к ч т е н и ю. По естественному порядку вещей каждый предмет, обращающий на себя наше внимание, подвергается нашему суждению. Большинство голосов или суждений образует о б щ е е м н е н и е, которое, невзирая на заблуждение некоторых недалководидных политиков, существует везде, во всяком государстве, во всяком образе правления, увлекает за собой толпу, раздаёт славу или бесславие и порождает добро и зло. Но большая часть людей, по умственной лени, занятиям, недостатку сведений, слабости характера, врожденной гибкости ума или раздражительному чувству, гораздо способнее принимать и присваивать себе чужое суждение, нежели судить самим, и как общее мнение уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять оным посредством книгопечатания, нежели предоставлять его на волю людей злонамеренных. Этим средством истребляются зародыши многих бедствий, и все политики, все великие люди согласны в том.

Россия не столь просвещенна, как другие государства Европы, но по своему положению она более других государств имеет нужду в нравственном и политическом воспитании взрослых людей и направлении их к цели, предназначенной правительством. Силой невозможно остановить распространение идей, подобно как корабля на ходу при сильном волнении: можно снять флюгер, указующий направление ветра, но этим невозможно переменить ветра. Напротив того, искусное направление парусами и рулем даже вопреки ветру выведет корабль мимо опасных мест к желаемой пристани.

Чтобы управлять о б щ и м м н е н и е м, надобно знать его стихии, или элементы. Бросим краткий взгляд на все сословия, составляющие нашу публику.

1. Знатные и богатые люди. Большая часть их, т.е. девятнадцать двадцатых, получили самое поверхностное воспитание и не имеют даже тех сведений, которые почерпает юношество в обыкновенных пригготовительных школах Германии или в гимназиях литовских и остзейских губерний. Отданные с детства на руки французским гувернерам (в числе коих весьма мало достойных воспитателей), молодые русские дворяне, под их руководством, учатся только многим языкам, получают поверхностное понятие об истории и других науках и, переняв совершенно образ мыслей своих воспитателей, на 17 или 18 году вступают в свет, не имея никакого понятия о людях и вещах и вовсе не зная России. Они всех людей, даже китайцев, почитают французами, смотрят на все французскими глазами и судят обо всем на французский манер. Все, что было и есть во Франции, кажется им совершенным и применительным (applicable) повсюду. Верх мудрости почитают они правила французских энциклопедистов, которые и называют ф и л о с о ф и е й. Хотя по своему положению в свете сей класс людей долженствовал бы быть привязан к настоящему образу правления, но преждевременное честолюбие, оскорбленное самолюбие, неуместная самонадеянность заставляет их часто проповедовать правила, вредные для них самих и для правительства. Как богатые и знатные люди имеют возможность быть хорошо воспитанными, то многие, судя по поверхности, уже почитают их хорошо воспитанными, т.е. они берут возможность исполнения за самое исполнение. Правительству весьма легко истребить влияние сих людей на общее мнение и даже подчинить их господствующему мнению действием приверженных к правительству писателей. Их легко можно перевоспитать, убедить и дать настоящее направление их умам.

2. Среднее состояние. Оно состоит у нас: а) из достаточных дворян, находящихся в службе, и помещиков, живущих в деревнях; б) из бедных дворян, воспитанных в казенных заведениях; в) из чиновников гражданских и всех тех, которых мы называем приказными; г) из богатых купцов, заводчиков и даже мещан. Это состояние самое многочисленное, по большей части образовавшееся и образующееся само собой, посредством чтения и сообщения идей, составляет так называемую русскую публику. Она читает много и большей частью по-русски, бдительно следит за успехами словесности и примечает быстрый или стесненный ее ход. Просвещение нашей публики нельзя сравнить с другими государствами, но наша публика имеет то преимущест-

во перед другими, что она подобно юноше живет ощущает все впечатления, способнее принять всякое направление и довольствуется весьма немногим. Не надобно больших усилий, чтобы быть не только любимым ею, но даже обожаемым. К этому два средства: справедливость и некоторая гласность (publicite). Публикация о происшествиях 14 декабря, наверно, столько выиграла сердец в пользу монарха, сколько самый милостивый манифест. Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать к трону одной тенью свободы в мнениях насчет некоторых мер и проектов правительства, как сие было до 1816 г.: И поныне с восторгом вспоминают о царствовании Екатерины II по ее Наказу, по сильным нравственным комедиям и журнальным суждениям о различных предметах, по одам Державина и т.п. Споры, бывшие в "Духе журналов" о некоторых мерах министерства внутренних дел и статьи "Вестника Европы", в начале царствования императора Александра, поныне услаждают нашу публику. Повторяю, что восстановлением суждений о том, что угодно будет правительству передать на суждение публики, произведется благодетельное влияние на умы и не только в России, но даже и в чужих краях. — Совершенное безмолвие порождает недоверчивость и заставляет предполагать слабость; неограниченная гласность производит своеволие; гласность же, вдохновенная самим правительством, примиряет обе стороны и для обеих полезна. Составив общее мнение, весьма легко управлять им, как собственным делом, которого мы знаем все тайные пружины. Другая важная от сего польза для правительства будет та, что оно узнает способных людей. Теперь вообще жалуются на их недостаток, на *disette d'hommes* — тогда способности выплывут наверх.

3. Нижнее состояние. Оно заключает в себе мелких подьячих, грамотных крестьян и мещан, деревенских священников и вообще церковников и важный класс раскольников. На нижнее состояние у нас поныне вовсе не обращали внимания в литературно-политическом отношении и по их безмолвию судили о них весьма неосновательно. Этот класс читает весьма много. Обыкновенное их чтение составляют духовные книги, странствия к святым местам, весело-нравственные повествования и все вообще относящееся к внутреннему управлению России. — Раскольничьи скиты, волостные правления и вольные слободы суть места, где рассуждают о всех указах и мерах правительства и читают статьи, относящиеся до

устройства России. Находящиеся в Петербурге и Москве повенные от раскольнических обществ, от казенных вотчин, мелочные продавцы, закупающие гуртом на год товары для продажи в провинциях, запасаются новыми указами, номерами газет или журналов, где находится что-либо для них любопытное, и привозят с собой или пересылают с земляками на родину. — Ко мне несколько раз являлись мужики и торговцы с просьбами продать или подарить номерок журнала, и я от них и от купечества узнавал многие занимательные подробности об их положении. Раскольничьи скиты суть самые опасные жерла, которых никак нельзя погасить одними полицейскими средствами. Нет другой возможности совершенно овладеть их умами, как силой убеждения. Магический жезл, которым можно управлять по произволу нижним состоянием, есть *М а т у ш к а Р о с с и я*. Искусный писатель, представляя сей священный предмет в тысяче разнообразных видов, как в калейдоскопе, легко покорит умы нижнего состояния, которое у нас рассуждает более, нежели думают.

4. У ч е н ы е и л и т е р а т о р ы. Истинных ученых, т.е. людей, посвятивших себя исключительно наукам, у нас кроме профессоров весьма мало, и те, по большей части, иностранцы. Истинных литераторов, владеющих языком, начитанных, знающих Россию и ее потребности и способных распространить, изложить, украсить всякую заданную тему, — должно сознаться, к стыду, также мало. Но как у нас всякий стихотворец и памфлетист пользуется в обществе некоторым преимуществом и даже имеет влияние на свой круг общества, то вовсе бесполезно раздражать этих людей, когда нет ничего легче, как привязать их ласковым обхождением и снятием запрещения писать о безделицах, например о театре и т.п. Ласковый прием И.А. Крылова государем императором произвел благоприятнейшее впечатление в умах литераторов и публики, нежели какое-нибудь важное пожертвование в пользу наук и учебных заведений.

Иерархия литераторов увлекается мнением тех, которые управляют ими силой своего дарования. — С этим классом гораздо легче сладить в России, нежели многие думают. — Главное дело состоит в том, чтобы дать деятельность их уму и обращать деятельность истинно-просвещенных людей на предметы, избранные самим правительством, а для всех вообще иметь какую-нибудь одну общую, маловажную цель, например театр, который у нас должен заменить суждения о камерах и министрах. Весьма замечательно, что с тех пор, как запрещено писать о театре и су-

дить об игре актеров, молодые люди перестали посещать театры, начали сходитья вместе, толковать вкось и впрямь о политике, жаловаться на правительство даже явно. Я в душе моей уверен, что сия неполитическая мера увлекла многих юношей в бездну преступления и в тайные общества. Я тысячу раз слышал от молодых людей следующие жалобы: "Можно ли жить, когда даже запрещают за свои деньги судить о театре и актёрах! Чего после этого не в состоянии запретить!" Я несколько раз говорил об этом покойному графу Милорадовичу, подавал бумагу ему и в комитет театров, излагал вред политический от сих мер, но тщетно. Театральные интриги заглушали голос усердия, и все оставалось по-прежнему. Здесь не излишним почитаю изложить вкратце причины, заставившие принять сии неполитические меры в пользу некоторых особ, принадлежавших к театру.

В наших столицах, кроме театров, нет никаких публичных увеселений. Этот предмет занимает все состояния. Помещаемые статьи в журналах о театре служат пищею для всеобщих разговоров в чертогах знатных, в казармах и в гостинном дворе. Между тем публика с неудовольствием заметила, что князь Шаховский, овладевший (по дружбе с графом Милорадовичем) репертуаром, представляет одни свои пьесы, из которых множество дурных, и что главные роли раздает своим питомцам и вообще состоящим под его покровительством актрисам и актерам. — Журналы заговорили об этом, и князь Шаховский достигнул того, что запрещено писать не только о пьесах, представляемых на театре, но даже об игре актеров. Должно ли упомянуть, что сие запрещение произвело сильный переворот в литературе, послужило к погашению возникающих дарований и оскорблению заслуживших внимание публики и привыкших к должной дани их трудам и способностям? Должно ли упоминать здесь, что запрещено было публике изъявлять каким бы то ни было образом свое неудовольствие об игре актеров и актрис и даже хлопать в знак удовольствия актрисам, не покровительствуемым дирекцией? Все это однако ж существует. Но я обращаю более внимание на политическую часть, т.е. на препоны, поставленные деятельности ума и чувства, которые, быв раздражены, обратились к другим предметам.

К сему должно присовокупить, что даже по отставке князя Шаховского театральное начальство неохотно соглашается, чтобы публика, платящая деньги за свое удовольствие, имела совещательный голос посредством журналов в представлениях театраль-

ных, ибо через это начальство театра теряет часть своего влияния. Тогда директор театра или начальник репертуарной части не может уже по своему капризу и произволу распределять роли покровительствуемым им актрисам и актерам, не может по своей воле определять степени их достоинства и не может принимать посредственных или дурных пьес своих приятелей преимущественно пред хорошими. Суждение о пьесах в театральном комитете, куда приглашаются и некоторые литераторы, есть одно театральное представление, есть одна форма. Из 50 принимаемых пьес едва одну читают в комитете и то в таком случае, когда дирекция хочет отказать автору, имеющему какое-нибудь значение в свете, и в то же время хочет свалить на других, а именно приглашенных в комитет литераторов, неприятность отказа. Что же касается до суждения об игре актеров, то для избежания личностей стоит только предписать два правила: 1) чтоб всякий сочинитель критики подписывал свое имя; 2) чтобы журналист отвечал за все двусмысленности и личности, помещаемые в его журнал. После этого исчезнут все намеки и эпиграммы.

Я потому столько распространился о театре, что почитаю это весьма важным делом к успокоению умов и водворению в публике доверенности к правительству, ибо знаю всех литераторов и публику, с которой ежедневно беседую, знаю в точности, какое неудовольствие произвело сие запрещение в умах пылкого юношества и даже людей степенных, любящих справедливость.

Рассмотрев четыре отделения, составляющие публику, и потребность или стремление каждого, обращаюсь к действиям ныне существующей цензуры.

Цензура установлена для того, чтобы препятствовать распространению идей, вредных вере, нравственности, существующему образу правления, и пресекать личности. Неискусными мерами наша цензура не только не достигла сей цели и не произвела желаемой пользы, но только раздражала умы и повредила правительству странными своими поступками. Бросим взгляд на каждую часть в особенности.

1) В отношении к вере. Цензура состояла сперва под влиянием мистицизма, а ныне состоит под влиянием противной ей партии. Сперва выходило множество книг сектаторских, мистических, ныне покровительствуются книги, служащие опровержением первым. Из сего борения партий не произошло никакой пользы для веры и нравственности, напротив того, размно-

жились секты, толки о вере и самые вредные идеи для правительства. Об этом предмете нельзя говорить кратко, и потому я умалчиваю здесь об оном. Мысли о сем я излагал по воле покойного графа Милорадовича, для блаженной памяти императора Александра. Не знаю, где находится поданная мною бумага, в кабинете ли его величества или между бумагами покойного графа.

Что же делала цензура под влиянием мистиков и их противников? Распространяя вредные для чистой веры книги, она истребляла из словесности только одни слова и выражения, освященные временем и употреблением. Вот для образчика несколько выражений, не позволенных нашей цензурой, как оскорбительных для веры: отечественное небо; небесный взгляд, ангельская улыбка, божественный Платон, ради Бога, ей Богу, Бог одарил его; он вечно занят был охотой и т.п. Все подчеркнутые здесь слова запрещены нашей цензурой, и словесность, а особенно поэзия, совершенно стеснены. Должно заметить, что даже папская цензура позволяет сии выражения, чему служит доказательством нынешняя итальянская поэзия.

Столь смешное ханжество, представляя цензуру в самом странном виде, заставляло многих молодых людей принимать действие за причину и уменьшало уважение их к правительству. Для краткости я пропускаю множество примеров из действий цензуры, которые, без приложения подлинных доказательств, показались бы невероятными. Стоит посмотреть выключенные места из одного листка газеты или одной книжки журнала, чтобы удостовериться, что цензура не постигает цели правительства, а вместо того, чтобы смотреть на дух сочинений, привязывается к одним словам и фразам.

2) В отношении к правительству вместо того, чтобы запрещать писать против правительства, цензура запрещает писать о правительстве и в пользу оного. Всякая статья, где стоит слово правительство, министр, губернатор, директор, запрещена впредь, что бы она ни заключала. Повторяю, все зло происходит от того, что у нас смотрят не на дух сочинения, а на одни слова и фразы, и тот, кто искусными перифразами может избежать в сочинении запрещенных цензурой слов, часто заставляет ее пропускать неподобающие вещи: Напротив того, всякое чистое, благоразумное суждение и повествование о благодетельных мерах правительства строго запрещено. Самые сильные препоны для

словесности и наук воспоследовали от издания повеления в 1822 г., которым запрещено было всем служащим писать и публиковать о делах, до службы касающихся, и о внутреннем и внешнем состоянии России, без позволения начальства. Существо сего повеления весьма справедливо, ибо нигде, даже в самой Англии, не позволяется публиковать актов правительства без согласия оногo. Но наша цензура приняла сие повеление в противном смысле и не позволяет печатать никаких, даже маловажных, известий без согласия различных министерств, которые иногда из снисхождения позволяют, а чаще отговариваются тем, что не имеют предписания, как действовать в сем случае, и множество любопытных вещей пропадает для наук. С тех пор география и статистика России пришли в совершенный упадок. Цензура не позволяет даже извещать публику без согласия начальства разных отраслей правления о всенародных происшествиях, парадах, фейерверках, гуляньях, экзаменах в казенных и частных заведениях, о феноменах природы, в разных местах России случающихся и проч. Кто бы подумал, что для помещения известия о граде, засухе, урагане должно быть позволение министерства внутренних дел, о данном графом Милорадовичем фейерверке в Екатерингофе надлежало получить позволение самого графа; об экзамене частного пансиона нельзя известить родителей без согласия самого начальника пансиона и т.п. От этого периодические издания теряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатания нескольких страничек обегать все министерства и часто без успеха, вовсе отказываются от помещения отечественных известий, и мы только из иностранных журналов почерпаем ложные и ошибочные известия о России, например: на приложение изображения медали за взятие Парижа в "Северной Пчеле" сам министр просвещения не мог дать позволения и издатели у г. военного генерал-губернатора выпросили право известить публику о том, что происходило всенародно. Трудно поверить, что наша цензура почитает вредным правительству? Один писатель при взгляде на гранитные колоссальные колонны Исаакиевского храма восклицает: "Это, кажется, столпы могущества России!" Цензура вымарала с замечанием, что столпы России суть министры. Другой писатель, описывая герб генерала де ла Круа, в Ревеле, сказал, что ножки гроба изображают орлов — цензура вымарала с замечанием, что орел есть герб России, а потому и нельзя говорить о нем таким образом. Таковыми поступ-

ками цензура не могла приобрести себе уважения, напротив, сделалась предметом насмешек, сатир и эпиграмм, в которых всегда обвинялось правительство.

3) В отношении нравственности. В сем случае цензура, как и в двух первых, привязываясь единственно к словам, часто пропускала самые соблазнительные стихотворения, а иногда запрещала самые невинные статьи. Например, повесть, в которой жид представлен добродетельным человеком (хотя в той же повести ни один христианин не представлен злым), почтена безнравственной, потому что жида не могут и не должны быть добродетельными. В повестях нельзя сказать: жених поцеловал свою невесту, но посмотрел на невесту; вместо он любил ее должно говорить он хотел жениться и т.п. Не смею утруждать внимания множеством подобных нелепостей и повторяю: стоит просмотреть одну книжку журнала.

4) Касательно личности. У нас до сих пор защищали не лица, но пороки и дурные поступки. Запрещено строжайше, даже в переводах с иностранного, представлять камергеров, министров, генералов и особенно князей и графов иначе как в самых блестящих красках и людьми добродетельными. От этого вместо пользы происходит вред, ибо читатели, видя в натуре слабости человечества и сравнивая с идеалами, тем менее уважают тех, которые представляются на бумаге всегда как образцы, как совершенство человечества. Добро не покажется добром, если не будет в противоположности со злом: картина без теней не привлечет внимания и похвал.

Намекнув самым кратким образом о действиях цензуры и принимая на себя ответственность доказать все сказанное о деле по рукописям, хранящимся в архиве цензурного комитета, осмеливаюсь представить мои мысли касательно преобразования цензуры.

Мысли о преобразовании цензуры

Петербург, средоточие просвещения, где находится двор, все министерства, все главные учебные заведения, следовательно, самая просвещенная часть народа, где заведено более казенных типографий, нежели сколько их существует в целой России, где издаются почти все журналы и книги, имеет только трех цензоров, а из того числа два русских, когда, напротив того, все города, где находятся университеты, имеют их до 20. От этого цен-

зура не может быть бдительной и деятельной, часто поступает наудачу и по человечеству не может выдержать необыкновенных трудов, на нее возложенных. У нас в Петербурге существует Академия наук, которой члены не обременены трудами (исключая г. Френа и еще одного или двух). Один раз в год или в два года Академия издает один том своих Записок, где немногие академики помещают свои статьи. Кроме того, академия издает теперь вновь с большими издержками путешествия по России своих путешественников, которые проданы были сперва на вес, как бесполезные вещи. Содержание имеют гг. академики значительное и по службе получают большие выгоды. Почему бы гг. академикам не заниматься цензурой книг по ученой части, чтоб быть полезным правительству, которое их награждает свыше заслуг? Во всех университетах гг. профессора исполняют обязанность цензоров; ибо кому сходнее поверить цензуру книг, как не тем, кому поверяется важнейшее воспитание юношества? Наши профессора С.-Петербургского университета имеют весьма мало занятий: некоторые из них имеют по две кафедры таких наук, которые в целом мире преподаются нераздельно. Так например, у нас существуют особые кафедры географии, статистики и политической экономии, когда сии три отрасли должны непременно преподаваться вместе, ибо они отдельно могут быть преподаваемы как разве в нижних училищах. Гг. здешние профессора занимаются только преподаванием частных уроков по домам и сим уничтожают свое почтенное звание, превратившись из ветеранов наук в *congteurs des Sachets*. В Москве, Вильне, Дерпте, где считается по несколько сот студентов, профессора с всеобщим уважением занимаются своей обязанностью, не учат из постыдной прибыли в частных домах и суть в то же время цензорами: На это, может быть, станут отвечать, что профессора должны заниматься частными уроками, по недостатку хороших частных учителей. Но почему же родители не посылают детей своих на публичные курсы в гимназии и университеты, как это делается в Вильне, Дерпте и даже в Москве? Лучше, чтобы юношество училось на публичных курсах, состоящих под надзором правительства, нежели по домам, где никто не может ручаться за преподаваемые правила.

Итак, из гг. академиков и профессоров без малейшей прибавки жалованья можно составить многочисленный цензурный комитет, где могут заседать, как почетные члены, несколько литераторов с

совещательным голосом. Две духовные особы должны быть непременно прикомандированы только для разрешения духовных пунктов, встречающихся в светских сочинениях. Все же духовные сочинения подлежат Синоду и духовной цензуре.

Сей комитет должен разделяться на два отделения под председательством президента, назначенного правительством:

1-е отделение — по части математических и физических наук;

2-е отделение — по части истории, статистики и словесности.

Гг. цензоры могут заниматься работой на дому, а два раза в неделю собираться в комитет, для представления на общее разрешение сомнительных мест. При сих двух отделениях полагается секретарь и несколько писцов на особом жалованье.

3-е отделение — театральные пьес и периодических изданий: журналов, газет и альманахов должно быть при министерстве внутренних дел по части высшей полиции (*la haute police*). Сюда же принадлежит и цензура приходящих из чужих краев книг. Это потому, что театральные пьесы и журналы, имея обширный круг зрителей или читателей, скорее и сильнее действуют на умы и на общее мнение. И как высшей полиции должно знать общее мнение и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно иметь в руках своих служащие к сему орудия. 3-е отделение может быть в сношениях, но не должно быть в зависимости от двух первых и должно действовать особо, по воле самого государя императора, изъявляемой министру. Сие 3-е отделение должно быть составлено из чиновников, просвещенных в полном смысле слова, надежных и нравственных. Они должны получать хорошее содержание. Шесть человек, включая в то число и секретаря, весьма достаточно для сего отделения.

Апелляция на два первые должна поступать в главное правление училищ, председательствуемое самим министром просвещения, а на 3-е отделение — к министру внутренних дел или начальнику высшей полиции, который в важных случаях докладывает самому государю императору. Екатерина II и Наполеон не пренебрегали сею отраслью администрации, управляющей общим мнением.

Что же касается до правил, какими должна руководствоваться цензура, то сие не подлежит моему рассуждению. Я представил нашу публику и цензуру в их настоящем положении и это почи-

таю достаточным для принятия нужных мер к удовлетворению первой и усовершенствованию последней. Исполнение самых лучших законов зависит от наблюдения за исполнителями и указания волей монарха пути, по которому должно следовать.

Сим оканчиваю мое мнение, которое мне внушено любовью к добру, к тишине, порядку и правосудию. Я бы вменил себе в преступление, если бы умолчал о тех обстоятельствах, которые мне казались вредными правительству и доводили не только до неудовольствия, но даже до исступления пылкие умы, лишенные всякой деятельности. Как журналист, состоя в беспрестанных литературных сношениях со всеми литераторами, цензурой и публикой, я узнал их потребности, недостатки и похвальные качества, о которых теперь представляю правительству. Бескорыстная привязанность к государю, ознаменовавшему начало своего царствования твердостью характера и правосудием, возлагает на меня обязанность представить истину без покрова, в той надежде, что если мысли мои будут удостоены того, чтобы быть ему представленными, он по великодушию своему простит мою смелость из уважения к чистоте моих намерений.

Фаддей Булгарин, издатель "Северной Пчелы",
"Северного Архива" и "Сына Отечества"

Мнение А.С. Шишкова о цензуре и книгопечатании в России¹ 1826 года

Начальник главного штаба вашего императорского величества препроводил ко мне, по высочайшему повелению, выписку, заключающую в себе некоторые замечания насчет цензуры и книгопечатания в России, с тем, чтобы я представил вашему величеству свое по сему предмету мнение.

Обратив надлежащее внимание на означенную выписку, я нахожу, что содержание оной заключается в следующих главных статьях: в рассмотрении разных сословий, составляющих у нас так называемую публику, в исчислении недостатков существо-

¹ В "Русской старине" 1900 г. (Т. 103. № 9. С. 579—591) была напечатана записка о цензуре Ф.В. Булгарина, которая по высочайшему повелению 5 июля 1826 г. была препровождена Дибичем на заключение министра народного просвещения. Это заключение и печатается в настоящее время. — Ред.

вавшей доселе цензуры и, наконец, в представлении некоторых мыслей о преобразовании оной.

Изложив на каждую их сих статей подробно мое мнение и представляя оное при сем на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение, я долгом почитаю всеподданнейше доложить вашему величеству, что сочинитель выписки, говоря о настоящем положении цензуры, не имел в виду нового, высочайше утвержденного в 10-й день протекшего июня, Устава о цензуре, которым отклонены все изведенные опытом недостатки прежнего цензурного управления. Но как избранные на сей конец средства не совсем согласны с предполагаемыми сочинителем выписки нововведениями, то в прилагаемом при сем мнении моем и показаны неудобства сих последних.

Новое образование цензуры, постановленное высочайше утвержденным в 10-й день протекшего июня Уставом, чуждо всех сих неудобств и вполне соответствует потребностям сей части. Верховный цензурный комитет имеет в трех членах своих главных начальников трех важнейших, по отношению к цензуре, отраслей государственного управления и оттого снабжен всеми средствами наблюдать за хорошим направлением печатаемых в России книг и сочинений.

Рассмотрение рукописи под заглавием: о цензуре в России и о книгопечатании вообще

"Необыкновенные перевороты в политическом мире, воследовавшие в продолжение последних тридцати лет, порождавшие постепенно страх и надежду во всех сословиях общества, сделали людей любопытными, внимательными ко всем происшествиям и распространили вкус к средствам, сообщающим познания, сведения и известия, то есть к чтению"².

Гораздо ближайшей и более естественной причиной умножившейся у нас склонности к чтению почитаю я быстрое, в течение последних тридцати лет, распространение просвещения в отечестве нашем. Многие сотни учебных заведений восприяли в России в сие время свое начало, и мудрено ли, что вместе с тем умножились в разных состояниях любители чтения и возросло любопытство? Впрочем, исключая Отечественную войну, немного окажется политических происшествий, которые бы могли в тече-

² Русская старина. 1990. № 9. С. 579.

ние означенного времени породить у нас постепенно страх и надежду во всех сословиях общества.

"Россия не столь просвещенна, как другие государства Европы, но, по своему положению, она более других государств имеет нужду в нравственном и политическом воспитании взрослых людей и направлении их к цели, предназначенной правительством"³.

Направление подданных к цели, предназначенной правительством, равно важно для всякого государства, и я не знаю, почему предстоит в том преимущественная надобность для России. Сочинитель выписки говорит, что сего требует положение ее; но какое положение? Географическое, физическое или политическое, сего не объясняет. По крайней мере в нравственном и политическом воспитании взрослых людей, если бы и предположить возможность одного, не менее должны нуждаться Франция, Неаполь, Испания и другие государства, в которых, в продолжение тридцати последних лет, возникали политические неурядица и перевороты.

"Силою невозможно остановить распространение идей, подобно как корабля на ходу, при сильном волнении. Можно снять флюгер, указующий направление ветра, но этим невозможно переметнуть ветра. Напротив того, искусное управление парусами и рулем, даже вопреки ветру, выведет корабль мимо опасных мест к желаемой пристани"⁴.

Распространение идей, полезных для блага государства, отнюдь не должно быть стесняемо; что касается до вредных для общества мнений, как-то противных вере, правительству и правам, то таковые и можно и должно останавливать решительно; ибо неоспоримо, что сим мнениям или идеям нельзя дать хорошего направления. Надежда вопреки распространяющимся ложным и вредным мнениям достигать предположенной правительством цели несбыточна и опасна. Всякое зло должно быть пресекаемо в корне; в противном случае, невзирая на все другие меры, оно рано или поздно непременно произведет те горестные последствия, которые отклонить старались.

³ Русская старина. 1990. № 9. С. 580.

⁴ Там же.

II. Сословия, составляющие публику

1. "Знатные и богатые люди. Большая часть их, т.е. девятнадцать двадцатых, получили самое поверхностное воспитание и не имеют даже тех сведений, которые почерпает юношество в обыкновенных приуготовительных школах Германии или в гимназиях литовских и остзейских губерний. Отданные с детства на руки французским гувернерам (в числе коих весьма мало достойных воспитателей), молодые русские дворяне, под их руководством, учатся только многим языкам и получают поверхностное понятие об истории и других науках. Верхом мудрости почитают они правила французских энциклопедистов, которые и называются у них философией. Хотя по своему положению в свете сей класс людей долженствовал бы быть привязан к настоящему образу правления, но преждевременное честолюбие, оскорбленное самолюбие, неуместная самонадеянность заставляет их часто проповедовать правила, вредные для них самих и для правительства. Весьма легко истребить влияние сих людей на общее мнение и даже подчинить их господствующему мнению действием приверженных к правительству писателей. Их легко можно перевоспитать, убедить, дать настоящее направление их умам"⁵.

Сомневаюсь, чтобы легко было перевоспитать, убедить и дать настоящее направление умам людей, зараженных подражанием французам. Немало писано против сего благомыслящими писателями, но не последовало от того никакой пользы. Можно было с основательностью надеяться, что происшествия 1812 года произведут спасительный перелом в пользу характера народного; но и сие не имело надлежащего успеха. После сего напрасно бы было кричать родителям: воспитывайте детей своих по-русски. Ибо если бы кто-либо и воспользовался таким советом, то по необходимости вскоре бы раскаялся в том, увидев, что недостаточное познание французского языка и непривычка к французскому обхождению немало вредят детям его. На французском языке рассуждают у нас о важнейших государственных делах министры в кабинетах своих; на французском языке говорят генералы перед войском; французский язык сделался как бы признаком образованности и необходимой принадлежностью лучшего общества и особливо между женщинами. И при всех таковых обстоятельствах можно ли ис-

⁵ Русская старина. 1990. № 9. С. 580.

требить сие зло, столь сильно вкоренившееся в наших нравах, действием некоторых писателей, которых, по всей вероятности, и читать никто не захочет?

2. Говоря о среднем состоянии, в которое входят достаточные и бедные дворяне, чиновники гражданские, приказные люди, купцы, заводчики и даже мещане, сочинитель выписки говорит, что оно составляет так называемую русскую публику. По мнению его, не надобно больших усилий, чтобы быть не только любимым ею, но даже обожаемым; для того потребны два средства: справедливость и гласность (*publicite*). Нашу публику, говорит он, можно совершенно покорить, увлечь, привязать к трону одной тенью свободы в мнениях насчет мер и проектов правительства, как сие было до 1816 года.

Нет сомнения, что справедливость есть одно из надежнейших средств к приобретению любви народной; но чтобы сие не требовало больших усилий, в том я никак не могу согласиться. Относительно к гласности в распоряжениях правительства, то, по мнению моему, гласность сия отнюдь не должна быть безусловная, но расчетливая и основанная на опытном познании свойств и нравственных потребностей народа. Что касается до возможности совершенно покорить, увлечь, привязать нашу публику к трону одной только свободой в мнениях насчет некоторых мер и проектов правительства, то сие, кажется мне, скорее может произвести неуважение к правительству, нежели привязанность к трону. Меры и проекты правительства, предаваемые на суждение журналистов, уже часто от сей одной причины не достигнут желаемой цели. Никакая важная мера не должна быть предпринимается в государственном управлении без зрелого о пользе оной рассуждения; но рассуждение сие в монархическом правлении принадлежит не публике и народу, а государю и высшим правительственным местам. При таком положении, если бы правительство усмотрело невыгоду предполагаемых им мер или затруднительность приведения их в исполнение, то может без всякого неудобства отложить на время или вовсе отменить намерения свои, и сие не будет сопровождаться никакими неприятными последствиями. Напротив того, допуская о своих намерениях неуместные рассуждения подданных, оно поставляет себя как бы в некоторую зависимость от их заключений и как бы обязывается отчетом пред ними, так что в случае неудачи непременно дает место праздным толкам и превратным суждениям; а все сие не только нарушает должное к верховной власти уважение, но и бывает

причиной весьма важных неустойств. В подтверждение сего заключения, довольно будет привести следующее.

Известно, что в некоторое время царствования блаженной памяти государя императора позволялось писать о свободе крестьян, и, кроме нарочно изданных о сем книг, все почти наши журналы наполнены были разными о сем рассуждениями. Что же из сего последовало? Обстоятельства сии не укрылись от простого народа, и беспрепятственное печатание подобных статей принято было несомнительным знаком желания правительства дать крестьянам свободу. Отсель произошло неповиновение их помещикам и частые бунты, которые даже и до сего времени пресечены быть не могут. Я очень помню, что одна взбунтовавшаяся большая вотчина, при всеподданнейшем прошении на имя блаженной памяти государя императора, представила книжку "Вестника Европы", в которой рассуждаемо было о пользе освобождения крестьян, как доказательство, что само правительство подало повод к таковым с их стороны действиям, и что они, не повинуюсь своему помещику, только входят в его виды.

3. О нижнем состоянии. Сочинитель выписки говорит, что оно заключается у нас в мелких подьячих, грамотных крестьянах и мещанах, деревенских священниках и вообще церковниках, с присовокуплением к ним важного класса раскольников. "Магический жезл, которым можно управлять по произволу сим состоянием, есть М а т у ш к а Р о с с и я. Искусный писатель, продолжает он, представляя сей священный предмет в тысяче разнообразных видов, как в калейдоскопе, легко покорит умы н и ж н е г о с о с т о я н и я, которое у нас рассуждает более, нежели думают⁶"

Правда, что посредством любви к отечеству и привязанности к родине, свойственных нашему народу, можно успевать во многом по отношению к направлению образа мыслей простого класса людей, но как в нем вообще весьма мало находится читателей, то и не так-то легко действовать на оный посредством писателей, как полагает сочинитель выписки. Что касается до раскольников, сего закоренелого в своих предрассудках и заблуждениях класса, то едва ли М а г и ч е с к и й ж е з л сочинителя не останется без всякой силы. Единственного средства к убеждению сих людей, по мнению моему, искать должно в стараниях духовенства нашего.

⁶ Русская старина. 1990. № 9. С. 582.

4. По отношению к ученым и литераторам, сочинитель выписки утверждает, что вовсе бесполезно раздражать этих людей, когда нет ничего легче, как привязать их ласковым обхождением и снятием запрещения писать о безделицах, например о театре и т.д.

Раздражать без всякой причины никого не должно; запрещения же писать о безделицах и даже о театре в новом Уставе о цензуре не существует, а потому, пропуская все, что говорит о сем сочинитель выписки, я поспешаю к рассмотрению указанных им недостатков существовавшего доселе цензурного управления.

III. О недостатках цензуры

1. "В отношении к вере. Цензура состояла сперва под влиянием мистицизма, а ныне состоит под влиянием противной партии. Сперва выходило множество книг сектаторских, мистических; ныне покровительствуются книги, служащие опровержением первых. Из сего борения партий не произошло никакой пользы для веры и нравственности; напротив того, размножились секты, толки о вере и самые дурные идеи о правительстве"⁷.

До вступления моего в управление министерством народного просвещения цензура, как объясняется сочинителем замечаний, состояла под влиянием мистицизма, и тогда выходило множество сектаторских и мистических книг. Естественным последствием сего зла было размножение сект, толков о вере и самых вредных мнений для правительства; но сие произошло не от борения партий или от нынешнего сопротивления сему злу, как угодно утверждать о том сочинителю, но единственно от покровительства мистицизму. По случаю доклада вашему императорскому величеству в 3-й день января сего года о книгах духовного содержания, напечатанных за несколько лет пред сим без дозволения духовной цензуры, я имел счастье представить выписку из оных и замечания, которые ясно показывают, что в сих духовных или мистических книгах, под видом таинственного истолкования священного писания и применения разных мест содержания оногo к так называемому нравственному, но в сущем деле развратному учению, искажена святость книг Божественного Откровения и рассеяны явные и возмутительные лжеучения, совершенно противные церковным и гражданским постановлениям. Для меня весьма

⁷ Русская старина. 1990. № 9. С. 584.

удивительно, что после сего запрещение печатать подобные книги называется влиянием партии, и покровительству книг, служащих опровержением первым, приписывается размножение сект, толков о вере и самых вредных идей для правительства. Не говоря уже о том, что от опровержения нечестивых и возмутительных книг не могло произойти никаких других последствий, кроме добрых, нельзя не заметить, что со времени вступления моего в управление министерством ни одной книги, в опровержение мистических, не напечатано, а следовательно, сочинитель замечаний или не знает порядочно дела, о котором изъясняется, или утверждает вещи небывалые.

2. В отношении к правительству. Сочинитель замечаний говорит, что у нас смотрят не на дух сочинений, но на одни слова и фразы. Вместо того, чтобы запрещать писать против правительства, цензура запрещает писать о правительстве. Самые сильные препоны для словесности и наук воспоследовали от издания повеления в 1822 году, которым запрещено было всем служащим писать и публиковать о делах, до службы относящихся, и о внутреннем и внешнем состоянии России, без позволения начальства. Существо сего повеления весьма справедливо, ибо нигде, даже в самой Англии, не позволяется публиковать актов правительства без согласия оного. Но наша цензура приняла сие повеление в противном смысле и не позволяет печатать никаких, даже мало-важных, известий без согласия различных министерств, которые иногда из снисхождения позволяют, а чаще отговариваются тем, что не имеют предписаний, как действовать в сем случае, и множество любопытных вещей пропадают для наук.

Я не знаю, на чем сочинитель замечаний основывает столь решительное утверждение, что у нас смотрят не на дух сочинений, но на одни только слова и фразы. По крайней мере во все управление мое министерством народного просвещения к сему наипаче обращемо было все внимание цензуры, и кроме немногих случаев неосмотрительности цензоров, о которых тогда же доводимо было до высочайшего сведения, я желал бы видеть хотя одно сочинение, написанное в дурном духе и в сие время пропущенное. Впрочем, цензура как прежде, так и ныне не может оставлять без внимания самых слов и фраз, ибо они дают настоящее значение составным частям сочинения. Что касается до запрещения печатать всякого рода статьи без согласия того министерства, о предметах коего в них рассуждается, то, по мнению моему, ничто не

может быть благонадежнее для правительства, как сие распоряжение: ибо никто не может рассудить с большей основательностью, полезно ли пропустить к напечатанию ту или другую статью, как правительственное место, где производятся дела, имеющие непосредственное к тому отношение, и получают сведения о происшествиях, обнаруживающие справедливость или неосновательность предполагаемых к напечатанию сведений и рассуждений. Иногда маловажное по-видимому известие делается весьма важным по стечению обстоятельств, и обнаружение оно в превратном виде может влечь за собой самые неприятные последствия.

3. В отношении к нравственности. Здесь сочинитель замечаний повторяет прежде сказанное, что цензура, привязываясь единственно к словам, часто пропускает самые соблазнительные стихотворения, а иногда запрещает самые невинные статьи.

Так как я уже достаточно говорил о неосновательности такового утверждения, по отношению ко времени управления моего министерством народного просвещения, то и излишним почитаю еще более распространяться о сем.

4. "К а с а т е л ь н о л и ч н о с т и. У нас до сих пор защищали не лица, а пороки и дурные поступки. Запрещено строжайше, даже в переводах с иностранного, представлять камер-героев, министров, генералов, и особенно князей и графов иначе, как в самых блестящих красках и людьми добродетельными"⁸.

Такового запрещения вовсе не существовало и существовать не может. В защиту пороков и дурных поступков не сделано ни одного распоряжения по цензуре с самого учреждения министерства народного просвещения, и я не могу не удивляться столь превратному толкованию о действиях цензуры. Она запрещает вымышленные повествования о министрах, графах, князьях и проч., а также и переводы сего рода, приносившие, по сходству обстоятельств, к обиде чести какого-либо из наших государственных людей; и ничего не может быть справедливее. Известно, что злонамеренные писатели, желая выказать недоброжелательство свое к какому-либо лицу, облеченному доверенностью правительства, и не смея осмеивать или осуждать его в сочинениях своих явно, прибегают к вышеизъясненному средству и под вымышленными именами министров, графов или князей описывают помяну-

⁸ Русская старина. 1990. № 9. С. 587.

тое лицо самыми черными красками, а выставляя в то же время некоторые сходные с обстоятельствами происшествия и отношения разных лиц, намекают довольно ясно, о ком они говорят таким образом. Нет сомнения, что цензура обязана тщательно пресекать всякое покушение к подобным соблазнительным действиям.

IV. Мысли о преобразовании цензуры

Упомянув о недостаточном числе цензоров в С.-Петербурге, коих по прежнему штату было только три, сочинитель замечаний полагает полезным составить многочисленный цензурный комитет из академиков и профессоров, без малейшей прибавки жалованья, где могут заседать, как почетные члены, несколько литераторов с совещательным голосом, сверх того две духовные особы должны быть прикомандированы только для разрешения духовных пунктов, встречающихся в светских сочинениях. Все же духовные сочинения должны подлежать Синоду и духовной цензуре.

Неудобство предоставления права цензуры большему числу чиновников изведено многолетними опытами при некоторых университетах, где лекторами цензуры полагались все ординарные, экстраординарные профессора и даже магистры. Какой же пользы ожидать можно от предполагаемого в С.-Петербурге цензурного комитета, который, по назначению сочинителя замечаний, должен состоять по крайней мере из 50 или 60 человек. Не говоря уже о медленности делопроизводства, неразлучной с таким образованием, обязанности цензоров раздробятся на множество разных лиц, между которыми не может существовать единства. Сверх того, при таком порядке вещей важное цензурное дело будет почитаться как бы второстепенным или побочным занятием употребленных для сего чиновников, тем более, что многотрудному званию цензоров не полагается предоставить никакой особенной выгоды и даже не назначается производства жалованья.

"Сей комитет должен разделяться на два отделения под председательством президента, назначенного правительством.

1-е отделение, по части математических и физических наук.

2-е отделение, по части истории, статистики и словесности⁹.

Такое разделение нахожу я весьма недостаточным: ибо в нем опущены весьма важные отрасли человеческих познаний, как-то: науки философские, юридические и медицинские. Сверх того, не

⁹ Русская старина. 1990. № 9. С. 588.

упоминается ни слова о музыкальных сочинениях и произведениях гравирования и литографии, которые также должны быть подвергаемы цензуре.

"3-е отделение театральных пьес и периодических изданий, журналов, газет и альманахов, должно быть при министерстве внутренних дел по части высшей полиции (*la haute police*). Сюда же принадлежит и цензура приходящих из чужих краев книг. Это потому, что театральные пьесы и журналы, имея обширный круг зрителей или читателей, скорее и сильнее действуют на умы и на общее мнение. И как высшей полиции должно знать общее мнение и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно иметь в руках своих служащие к тому орудия. 3-е отделение может быть в сношениях, но не должно быть в зависимости от двух первых и должно действовать особо по воле государя императора, изъявляемой министру. Сие третье отделение должно быть составлено из чиновников, просвещенных в полном смысле слова, надежных и нравственных. Они должны получать хорошее содержание. Шесть человек, включая в то число и секретаря, весьма достаточно для сего отделения"¹⁰.

При составлении нового Устава о цензуре касательно театральных сочинений приняты в рассуждение следующие обстоятельства: 1) что сочинения сии печатаются не для представления только, а преимущественно для чтения, а 2) что многие театральные сочинения печатаются исключительно только для чтения. На сем основании наблюдение за представлением театральных сочинений и позволение играть новые сего рода произведения оставлено принадлежностью министерства внутренних дел; что касается до одобрения к напечатанию их, то сие отнесено к министерству народного просвещения. Распределение сие почитаю я совершенно соответствующим существу самого дела и пользе общественной.

Относительно отделения от министерства народного просвещения цензуры журналов, газет и альманахов, то, по мнению моему, сие не только было бы вовсе бесполезно, но даже и не безвредно. Ибо кроме того, что цензуры во всех сих случаях руководствоваться должны теми же правилами, правительство без единства и согласия в распоряжениях, стремящихся к одной и той же цели, т.е. к охранению веры, преданности к престолу и нравов народных, не может иметь никакого надежного в сем важном деле

¹⁰ Русская старина. 1990. № 9. С. 589.

обеспечения. Всеобщность и согласие действий при цензуре всех вообще печатаемых в России книг гораздо более представляет возможности и способов министерству народного просвещения направлять общественное мнение к полезной цели, нежели сколько может иметь их министерство внутренних дел или полиция.

Нечто о Царскосельском Лицее и о духе оногo

Что значит лицейский дух. — Откуда и как он произошел. — Какие его последствия и влияние на общество. — Средства к другому направлению юных умов и водворению истинных монархических правил

1. **Что значит лицейский дух.** В свете называется лицейским духом, когда молодой человек не уважает старших, обходится фамильярно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая тех случаев, когда для фанфаронады надобно показаться любителем равенства. Молодой вертопрах должен при сем порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или сам быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском знать все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений. Сверх того он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах; казаться неверующим христианским догматам и, более всего, представляться филантропом и русским патриотом. К тону принадлежит также обязанность насмеяться над выправкой и обучением войск, и в сей цели выдуманно ими слово шагистика. Пророчество перемен, хула всех мер или презрительное молчание, когда хвалят что-нибудь, суть отличительные черты сих господ в обществах. Верноподданный значит укоризну на их языке, европеец и либерал — почетные названия. Какая-то насмешливая угрюмость вечно затемняет чело сих юношей и оно проясняется только в часы буйной веселости.

Вот образчик молодых и даже многих не молодых людей, которых у нас довольно число. У лицейских воспитанников, их друзей и приверженцев этот характер называется в свете: **лицейский дух.** Для возмужалых людей прибрано другое название:

Мергис Souverain pour le genre humain, а в сокращении мергис; для третьего разряда, т.е. сильных крикунов — просто либерал. Например: каков тебе кажется такой-то: хорош, но с лицейским душком, или: хорош, но мергис или прямо: либерал.

2. Откуда и как он произошел. Первое начало либерализма и всех вольных идей зародыш в религиозном мистицизме секты мартинистов, которая в конце царствования императрицы Екатерины II существовала в Москве, под начальством Новикова, и даже имела свои логи и тайные заседания. Иван Владимирович Лопухин, Тургенев (отец осужденного в Сибирь)¹, Муравьев (отец Никиты, осужденного) и многие лица, которые здесь не упоминаются, сильно содействовали Новикову к распространению либеральных идей посредством произвольного толкования Священного писания, масонства, мистицизма, распространения книг иностранных вредного содержания и издания книг чрезвычайно либеральных на русском языке. Хотя сих последних осталось весьма немного, но о истреблении оных должно поручить попечение людям умным, расторопным и благомыслящим — независимо от какой-нибудь министерской власти. Подобные комиссии поручаются обыкновенно людям, служащим по министерству просвещения, где менее всего находится людей сведущих, умеющих различить пользу от вреда и знающих русскую библиографию. Из желания выслужиться, они бросаются на какие-нибудь фразы и вместо пользы для правительства производят соблазн и вред. Об этом в другом месте поговорим подробнее.

Когда Новиков был сослан в Сибирь [sic! Б.М.] и секта его рушилась, рассеянные адепты стали по разным местам отдельно проповедовать его учение. Тургенев был попечителем Московского университета, находился в дружбе с Мих. Никитичем Муравьевым и рекомендовал ему многих молодых людей своего образования, которых сей последний пускал в ход, по своим связям. Другие делали то же, — и вскоре люди, приготовленные неприметно, большая часть сами не зная того, взяли перевес в свете и по службе и по отличному своему положению, стоя, так сказать, на первых местах картины, сделались образцами для подражания. Новикова и мартинистов забыли, но дух их пережил и, глубоко укоренившись, производил беспрестанно горькие плоды. Должно

¹ Записка Булгарина, следовательно, написана была после 13-го июля 1826 года, т.е. после приведения в исполнение приговора над декабристами.

заметить, что план новиковского общества был почти тот же, как Союза благоденствия, с той разницей, что новиковцы думали основать малую республику в Сибири, на границе Китая, и по ней преобразовать всю Россию.

Французская революция была благотворной росой для сих горьких растений. Ужас, произведенный ею, исчез, — правила остались и распространились множеством выходцев, коим поверяли воспитание и с коими дружились без всякого разбора. Кратковременное царствование императора Павла Петровича не погасило пламени, но прикрыло только пеплом. Настало царствование императора Александра, и новые обстоятельства дали новое направление сему духу и образу мыслей.

До 1807 года продолжались различные благие начинания в отношении к воспитанию, к просвещению и государственному управлению. Но как по несчастному стечению обстоятельств не было достаточного числа способных людей для управления всеми частями нововведений, то они, при всем благом намерении государя императора, с сего времени начали разрушаться или приняли совсем другое направление. Завели везде народные школы, не имея достаточного числа порядочных учителей и смотрителей, — и оттого они не достигли своей цели. Университеты, образованные не в нравах русских, но на немецкую ногу, не принесли ожидаемой пользы. В Германии юношество приезжает охотой учиться, и молодые люди живут без надзора на вольных квартирах, посещая по произволу лекции. У нас этот порядок или, лучше сказать, беспорядок имел самое вредное влияние на нравы и образ мыслей. Молодые люди утопали в разврате и вовсе не учились, и если из сего времени вышло несколько образованных людей, то это из Московского университетского пансиона, где воспитанники жили под присмотром; из Университета же вышло несколько из остзейских дворян и несколько бедняков, пристрастных к учению, но весьма мало. Управление университетов на германский образец также не принялось в России: чиновничество исчезло, а науки мало подвинулись вперед. Словесность и науки представляют едва несколько ученых из всего этого огромного заведения и ни одного литератора.

Неспособность некоторых частных лиц искажила прекрасное учреждение министерств². Вместо того, чтобы посредством мини-

² Было написано: Неспособность некоторых министров и учреждение излишнее бюрократии испортили сие прекрасное учреждение.

стерской власти содействовать успехам различных частей государственного управления, вместо того, чтобы Министр, держа в руке последнее звено электрической цепи, мог по произволу сообщать движение всей массе и, обнимая орлиным взглядом целое, наблюдать за ходом машины, все действие министров ограничилось подписыванием бумаг, мелочами, деталями, а все действия чиновников — производством бумаг, получением и отправлением оных. Переходя от одной мелочи к другой, занимаясь пустой перепиской, министры пренебрегали общими видами, усовершенствованиями, ходом, направлением дел. Корыстолюбцы, интриганы и пролазы воспользовались этим и замешали более дела, чтобы, как говорится, в мутной воде ловить рыбу. Главное внимание обращалось на то, чтобы все было по штату и на бумаге, о настоящем заботились только те, которые имели в том личные свои выгоды. Из сего произошло то, что теперь уже сделалось известным мудрому нашему монарху. В просвещении — пренебрежено главнейшее: в о с п и т а н и е и направление умов к полезной цели посредством литературы³. [В финансах — упадок кредита, торговли и фабрик, истребление государственных лесов, недоверчивость в сделках с правительством, питейная система, гильдейское положение и т.п. В юстиции — взятки, безнравственность, решение и двойное, тройное перерешение дел по протекциям, даже после высочайшей конфирмации. В министерстве внутренних дел — совершенный упадок полиции и безнаказанность губернаторов и всех вообще злоупотреблений. В Военном министерстве — расхищения. Возник всеобщий ропот, который был приглушен громом оружия. Наступил мир. Почти целое юношество, возвратясь из-за границы, начало сравнивать, судить, толковать, перетолковывать и, не видя или не постигая или даже не желая видеть, что все зло произошло не от порядка вещей, а от недостатка способных людей, все приписывало дурному учреждению порядка вещей. Никто не заботился направлять общее мнение, воспитывать, так сказать, взрослых людей, доказать им, что Россия по составу своему, по обширности, по малонаселенности, по разнообразию народов, по недостатку всеобщего просвещения неспособна принять образа правления, выхваляемого в иностранных государствах. Вредоносное дерево росло на открытом воздухе: почва его тучнела от разглашения различных злоупотреблений, которые были общим предметом разговоров и суждений]. О других министерствах здесь упоминать не место.

³ Дальнейший абзац зачеркнут и нами здесь взят в прямые скобки.

Во время самой сильной ферментации умов, в 1811 году, ново-заведенный Лицей наполнился юношеством из хороших фамилий. Молодым людям преподавали науки хорошие профессора, их одевали чисто, помещали в великолепных комнатах, кормили прекрасно, — но никто не позаботился, даже не подумал, что этому новому рассаднику должно было дать свет и влажность в одинаковой пропорции и не оставлять одни произрастания расти в тени, а другие — на солнце, одни на тучной, другие на бесплодной земле. Все это предоставлено было случаю. Никто не взял на себя труда испытать нравственность каждого ученика (а их было весьма не много), узнать, в чем он имеет недостаток, какую главную страсть, какой образ мыслей, какие понятия о вещах, чтобы, истребляя вредное в самом начале, развить понятия в пользу настоящего образа правления и к сей цели направлять все воспитание юношества, назначенного занимать важные места и по своему образованию давать тон между молодыми людьми. Это именно ускользнуло от наставников, — впрочем, людей добрых и благомысленных.

В Царском Селе стоял гусарский полк, там живало летом множество семейств, приезжало множество гостей из столицы, — и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральные, которые кружили в свете. Должно заметить, что тогда было в тоне посещать молодых людей в Лицее; они даже потихоньку (т.е. без позволения, но я в н о) ходили на вечеринки в дома, уезжали в Петербург, куликали с офицерами и посещали многих людей в Петербурге, игравших значительные роли, которых я не хочу называть. В Лицее начали читать все запрещенные книги, там находился архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам, и, наконец, пришло к тому, что если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в Лицей.

После войны с французами (в 1816 и 1817 годах) образовалось общество под названием Арзамасского. Оно было ни литературное, ни политическое в тесном значении сих слов, но в настоящем своем существовании клонилось само собой и к той, и к другой цели. Оно сперва имело в намерении просечь интриги в словесности и в драматургии, поддерживать истинные таланты и явить самозванцев-словесников. Члены общества были неизвестны или хотя известны всем, но не объявляли о себе публике; но общество было явное. Оно было шуточное, забавное и во всяком случае принесло бы более пользы, нежели вреда, если б было направляемо кем-нибудь к своей настоящей цели. Но как никто о

сем не заботился, то Арзамасское общество без умысла принесло вред, особенно Лицею. Сие общество составляли люди, из коих почти все, за исключением двух или трех, были отличного образования, шли в свете по блестящему пути и почти все были или дети членов новиковской мартинистской секты, или воспитанники ее членов, или товарищи и друзья и родственники сих воспитанников. Дух времени истребил мистику, но либерализм цвел во всей красе! Вскоре это общество сообщило свой дух большей части юношества и, покровительствуя Пушкина и других лицейских юношей, раздуло без умысла искры и превратило их в пламень. Не упоминаю о членах Арзамасского общества, ибо многие из них вовсе переменяли образ мыслей и стоят на высоких степенях.

Итак, не науки и не образ преподавания оных виновны в укоренении либерального духа между лицейскими воспитанниками. Во-первых, политические науки преподавались в Лицее весьма поверхностно и мало; во-вторых, едва несколько слушали прилежно курс политических наук, и те именно вышли не либералы, как, например, Корф и другие: либеральничали те, которые весьма дурно учились и, будучи школьниками, уже хотели быть сочинителями, судьями всего, — одним словом, созревшими. Профессоры Кайданов, Кошанский, Куницын — все люди добрые, образованные и благонамеренные; они почли бы себе за грех и за преступление толковать своим ученикам то, чего не должно. Но направление (*impulsion*) политическое было уже дано извне, и профессору, беседуя с учениками только в классах, не только не могли переделать их нравственности, но даже затруднялись с юношами, которые делали им беспрестанно свои вопросы, почерпнутые из политических брошюр и запрещенных книг. Весьма вероятно, что составившееся в 1816 году Тайное общество, распространив вскоре круг своего действия на Петербург, имело умысленное и сильное влияние на Лицей. Начальники Лицея, под предлогом благородного обхождения, позволяли юношеству безнаказанно своевольничать, а на нравственность и образ мыслей не обращали ни малейшего внимания. И как, с одной стороны, правительство не заботилось, а с другой стороны — частные люди заботились о делании либералов, то дух времени превозмог — и либерализм укоренился в Лицее, в самом мерзком виде. Вот как возник и распространился Лицейский дух, который грешно назвать либерализмом! Во всех учебных заведениях подражали Лицею, и молодые люди, воспитанные дома, за честь поставляли дружить с лицейскими и подражать им.

3. Какие последствия и влияния его на общество? Молодые люди, будучи не в состоянии писать о важных политических предметах, по недостатку учености, и желая дать доказательства своего вольнодумства, начали писать пасквили и эпиграммы против правительства, которые вскоре распространялись, приносили громкую славу молодым шалунам и доставляли им предпочтение в кругу зараженного общества. Они водились с офицерами гвардии, с знатными молодыми людьми, были покровительствованы арзамасцами и членами Тайного общества, шалили безнаказанно, служили дурно и, за дурные дела пользуясь в свете наградами и уважением, тем давали самое пагубное направление обществу молодых людей, которые уже в домах своих не слушали родителей, в насмешку называли их верно подданными и почитали себя преобразователями, детьми нового века, новым поколением, рожденным наслаждаться благодеяниями своего века. Все советы были тщетными. Они почитали себя выше всех⁴. "Дух журналов" был отголоском их мнения — может быть и неумышленно.

4. Средства к другому направлению юных умов и водворению истинных монархических правил. Если кто хочет переменить течение ручья, то должен начинать его у самого истока; лестницу должно мести с верхних ступеней. Для истребления чего-либо не довольно приказать, чтобы исполняли новые правила, — надобно выбрать исполнителей и наблюдать за ними, а не то — новое положение останется только в наружности и на бумаге. Ныне нельзя уже употреблять тех средств, которые пригодились бы лет 30 тому назад или даже 15. Если стадо бежит вперед, то пастырю нельзя остановить его или воротить, не двигаясь с места: надобно, чтобы он забежал вперед и чтобы имел искусных и послушных псов. Правительству также надобно подвигаться вперед и действовать сообразно с духом времени и с понятиями тех, коих должно поставить на истинный путь. Первый шаг уже сделан: мудрый государь наш начал пешись о воспитании. Дай Бог, чтобы ему удалось выбрать на безлюдьи хороших начальников учебных заведений. Но у нас нет вовсе педагогов, и один только счастливый случай может указать полезных людей, которые бы с искусством исполняли благие виды государя.

⁴ В этой всей тираде несомненное кивание на Пушкина и друзей его молодости.

Ныне наступил век убеждения, и чтобы заставить юношу думать, как должно, надобно действовать на него нравственно. Но пример лучше покажет недостатки средств и меры, кои должно употреблять.

Несколько лет тому назад воспитанник Виленской гимназии, Платер, написал на доске: В и в а т, да з д р а в с т в у е т К о н с т и т у ц и я 3 М а я! В России это вышло бы из обыкновенного порядка вещей, но в Польше, где каждый помнит прежний порядок вещей и толкует о нем, вещь эта не была сама по себе удивительной. Принявшись поправлять, испортили дело... Это случилось именно в день 3 Мая. Один учитель донес о сем; всех школьников разогнали, Платера отдали в солдаты, наставников удалили — и сделали то, что юноши, которые прежде не думали о Конституции 3 Мая, почли ее священной вещью, а себя — мучениками! Родители и учителя превратились в недовольных, и дух, усыпленный прежде, возник и распространился со вредом для Правительства, без пользы для юношества. Я бы сделал так: 1. Сперва узнал бы я, откуда родилась в голове юноши идея прославлять Конституцию? Если в училище, то от кого; если из дома, то в каком виде сообщилась ему. 2. Я бы удостоверился, способен ли мальчик к принятию других идей. 3. Сделано ли сие по мгновенному порыву юности или с целью. Исследовав сие, и я бы решил: должно ли изгнать мальчика, не возбуждая в других сильного к нему участия, или оставить его и перевоспитать. Я бы не сказал: не делайте и не говорите, а не то — выгоню и высеку. За другие шалости можно так обходиться, но где действует мысль и убеждение, там должно противодействовать убеждением. Я уверен, что этим я бы не истребил зла, — сделал бы только лицемеров и упустил бы из виду зло, за которым мне надлежало наблюдать. Я бы взял на себя труд заняться направлением юных умов, сбившихся с истинного пути. Я бы растолковал юношам, что географическое пространство России, смешение различных народов, малонаселение, степень просвещения — требуют настоящего образа правления; поставил бы в пример падение конституционной Польши и возвышение самодержавной России, — словом, согрел бы юные умы историческими примерами, великими видами на поприще монархическом, и, вероятно, будучи умнее и учнее воспитанников, убедил бы их в противном и искоренил зло в самом его начале. Если б удостоверился тайно, что труды мои тщетны, — тогда бы распустил учеников и набрал новых.

Вообще с юношеством гораздо легче ладить, нежели с взрослыми: стоит только заняться их нравственностью, привязать к себе лаской и строгим правосудием, а не заниматься одной механической частью учения. Нынешние начальники Лицея — люди добрые и благонамеренные, но неспособные к великому делу преобразования духа и образа мыслей. Ученики не любят их, не уважают и не имеют к ним доверия. В целой России я вижу одного только способного к тому человека, — это именно: полковник Броневский, инспектор классов Тульского училища, которое всем обязано ему одному⁵. Колзаков там директором для формы. Я читал замечания Броневского обо всех корпусах и военных училищах в Петербурге; он показывал мне это по доверенности. Чудная вещь: Броневский — человек необыкновенно умный и совершенно знает свое дело. Это единственный педагог, которого можно употребить для преобразования. Он отменно привязан к царской фамилии и со слезами непритворными рассказывал мне о наследнике престола. Он беден и это одно заставит его переселиться сюда или куда угодно.

Для истребления Лицейского духа в свете должно, во-первых, употребить благонамеренных писателей и литераторов, ибо все это юношество льнет к Словесности и к людям, имеющим на оную влияние. В новом цензурном Уставе⁶ находится одна важная погрешность, препятствующая преобразованию мыслей, погрешность, с первого взгляда неприметная: там сказано, что все писатели должны непременно, под лишением собственности, стараться направлять умы к цели, предназначенной правительством. Это надлежало делать, но не говорить, потому что сим средством истребляется доверенность к правительству и писателям, и юношество не станет ничему верить, что писано будет по-русски, полагая, что все пишется не по убеждению, не по соображению ума, а по приказу. Надлежало бы заставить писателей доказывать, рассуждать и убеждать силой красноречия. По нынешнему Уставу этого делать нельзя, ибо каждый может перетолковать как ему угодно фразу и посредством интриги сделать несчастье человека самого благонамеренного: сим Уставом писатели и журналы подчинены безусловной воле министра, который может одним словом запрещать издания и книги.

⁵ Хотя и значительно позже (в апреле 1840 г.) генерал-майор Дмитрий Богданович Броневский был назначен директором Лицея.

⁶ Т.е. Уставе 10 июня 1826 г., так называемом "Шишковском"

Прежде это делалось не иначе, как с высочайшего повеления, а писатели и публика были спокойны и не боялись интриг, влияний на министра его приближенных и т.п.⁷

Должно также давать занятие умам, забавляя их пустыми театральными спорами, критиками и т.п. У нас, напротив того, всякой бездельный шум в свете от критики возбуждает такое внимание, как какое-либо возмущение. И вместо того, чтобы умным и благомыслящим людям радоваться, что в обществах занимаются безделицами с важностью, — начальники по просьбам актрис или подчиненных им авторов тотчас запрещают писать, преследуют автора и цензора за пустяки, — и закулисные гнусные интриги налагают мертвое молчание на журналы. Юношество обращается к другим предметам и, недовольное мелочными притеснениями, сгоняющими их с поприща литературного действия, мало-помалу обращается к порицанию всего, к изысканию предметов к порицанию, наконец, — к политическим мечтам и — гибели.

Должно знать всех людей с духом лицейским, наблюдать за ними, исправимых — ласкать, поддерживать, убеждать и привязывать к настоящему образу правления; возможность этого доказывается членами Арзамасского общества, которые, будучи все обласканы правительством, сделались усердными чиновниками и верноподданными⁸. Неисправимых — без соблазна (*sans scandal et sans eclat*) можно растасовывать по разным местам государства обширного на службу, удаляя их только от пороховых магазинов, т.е. от войска в бездействии, и от легионов юношей, служащих для виду при министерствах и толпящихся в столицах вокруг порицателей (*frondeurs*) и крикунов. Должно стараться, чтобы крикуны и недовольные не имели средоточия действия, мест собраний; должно пресечь их влияние на толпу — и они будут неопасны. С действующими противозаконно и явными ругателями — другое дело — об этом не говорится.

Должно бы истребить весьма легкое переходение в дворянство — с чином 8 класса. Множество дворян без имени и без собственности унижает звание, почетное в монархии, и рождает толпы беспокойных, которые имеют в виду многое, не опасаясь потерь. — Это важное обстоятельство, требующее особенного внимания.

⁷ Здесь и далее Булгарин, несомненно, говорит уже и *pro domo sua* как писатель и издатель "Северной Пчелы"

⁸ Здесь Булгарин имеет в виду сановников-арзамасцев: Уварова, Блудова, Дашкова, Тургеневых, Северина, Вигеля, Жихарева и др.

Действуя и поступая таким образом, с развитием во всей обширности всего того, о чем здесь только говорено намеками, я уверен, что в десять лет Россия будет тем, чем была в среднее время царствования императрицы Екатерины II, — славная, сильная, с просвещением, без идей революционных. Честолюбию и славолюбию будут открыты поприща; стоит ввести юношество на путь, — оно пойдет по нему с радостью и увлечет за собой все дворянство"

Ф. Булгарин

М.Я. фон ФОКУ

Милостивый государь Максим Яковлевич!¹

Вы знаете причины, которые, кроме долга верноподданного, посеяли во мне личную привязанность и благодарность к Государю Императору. Желая всеми моими силами, способностями и опытностью быть ему полезным, я беспрестанно в душе моей забочусь о средствах, могущих утвердить навсегда его священное спокойствие. Чрез вас я уже представлял мысли мои *о книгопечатании, цензуре и общем мнении в России*², удостоившиеся высочайшего воззрения его императорского величества. Теперь вознамерился я представить мысли о предмете не менее важном, а именно: *каким образом можно уничтожить пагубные влияния злонамеренных людей на крестьян.*

В обширной и во многих местах худо населенной России нельзя иметь столь бдительного полицейского надзора над крестьянами, как во Франции и Германии. В тех странах пасторы, мэры, бургомистры и жандармские бригады (расположенные в малых округах) знают нравственность почти каждого поселянина. У нас деревни и села отдалены одно от другого, и почти каждое управляется особенно, по воле помещика, управителя или старосты. Земская полиция (находящаяся у нас не в блестящем состоянии) не имеет с крестьянами никаких сношений, как разве по казенным делам, по части исполнительной, и в таком даже случае непосредственно сносятся с помещиками, а где таковых нет, с управителями и старостами. Деревенские священники, едва вы-

¹ М.Я. фон Фок (1777—1831) — управляющий III отделением в 1826—1831 годах, близкий знакомый Булгарина.

² Публикацию записки Булгарина "О цензуре в России и о книгопечатании вообще" см.: Русская старина. 1900. № 9.

щие из круга крестьян, вовсе не заботятся о нравственности своей паствы и скорее станут произносить жалобы, нежели слова утешения, что отчасти и простительно им, ради бедного их состояния и уничтожения. И так вся полиция у нас принадлежит помещикам, старостам и управителям. Это было бы очень хорошо, если б все помещики жили в своих поместьях, если б все они действовали в духе правительства, если б поведением своим и обращением с крестьянами внушали к себе доверенность и уважение. Но всего этого нет и не существует, как разве в такой малой части, что она неприметна, как капля в море. Никто в целой России не заботится внушать многочисленнейшему сословию, крестьянам, понятий о их обязанностях к Государю, обязанностях, от которых зависит общественное благо и спокойствие. Таковую огромную и непросвещенную массу народа трудно всегда удержать одною силою в пределах долга. Надобно действовать на них *нравственно*. Как и кем? — Это тотчас увидим. Посредством помещиков? — Это отчасти невозможно, а отчасти ненадежно. Большая часть дворян находится в службе; богатые вовсе не живут в деревнях. Те же, которые живут в деревнях, помышляют более о своих выгодах, нежели о благе общем, в отвлеченном смысле, которого часто сами не постигают. При сем неприятным долгом поставляю заметить, что легкомыслие наших дворян во многих случаях удивляет меня. Пользуясь всеми правами и преимуществами в государстве, осыпанные благодеяниями от трона, они при малейшей неприятности по службе, при неудаче в искательстве или при справедливом наказании приятеля или родственника тотчас позабывают о истинном своем благе и, отлучаясь, так сказать, от своей партии, составляют некоторой род *оппозиции*. Главное состоит в том, чтобы критиковать все меры правительства, бранить без пощады все приближенные к трону особы, не щадя даже Высшей власти, и выдумывать на их счет анекдоты, могущие унижить их в общем мнении. Мало просвещенные ограничиваются этим, а люди несколько пообразованнее (не говорю просвещенные) тотчас делаются *либералами* и, повторяя уроки своих гувернеров или кое-что вычитанное, толкуют вкось и впрямь о правах народных, о законах, представителях и тому подобное. В этом-то смешении недовольного невежества и раздосадованного полупросвещения, в этой нечистой пене, происшедшей от кипения страстей, образовались молодые люди, составившие тайные общества. Скажу более: служители, понимая в половину

болтание своих господ, составили себе также какое-то вздорное понятие о вещах и, приезжая в деревню с господами, сносясь с крестьянами, живущими в столицах, и переезжая на житье в деревню, переливают свой незрелый образ мыслей в крестьян. Должно заметить, что прежде французской революции недовольное русское дворянство удалялось в Москву, и там довольствовало только тем, что пересуживало двор и его обычаи. Лет двадцать тому назад настало другое обыкновение, которое ежедневно усиливается, а именно, как только человек почитает себя обиженным, недовольным и как только вздумает блеснуть умом, тотчас начинает *либеральничать*. Без сомнения, что большая часть сих людей, пустых и вздорных, более смешны, нежели опасны, но часто слова, пущенные на ветер, падают на плодородную землю и производят горькие плоды. Я говорю о вредном примере для молодых офицеров, дворянчиков, купцов и слуг, которые слова князей, графов и так называемых умников жадно ловят и вытверживают. Известно, что все, лъстящее самолюбию и обещающее выгоды, скоро распространяется, и вот от чего у нас кружит в народе такое множество ложных идей и незрелых понятий.

Запретить вовсе говорить и невозможно, и было бы вовсе *исполнительски*, потому что скорее можно пресечь вредные и злоумышленные намерения между *говорящими*, нежели между *безмолвными*. Но надобно поставить стену между вредными людьми и массою народа, и к этому я вижу одно только средство. Наш русский народ более других привязан ко всем обрядам веры и церковным постановлениям и, вещь удивительная, менее других народов оказывает уважения и доверенности к духовенству. Привязанность к царям в народе от того сильна, что она соединена у него с религиозными понятиями. Не удивительно ли, что многочисленнейшее сословие народа не связано никакою *нравственною* нитью с престолом? — На них даже не возлагается никакой *нравственной* обязанности! И как политическим узлом нельзя соединить сословие крестьян с тронем, то должно соединить неразрывным союзом Веры. Для этого я предлагаю *присягу*.

Предлог, представленный для удаления крестьян от присяги, кажется мне не сильным и не убедительным. Говорят, что они, присягнув на верность блаженной памяти императору Павлу Петровичу; отказались от повиновения господам, и стали называть себя государственными крестьянами. Но это произошло не от *присяги*, а от формы оной. При начале нынешнего царства-

ния не было присяги, однако ж крестьяне в некоторых губерниях преступили свою обязанность, и это служит доказательством, что причиною смятений бывает не присяга, но вышеизъясненные мною обстоятельства, а именно дурные примеры, дурное обхождение с ними и внушения.

Все сословия в государстве не могут и не должны присягать по одной форме присяги, ибо каждое сословие имеет свои особенные обязанности. Во Франции присягают на каждое новое звание — и справедливо. Для крестьян *казенных и помещичьих* должны быть составлены в Синоде *особые формы присяг*, в которых *первым и главным пунктом* должно быть беспредельное повиновение и верность Государю, установленному от Бога, священному его помазаннику; *вторым пунктом* должно быть повиновение властям и помещикам, установленным Государем. Тогда никто не дерзнет покушаться смущать народ вредными внушениями, ибо *присяга*, которая модновоспитанными дворянами почитается одним образом, в народе произведет свое истинное действие и привяжет его узлом Веры к священной особе Государя. Несчастные события 14 декабря показали, как высоко наш народ ценит присягу, ибо солдаты под сим предлогом вовлечены были в заблуждение. Со мной случился следующий анекдот, который удостоверит, как наши крестьяне думают о присяге. "Чем ты промышляешь зимою?" — спросил я у перевозчика. "Кодем лед и пилим дрова, — отвечал он, — да эту зиму не посчастливилось, чуть было не убили поленьями, во время бунта" — "Вы же виноваты, — сказал я, — зачем не перевязали зачинщиков-разбойников" — "А нам, сударь, какая нужда, — отвечал крестьянин, — дело шло о присяге, а мы не присягали ни одному, ни другому, так грешно и живот нести" — Здесь я кончил разговор, который заставил меня призадуматься. В столице, где было довольно верного войска для усмирения злоумышленников, это равнодушие было безвредно, но в провинциях от равнодушия до преступления один шаг.

Мне кажется, что после коронации или в новый год можно было бы присягнуть целому народу на верность своему законному Государю, пред лицом коего равны и вельможа, и крестьянин. Народ должен быть непременно уверен, что Государь, пользуясь властью, данную ему от Бога, сообщает оную непосредственным их начальникам и помещикам. Со временем это принесет величайшую пользу, и власть самодержавная более укрепитя соединенною силой целого народа. Для сей же причины не худо было бы составить *катехизис* для народных школ, без всяких бого-

словских отвлеченностей, в котором бы обязанности к Богу и Государю объяснены были просто, ясно и удобопонятно. Этот катехизис скоро бы разошелся и произвел благоприятные действия.

Вот что внушило мне усердие и беспредельная привязанность к моему Государю-благодетелю. От Вашего превосходительства зависит решить, полезны ли мои мысли или ошибочны; во всяком случае, цель да заменит недостатки в суждении или изложении.

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пребыть

Вашего превосходительства
Милостивого государя
покорнейшею слугою
Фаддей Булгарин, издатель "Северной Пчелы"

Спбург
7 августа 1826

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. "Как составить общее мнение и управлять оным"	19
I. Спор литератора и министра.....	19
II. Записка о том, "каким образом можно уничтожить пагубные влияния злонамеренных людей на крестьян"	59
Глава 2. Образ в политическом тексте.....	67
Глава 3. Мировоззренческая позиция сквозь призму образной системы.....	81
Записки Булгарина в историко-политическом контексте (вместо заключения)	144
Примечания	155
Библиография	164
Список сокращений.....	170
Приложение	
Записка Ф.В. Булгарина "О книгопечатании в России и о цензуре вообще"	171
Мнение А.С. Шишкова о цензуре и книгопечатании в России 1826 года.....	182
Записка Ф.В. Булгарина "Нечто о Царскосельском Лицее и о духе оногo".....	193
Письмо Ф.В. Булгарина М.Я. фон Фоку	203

Александр Генрихович Алтунян

"ПОЛИТИЧЕСКИЕ МНЕНИЯ" ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА

(Идейно-стилистический анализ записок
Ф.В. Булгарина к Николаю I)

Редактор *С.Н. Мартыничук*

Корректор *Л.В. Доценко*

Оригинал-макет подготовила *И.А. Пеннер*

Изд. лицензия № 021079 от 28.10.96.

Изд. № 1207. Сдано в набор 10.06.97. Подписано в печать 10.03.98.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Antiqua.

Уч.-изд. л. 11,8. Усл. печ. л. 13,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 1071

Издательство УРАО

Москва, Б. Полянка, 58

Типография УРАО. Москва, ул. Корчагина, 7